

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ

В.И.Сергеевич

**ДРЕВНОСТИ
РУССКОГО ПРАВА**

В трех томах

Том 2

**ВЕЧЕ И КНЯЗЬ
СОВЕТНИКИ КНЯЗЯ**

✓ 1385948

Москва
2007

КНИГА ТРЕТЬЯ

ВЕЧЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Где и когда было вече?

На поставленный в названии этой главы вопрос летописец конца XII века, описавший борьбу пригорода Владимира со старшими городами, Ростовом и Суздалем, дает ясный и определенный ответ:

„Новгородци бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане, и вся власти якоже на думу на вече сходятся; на что же старейшии сдумают, на том же пригороди станут“ (Лавр. и Сузд. 1176).

Веча собираются во всех волостях. Они составляют Думу волости. Решения, принятые на вече главными представителями волости, старшими городами, по общему правилу принимаются к исполнению пригородами.

Таково свидетельство современника. Нет ни малейшего основания заподозрить его правдивость. Оно для нас особенно важно по общности своего характера. Человек, описавший борьбу нового города со старыми, по всей вероятности, сам принадлежал к Ростовской волости; судя по тому, что все его симпатии принадлежат Владимиру, можно думать, что он был жителем этого пригорода, а не старших городов. Для этого жителя нового города, обязанного своим возникновением и развитием князьям, вечевого порядок не представляется особенностью Новгорода, Смоленска, Киева, Полоцка, а является общим учреждением всех волостей; он есть достояние и пригорода Владимира. Но по отношению к этому последнему городу летописец замечает некоторое извращение обычных порядков. Везде пригороды подчинялись решениям старших городов; Владимир же не подчинился. Но так как, по мнению летописца, Владимир был прав, то

при помощи Святой Богородицы он и вышел победителем из столкновения со старшими городами.

Приведенное свидетельство сведущего человека не остается одиноким в наших памятниках. От XII века и ближайших к нему годов смежных столетий мы имеем более 50 частных свидетельств о вечевой жизни древних городов из всех концов тогдашней России; по выразительности своей они далеко неодинаковы. Некоторые чрезвычайно кратки, состоят лишь из двух-трех слов, сухо передающих результат вечевой думы, на деле происходившей, может быть, в течение нескольких дней и потребовавшей затраты многих сил. Результат шумной, а может быть, и не без ссоры и драки закончившейся Думы кратко выражается словами: граждане отворили ворота князю; затворились от князя; послали за князем, целовали с ним крест; бились за него, предались князю, заключили с ним мир и т.д.

Приведем некоторые наиболее характерные известия¹.

В 1097 г. волынский князь, Давыд Игоревич, стал подговаривать Святополка-Михаила Киевского к нападению на Василька Тербовльского. Он говорил ему, что Василько замышляет против него недоброе и хочет захватить принадлежащие ему города, Туров и Пинск; в предупреждение Давыд советовал схватить Василька и выдать ему. Тербовльский князь был действительно изменнически лишен свободы и закован в двойные оковы. Но прежде чем решиться на какие-либо дальнейшие действия, Святополк обратился с вопросом к народу:

„Наутрия же Святополк созва боляр и кыян, и поведат им, еже бе ему поведал Давыд, яко „брата ти убил (Василько), а на тя свечался с Володимером и хотять тя убити и грады твои зяяти“. И реше боляре и людье: „тобе, княже, достоить блюсти головы своее. Да аще есть право молвил Давыд, да приметь Василко казнь; аще ли не право глагола Давыд, да приметь месть от Бога и отвечает пред Богом“ (Лавр. 1097).

---

¹ Свидетельств о вечевой жизни в городах Новгородской волости я не привожу.

Ослепление Василька и последовавшее затем нападение Давыда на его волость вызвало отпор со стороны обиженного и его родственников. Василько и брат его, Володарь Перемышльский, сожгли город Всеволож, перебили ни в чем неповинных жителей и приступили к Владимиру, где затворился Давыд. Осаждающие до начала враждебных действий вступили в чрезвычайно характерные переговоры с владимирцами:

„И послаша к володимерцем, — рассказывает о них летописец, — глаголя: ве не приидохове на град ваш, ни на вас, но на врагы своя, Туряка и на Лазаря, и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тех есть послушал Давыд и створил се зло. Да аще хочете за сих битися, да се мы готови; а любо дайте врагы наша“. Граждане же, се слышав, созваша вече, и реша Давыдови людье: „выдай мужи сия, не бьем ся за сих, а за тя битися можем; аще ли, то отворим врата граду, а сам промышляй о себе“ И неволя бысть выдати я. И рече Давыд: „нету их zde, бе бо я послал Лучьску, онем же пошедшим Лучьску, Туряк бежа Киеву, а Лазарь и Василь воротистася Турийску“. И слышаша людье, яко Турийске суть, кликнуша людье на Давыда и рекоша: выдай, кого ти хотять; аще ли, то предаемыся“. Давыд же послав приведе Василя и Лазаря, и дасть я. И сотвориша мир в неделю. А заутра, по зори, повесиша Василя и Лазаря и разстреляша стрелами Василковичи, и идоша от града“ (Лавр. 1097).

Здесь каждое слово знаменательно. Осаждающие вступают в переговоры не с князем, а с народом, хотя князь в городе. Народ сам собирается на вече и обращается к своему князю с требованием выдать виновных под угрозой, в случае отказа, перейти на сторону Василька. Давыд не говорит, что все это незаконные действия, как утверждают некоторые современные нам историки, а указывает только на невозможность исполнить волю народа потому, что требуемые люди не находятся в городе. Князь называет и города, где скрылись виновники раздора. Двое из них были в Турийске, городе, подвластном Давыду. Народ настоятельно повторяет требование выдачи, и князь подчиняется.

Но и это известие чрезвычайно кратко. Оно передает только результаты Думы, а не самый ход совещания. Читатель не видит, где собралось вече, кто присутствовал на нем, кто и что говорил; происходило ли собрание в тишине и спокойствии, или был шум и гам, были побитые.

Под 1099 г. встречаем новое известие о вече во Владимире-Волынском. Киевский князь Святополк-Михаил не обладал ни качествами правителя, ни добродетелями честного человека; у него не было ни твердости характера, ни верности раз данному слову. Он допустил Давыда схватить в своем доме гостя своего, князя Василька, и ослепить его в своем городе, в 10 верстах от Киева. Но когда другие князья, переяславские и черниговские, восстали против этого изменнического поступка и потребовали, чтобы Святополк наказал Давыда, Святополк обратил оружие против недавнего своего друга и советника и осадил принадлежащий ему город, Владимир. Давыд не нашел возможным бороться со Святополком и сдал ему город, но только до перемены обстоятельств к лучшему. Несколько времени спустя он заручился помощью половцев и осадил Владимир, где Святополк оставил сына своего, Мстислава. При первом приступе Мстислав был убит и возник трудный вопрос, что делать: сдаться прежнему князю, Давыду, или стоять за нового, Святополка? Воины целых три дня скрывали от народа смерть своего предводителя.

„И в четвертый день, — говорит летописец, — поведаша на вечи. И реша людье: „се князь убиен; да аще ся вдамы, Святополк погубит ны вся“. И послаша к Святополку, глаголя: „се сын твой убиен, а мы изнемогаем гладом, да аще не придеши, хотят ся людье предати, не могуще глада терпети“ (Лавр. 1097; Воскр. 1099).

Положение города было чрезвычайно трудное. Князья ведут между собой борьбу, которая условливается исключительно своекорыстными расчетами их эгоистической политики. Интересы горожан тут ни при чем. А между тем им непременно придется отвечать перед победителем: дома их будут пограблены и сожжены, жен и детей их уведут в плен. Ввиду такого исхода борьбы они прибегают с просьбой о

помощи к сильнейшему. Святополк, который является исполнителем воли других князей, сильнее Давыда. Но он может запоздать с помощью. Владимирцы предусматривают и этот случай, а потому и говорят, что голод может принудить их к сдаче. Таким образом, если бы они сдались Давыду, а впоследствии взял верх Святополк, у него отнимается основание к преследованию горожан: они сдались не из дружбы к Давыду, а по крайней необходимости.

Записанное в летописи решение Думы, конечно, состоялось не сразу; на вече, по всей вероятности, было немало споров. Но эта сторона дела, крайне для нас интересная, во все не интересовала старого летописца, и он опустил ее.

Ослепление Василька подало повод и еще к одному народному собранию. Союзники Святополка пришли в негодование при вести об ослеплении и потребовали у него ответа. Объяснение киевского князя не удовлетворило их, и они решили напасть на него в его стольном городе. Узнав об этом, Святополк задумал бежать из Киева. Тогда в дело вмешались киевские граждане. Положение их было несколько не лучше владимирцев в только что описанном случае. Предмет княжеской распри совершенно чужд их интересам, а они, тем не менее, неизбежная жертва войны. Бегство Святополка ничему не помогло бы. Как и Давыд, он удалился бы только до перемены обстоятельств к лучшему. Заручившись помощью друзей, своих и иноземцев, он пришел бы возвращать под свою власть Киев. Дома киевлян были бы сожжены, имущество разграблено. Киевляне не хотели ждать этих обычных последствий княжеских распрей. Вот как описывает летописец вмешательство их в ссору князей.

„Наутрия же хотящим (Владимиру Мономаху и Давыду и Олегу Святославичам) чрез Днепр на Святополка; Святополк же хоте побегнути из Киева. Не даша ему кыяне, но послаша Всеволожою и митрополита Николу к Володимеру, глаголюще: „молимся, княже, тебе и братома твоима, не можете погубити Русьские земли; аще бо взмете рать межю собою, погании могут радоватися и возмутъ землю нашу, иже беша стяжали отци ваши и деди ваши, трудом великим и храбрь-

ством поборующе по Русьской земли, ины земли приискиваху; а вы хотите погубити землю Русьскую“ (Лавр. 1097).

Результатом этого посольства было заключение мира, по которому Святополк принял на себя наказание Давыда.

Это известие короче всех предшествующих. Летописец приводит только решение киевлян, не упоминая даже, что они собрались на Думу¹.

Первое характерное известие о вечевой деятельности в XII веке относится к 1112 г. Весной этого года, после Пасхи, скончался киевский князь Святополк-Михаил, и возник вопрос о замещении его стола.

„Наутрия же, в семы на десятый день, — говорит летописец, — свет створиша кияне, послаша к Володимеру, глаголюще: „пойди, княже, на стол отен и деден“. Се слышав Володимер плакася велми и не поиде, жалья си по брате. Кияни же разграбиша двор Путятин, тысячьского, идоша на жиды и разграбиша я. И послашася паки кияне к Володимеру, глаголюще: поиди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то веси, яко много зла уздвигнется, то ти не Путятин двор, ни соцьских, но и жиды грабити, и паки ти пойдут на ятровь твою, и на бояры, и на монастыри, и будеши ответ имел, княже, оже ти монастыре разграбят“. Се же слышав Володимер, поиде в Киев“ (Ипат. 1113).

В этом известии совершенно ясно призвание киевлянами Владимира Мономаха, его отказ, новое приглашение и принятие князем киевского стола. Но почему Владимир сперва отказался, и при чем тут грабеж и угроза ограбить невестку князя, бояр и даже монастыри?

Владимир отказался принять Киевскую волость по первому приглашению, конечно, не потому, что „жалел“ умершего брата, а потому, что на основании Любецкого договора он не должен был занимать Киева. Грабеж по смерти князя его двора и дворов близких ему людей составляет довольно

---

¹ Еще имеем краткие известия о деятельности веча в XI веке для следующих городов: Минска (1067. Воскр.), Луцка (1085. Лавр.), Переяславля Южного (1096. Лавр.), Рязани и Муромы (1096. Лавр.), Смоленска (1096. Лавр.).

обыкновенное явление в том случае, когда князь был нелюбим народом. Но здесь грабеж выходит за пределы неудовольствия умершим князем и приводится в связь с отказом Владимира сесть на киевском столе. Надо полагать, что отказ Владимира от Киева был решительный. Это и понятно: в 1097 г. он целовал крест пред своими двоюродными братьями и племянниками не занимать Киева. Чтобы заставить его нарушить это крестное целование, киевляне и рисуют ему картину анархии, имеющей последовать в случае его отказа от народного избрания. Владимир Мономах занимает Киев по крайней необходимости. В этом оправдание его в нарушении добровольно принятого на себя обязательства. Таким образом, в силу народной воли утвердилось в Киеве потомство третьего сына Ярослава Владимировича.

Следующее затем крупное известие относится к 1127 г. и принадлежит полоцкой истории. Летописец, описав нападение киевского князя, Мстислава Владимировича, с союзниками на полоцких кривичей, заключает свой рассказ следующим известием о Полоцке:

„И тако Полочане стснувшиси выгнаша Давыда и с сынами и поемше Роговолода идоша к Мстиславу, просяще и́ себе князем. И створи волю их Мстислав. И поимше Роговолода ведоша и́ Полотьску“ (Лавр.).

Этим кратким известием и ограничивается сообщение летописца о весьма крупном перевороте, о причинах которого он не нашел нужным сказать и одного слова. Полочане выгнали своего князя и заменили его другим. Этот, на наш взгляд, незаконный и революционный поступок был одобрен могущественным князем Киевской волости, Мстиславом Великим. Как это могло случиться? Скупой на слово летописец не только не объясняет этого, он даже не находит нужным сказать, что в Полоцке собралось вече и рассуждало о перемене князя. Причина переворота заключается, надо думать, во вражде киевского князя с князьями кривичей; этой враждой, конечно, и был вызван поход Мстислава в землю кривичей. Чтобы устранить причину к войне, полочане изгоняют прежнего князя и сажают на его место нового, на избрание которого соизволяет сильный сосед. И здесь, как и в

других волостях, народ старается приспособиться к княжеским усобицам. Найти золотую середину ему, однако, не удалось ни в Полоцке, ни в других местах.

В половине XII века княжил в Полоцке Рогволод Борисович, племянник Рогволода, о котором только что была речь. В 1151 г. он чем-то не угодил полочанам и был свергнут и заменен другим князем. Вот краткий рассказ летописца об этом новом перевороте, также одобренном одним из соседних князей, Святославом Ольговичем Черниговским.

„Том же лете яша полочане Роговолода Борисовича, князя своего, и послаша Меньску и ту и держаша у велице нужи, а Глебовича (надо полагать, Ростислава, двоюродного брата Рогволода) себе уведоша. И послашася полотьчане к Святославу Ольговичю с любовью, яко имети отцом себе и ходити в послушаньи его; и на том целоваша хрест“ (Ипат.).

Мы очень далеко ушли от XII века, и события этого времени кажутся нам малопонятными. Полочане так легко меняют своих князей, как будто бы дело шло о перемене кого-нибудь из мелких должностных лиц. Какое участие принимал в этом деле Святослав Ольгович, еще менее ясно, чем участие Мстислава Владимировича в событиях 1127 г. Святослав Ольгович не был во вражде с Рогволодом. По освобождении из заключения Рогволод нашел даже приют у Святослава, а в 1159 г. Святослав оказал помощь Рогволоду в приискании новой волости. Ясно только то, что Святослав в революционном, на наш взгляд, поступке полочан ничего не видит революционного и принимает их как почтительных детей под свое покровительство, несмотря на опасный пример неповиновения. Нельзя же отрицать, что практика полочан могла подействовать заразительно и на собственных подданных Святослава. Были, конечно, достаточные причины, которые заставляли князей терпеть такие порядки и даже одобрять их.

Что же касается полочан, то их поведение легко объясняется непостоянством народной любви и ненависти. Испытал на себе это непостоянство и Рогволод: в сороковых годах он посажен был на стол полочанами, в 1151 г. изгнан, а в 1159 г. снова призван с радостью. Мы приведем целиком все

место летописи, относящееся к этому второму призванию. В нем встречается указание на вечернюю жизнь и другого города Полоцкой волости, Друцка. Оно во многих отношениях знаменательно.

„Том же лете иде Рогволод Борисович от Святослава от Ольговича искать собе волости, поемь полк Святославль, зане не сотвориша милости ему братья его, вземше под ним волость его и жизнь его всю. И приехав к Случьску, и нача слатися ко дрючаном. Дрючане же ради быша ему, и приездяче к нему вабяхуть и к собе, рекуче: „поеди, княже, не стряпай, ради есме тебе: аче ны ся и с детьми бити за тя, а ради ся, бьем за тя“. И выехаша противу ему более 300 лодий дрючан и полчан, и вниде в город с честью великою, и ради быша ему людие; а Глеба Ростиславича выгнаша и двор его разграбиша горожане и дружину его. И приде же Глеб к отцю (в Полоцк). И мятежь бысть велик в городе, в полчанех, мнози бо хотяху Рогволода. Одва же установи людие Ростислав, и одарив многими дармы и води я к хресту, а сам иде с Всеволодом и с Володарем и с всею братьею на Рогволода к Дрютьску. Рогволод же затворися в городе, и бяхуться крепко и много от обоих падаху, дрючане же укаривахуть много. И створи мир Ростислав с Рогволодом и целоваша хрест межи собою, и прида волости Рогволоду. И воротися Ростислав с братиею в свояси. Том же лете свет зол свещаша на князя своего полочане, на Ростислава на Глебовича, и тако преступиша хрестное целование. На том бо целовали хрест к нему, яко ты нам князь еси и дай ны Бог с тобою пожити, извета никакого же до тебе доложити и до хрестнаго целования. И тако сступиша еже рекше, и послашася в тайне к Рогволоду Борисовичю Дрютьску, рекуче ему: „княже наш сгрешили ест к Богу и к тебе, оже встахом на тя без вины и жизнь твою всю разграбихом и твоя дружины, а самого емше выдахом тя Глебовичем на великую муку; да аше ны не помяниши всего того, иже створихом своим безумием, и хрест к нам целуеши, то мы людие твое, а ты еси наш князь; а Ростислава ти, емше, вдамы в руце, а еже хочещи, то сотвориши ему“. Рогволод же целова к ним хрест на том, яко не помянути ему всего того, и отпусти я в

своеси. И бяху приятели Ростиславу от полчан и известша Ростислава оже хотять и яти. И начаша Ростислава звати льстью у братьщину к святе Богородици к Старей, на Петров день, да ту имуть и. Он же еха к ним, изволочив ся в броне под порты, и не смеша на нь дьрзнути. Наутрии же день начаша и вабити к себе, рекуче: „Княже! поеди к нам, суть ны с тобою речи; поеди же к нам в город“, бяшять бо князь в то веремя на Белцици. И рече Ростислав послом: „а вчера есмь у вас был, а чему есте не молвили ко мне, а что вы было речи?“ Обаче без всякаго извета еха к ним у город. И се погна из города детский его противу ему: „не езди, княже, вече ти в городе, а дружину ти избивають, а тебе хотять яти“. И ту воротися опять и свкупися весь с дружиною на Белцици, и оттуда поиде полком к брату к Володареви Меньску, и много зла створи волости Полотьской, воюя, и скоты, и челядью. И послашася полчане по Рогволода Дрюютьску, и вниде Рогволод Полотьску месяца июля, и седе на столе деда своего и отца своего с честью великою. И таки быша ради полочане“ (Ипат.).

Рогволод, изгнанный в 1151 г. из Полоцка и не получивший ничего от родственников, которые завладели всем его имуществом, решаетя в 1159 г. сам поискать себе волости. Он входит в сношение с дручанами, несмотря на то, что у них не было недостатка в князе. Друцк принадлежал к Полоцкому княжеству и имел посадника в лице сына полоцкого князя, Глеба Ростиславича. Летописец не объясняет мотивов, которыми руководились дручане; он говорит только, что они рады были предложению Рогволода и стали звать его к себе в качестве самостоятельного князя. Рогволод вошел в город, а Глеб бежал к отцу в Полоцк. Полоцкое княжение распалось, таким образом, на две части, которые и вступили немедленно в войну между собой. Ростислав не хотел терпеть умаления своих владений и пошел со всеми братьями на Рогволода к Друцку. Но дручане оказали своему новому князю такую энергическую поддержку, что Ростислав вынужден был не только заключить с противником мир, но и увеличить его владения. Разделение полоцкого княжения было, таким образом, признано и полоцким князем.

Что же происходило в это время в главном городе волости, в Полоцке? Рогволод имел приверженцев и среди полочан; они соединились с дручанами и помогли ему утвердиться у них в городе. После замирения Ростислава с Рогволодом они собрали вече в Полоцке и склонили полочан передать власть Рогволоду, а своего князя выдать ему в полное распоряжение. Ростислав ушел из Полоцка, воюя волость, а Рогволод сел с великою честью на столе деда и отца.

Мотивов низложения одного князя и призвания другого летописец не приводит. С некоторою подробностью он останавливается лишь на раскаянии полочан по поводу изгнания Рогволода в 1151 г. и приводит любопытнейшую черту: полочане горюют о том, что восстали на Рогволода, ограбили его и выдали Глебовичам (вновь призванному тогда князю, Ростиславу, и его братьям) на великую муку без всякой вины с его стороны. По мнению полочан, князь может быть виноват; в этом случае они считают себя вправе восстать на него.

Описанные тревожные события протекли не в молчании, действующие лица постоянно обменивались мыслями. Тут, конечно, высказывались и мотивы, почему одни были за Рогволода, другие за Ростислава. Но все это мало занимало летописца. Он сохранил только намек на этот живой обмен мыслей: во время осады Друцка дручане много укоряли осаждавших. Недовольство Ростиславом обнаружилось в Полоцке, как только Рогволод занял Друцк. Что же делает Ростислав? Берет под свою стражу недовольных и предает их суду, как бы следовало? Нет, он успокаивает их подарками и приводит ко кресту, входит с ними в соглашение. Тем дело и оканчивается.

За полоцкими известиями приведем следующие по времени известия о городах черниговских и киевских. Сообщения летописца о решениях народных Дум вызываются и здесь повествованиями о княжеских усобицах.

Предприимчивый черниговский князь, Всеволод Ольгович, еще при жизни киевского князя, Ярополка, простирает свои замыслы на Киев. В 1138 г. он задумал поход в Киевскую волость и заручился уже помощью половцев. Ярополк Киевский, чтобы предупредить разорение своей земли, по-

спешил двинуться во главе многочисленного войска к Чернигову. С ним шли, кроме киевлян, переяславцы, владимирцы, туровцы, ростовцы, полочане, смоляне, галичане, угры и берендеи. Черниговцы не могли одолеть такой силы и поспешили к своему князю с советом в следующей форме:

„И людье, черниговцы, возпиша ко Всеволоду: „Ты надеешься бежати в Половце, а волость свою погубиши, то к чему ся опять воротишь? Луче того, останися высокоумья своего и проси мира. Мы бо вемы милосердые Ярополче, яко не радуется кровопролитью, но Бога ради восхоцеть мира, то бо соблюдает землю Русскую“.

В этом совете слышится наставление и упрек, слышится и раздражение. Что же делает князь?

„Всеволод же, то слышав, — продолжает летописец, — яко смыслен сый, вниде в ся и рече: „луче есть смиритися, Бога ради“. И посла с покореньем к Ярополку, испроси мир, и целоваше честный крест, и сотвориша мир, и разидошася славяще Бога“ (Лавр. 1138).

В 1139 г., по смерти Ярополка, Всеволоду удалось, наконец, занять киевский стол. Но он не довольствовался распространением своей личной власти, он хотел, чтобы и после его смерти Киевское княжение оставалось под властью черниговских князей. Достигнуть этого без согласия народа было невозможно, а потому он и вступил в переговоры с киевлянами. Описание этих переговоров и последовавших затем событий дает чрезвычайно любопытную страничку из истории вечаевого быта первой половины XII века. Под 1146 г. летописец рассказывает:

„Всеволод же, пришед в Киев, разболися; и посла по брата своего по Игоря и по Святослава; и бысть вельми болен, и ста под Вышгородом, в острове. И Всеволод призва к себе кияне и нача молвити: „аз есми велми болен, а се вы брат мой, Игорь, мнитесь по нь“. Они же рекоша: „княже! ради, ся имем“. И пояша Игоря в Киев: иде с ними под Угорьский и сзва кияне вси. Они же вси целоваша к нему крест рекуче: „ты нам князь“ и яша ся по нь льстью. Заутрии же день еха Игорь Вышегороду, и целоваша к нему хрест вышегородьце. В утрий же день преставися Всеволод, меся-

ца августа в 1 день, и спрятавше тело его, и положиша у церкви святого мученику“.

„Игорь же еха Киеву и созва кияне вси на гору, на Ярославль двор, и целоваша к нему хрест. И паки скопишася вси кияне у Туровы божнице и послаша по Игоря рекуче: „княже! поеди к нам“. Игорь же, поем брата своего, Святослава, и еха к ним, и ста с дружиною своею, а брата своего Святослава, посла к ним у вече. И почаша кияне складывати вину на тиуна на Всеволожа, на Ратьшу, и на другого тивуна на вышегородьскаго, на Тудора, рекуче: „Ратша ны пагуби Киев, а Тудор — Вышегород; а ныне, княже Святославе, целуй нам хрест и с братом своим: аще кому нас будет обида, то ты прави“. Святослав же рече им: „аз целую крест с братом своим, яко не будеть вы насилья ни котораго же, а се вам и тиун, а по вашей воли“. Святослав же, ссед с коня, и на том целова хрест к ним у вечи. Кияне же вси, сседше с конь, начаша молвити: „брат твой князь и ты“, и на том целоваша вси кияне хрест и с детьми, оже под Игорем не льстити и под Святославом. И Святослав поима лутшеи муже, кияне, и еха с ними к брату своему, Игореву, и рече: „брате! на том аз целовал к ним хрест, оже ти я имети в правду и любити. Игорь же, ссед с коня, и целова к ним крест на всей их воли и на братьни, еха на обед“ (Ипат.).

В приведенном известии различено собрание всех киян и не всех. Все собираются в Киеве, под Угорским, на Ярославовом дворе и у Туровой божницы. Под Вышгородом, конечно, не могли быть собраны все кияне; туда приехали, по всей вероятности, только лучшие люди. Но это были предварительные переговоры. Киевляне, в них участвовавшие, не считали их окончательными. Они повели Игоря в Киев, где были уже собраны все. Пока жив был Всеволод, киевляне могли только обещать Игорю, что признают его князем по смерти Всеволода. Поэтому, когда Всеволод умер, потребовалось новое вече, на котором Игорь и был признан князем. За этим признанием Игоря князем последовало третье вече, созванное не князем, а народом, на которое был приглашен и князь. Князь не усмотрел в этом самовольном собрании незаконного веча, послал на него брата в качестве

своего представителя и принял те условия, которые были ему предложены этим собранием.

Лица, принимавшие участие в этом последнем вече, созванном у Туровой божницы, сидели на конях во все время прений. Они сошли с них только тогда, когда дело дошло до скрепления принятых решений крестным целованием.

Игорь не довольствуется вечем киевлян, а находит еще нужным собрать вече в киевском пригороде, Вышгороде, чтобы получить признание и со стороны вышгородцев.

Наконец, еще любопытная черта. Киевляне как-то плохо различают Игоря и его уполномоченного, Святослава. Всеволод предложил им в князя одного Игоря, а на последнем собрании они признают двух князей, Игоря и Святослава. С нашей точки зрения на князя, как на монарха, это непонятно. Но у киевлян, очевидно, была какая-то другая точка зрения. Они возлагают на князя обязанность — судить их обиды лично. Князь — должностное лицо, а должностных лиц может быть и несколько.

В безыскусственном рассказе летописца, в котором личность рассказчика не дает себя чувствовать, встречается, однако, одно словечко, свидетельствующее о мыслях, волновавших автора. Он говорит, что киевляне лестью целовали крест Игорю. Это замечание вырвалось у него, конечно, под влиянием известных уже ему позднейших событий.

Нет основания думать, что киевляне были устойчивее в своих решениях, чем полочане или какая-либо иная народная масса. В настоящем же случае произошло еще особое обстоятельство, которое должно было очень способствовать к изменению принятого киевлянами решения. У них были среди князей свои любимцы. Это Владимирово племя, потомки Владимира Мономаха, которому в начале столетия они предоставили киевское княжение. Изяслав, внук Мономаха и сын киевского князя, Мстислава, много способствовавшего развитию киевской силы, был налицо. При жизни Всеволода он состоял с ним в союзе и по договору отказался от Киева в пользу Всеволода и его брата, Игоря. Игорь положительно это утверждает: „Изяслав, — говорит он, — целовал к нама крест, яко не подзрети Киева“ (Ипат. 23—24).

Поэтому Всеволод, вознамерившись передать Киев Игорю, обратился к Изяславу с вопросом — стоит ли он на крестном целовании Игорю? Изяслав отвечал, что стоит. Но когда, по смерти Всеволода, Игорь повторил этот вопрос, Изяслав не дал ответа и задержал его посла. Весьма вероятно, что Изяслав в это время был уже в сношениях со своими сторонниками в Киеве. Этим и надо объяснять поворот в мнениях киевлян, совершившийся после клятвы их Игорю. Думать же, что они согласились на предложение Всеволода и целовали крест Игорю „льстиво“, т.е. с намерением не исполнять целования, нет основания. Если бы у них было такое намерение, не было бы надобности им самим созывать вече у Туровой божницы и входить с Игорем в соглашение относительно порядка княжения.

После вступления Игоря на киевский стол настроение киевлян переменялось, они нарушили данное Игорю и Святославу обещание и послали за Изяславом Мстиславичем. Рассказ летописца об этом факте чрезвычайно краток. Он скрыл от нас всю внутреннюю сторону дела, все предварительные переговоры и споры, без которых, конечно, не могли обойтись, и ограничился передачей сухого результата:

„И не угоден бысть киянам Игорь, — говорит он — , и послашася к Переяславлю к Изяславу, рекуче: „пойди, княже, к нам, хотим тебе“. Изяслав же, се слышав, совкупи воя своя, поиде на нь из Переяславля, взем молитву у святого Михаила у епископа, у Ефимья... И поиде Изяслав к Дерновому, и ту... прислашася к нему белгородьчи и василевци такоже рекуче: „пойди, ты нашъ князь, поеди, Ольговичъ не хотим“. Том месте приехаша от киян мужи, нарекуче: „ты нашъ князь, поеди; а у ольговичъ не хотим быти акы в задничи; где узрим стяг твой, ту и мы с тобою готови есмь“ (Ипат. 1146).

Но и в этом кратком сообщении есть характерные черты. Призвание Изяслава не есть дело только главного города. Пригороды, Белгород и Василев, самостоятельно выступают с собственным своим приглашением, а не исполняют только приговор старшего города.

Приводится и мотив неверности Игорю: „не хотим быти акы в задничии“, т.е. киевляне не хотят переходить от брата к брату в порядке гражданского наследования, как частная собственность.

Игорь и Святослав не желали, однако, отказаться от Киева и приготовились к битве. Но им изменили даже ближайшие и довереннейшие люди, тысяцкий Улеб, Иван Войтишич и Лазарь Саковский, пользовавшиеся милостями и покойного князя Всеволода. Благодаря этому Ольговичи были разбиты, Игорь взят в плен; Святославу же удалось бежать. Победители обратили свое оружие против владений побежденных. В том же году союзники Изяслава подступили к городу Святослава Ольговича, Путивлю. Несмотря на то, что в городе был посадник Святослава, граждане ведут дело обороны сами, и осаждающие вступают в переговоры с ними непосредственно, а не с посадником. Вот рассказ летописца.

„Итакo приступиша к граду, — говорит он о союзниках Изяслава, Изяславе и Владимире Давыдовичах. — И не вдашася им путивлечи, дондеже приде Изяслав с силою киевскою. Онем же крепко бьющимся с града, поехаста Давыдовича и рекоста им: „не бейтеся, целуемы на том святую Богородицю, оже не дати вас на полон“. Они же не вдашася им. И приде Изяслав Мьстиславовичь с полкы своими к ним; они же выслашася к Изяславу Мьстиславичю и поклонишася ему, и тако рекоша: „тебе есмы ждали, княже, а целуй к нам хрест“. Изяслав же целова к ним хрест и посадника их выведе, а своего у них посади“ (Ипат. 1146).

Изгнанные Ольговичи нашли себе энергического союзника в лице дяди Изяслава Мстиславича, суздальского князя Юрия, который принял под свою защиту Игоря и соправителя его Святослава. Повествование о борьбе Изяслава с Юрием дает летописцу повод к одному из самых подробных описаний вечевых совещаний, какие только сохранила летопись. В 1147 г. союзники Изяслава, черниговские князья, Давыдовичи, прислали к нему приглашение выступить против Юрия.

„Изяслав же, — рассказывает летописец, — созва бояры своя и всю дружину свою и (Воскр.) кияне, и рече им: „се есм с братиею своею сгадал, с Володимером и с Изяславом Давыдовичами и с Всеволодичем Святославом, хотим пойти на Юрия, на стрья своего, и на Святослава к Суздалю, зане же приял ворога моего, Святослава Олговича. А брат Ростислав тамо ся с нами соиметь, ать идет ко мне с смолняны и с новгородци“. Кияне же слышавше рекоша: „княже! не ходи с Ростиславом на стрья своего, лепле ся с ним улади; Ольговичем веры не ими, ни с ними ходи в путь“. Изяслав же рече им: „целовали ко мне хрест, а думу еси с ними думал, а всяко сего пути нехочю отложити; а вы доспевайте“. Кияне же рекоша: „княже! ты ся на нас не гневай, не можем на Володимире племя руки взнати; оля же Ольгович хотя и с детьми“. Изяслав же рече им: „а тот добр, кто по мне пойдет“. И то рек, свкупи множество вой и пойде“ (Ипат. 1147).

На совещание были призваны княжеские бояре, вся дружина и киевляне, а участие в прениях принимают только князь и киевляне. Надо полагать, что соглашение с приближенными боярами и дружиной уже состоялось, и в настоящем случае дело шло лишь об убеждении народа помочь князю. Цель эта не была достигнута. Киевляне решительно отказались идти против Владимирова племени и предостерегали князя от доверия к черниговским князьям. Изяслав не послушал их. Он обратился к охотникам и с их помощью пошел против дяди, оставив брата своего, Владимира, в Киеве.

Но недоверие киевлян к Давыдовичам оправдалось; они изменили Изяславу, и положение его оказалось крайне опасным. Помощь киевлян была ему теперь более необходима, чем когда-либо прежде. Изяслав решил снова обратиться к ним и отправил с этой целью двух послов в Киев. По поводу приезда этих послов летописец и рисует единственную в своем роде картину вечевого собрания.

„Изяслав же, — рассказывает он, — перед собою посла к брату Киеву, к Владимиру, и к Лазареву тысячскому два мужа, Добрынку и Радила, рек: „брате! еди к митрополиту, и ззови кыяны вся, ать молвита си мужа леть черниговских

князий“. И еха Володимер к митрополиту, повабя кыяны. И придоша кыян много множество народа, и седоша у святое Софьи. И рече Володимер к митрополиту: „се прислал брат мой два мужа кыянины, ато молвят братье своей“. И выступи Добрынка и Радила и рекошта: „целовал тя брат, а митрополиту ся поклонял и Лазаря целовал и кыяны все“. Рекоша кыяне: „молвита, с чим вас князь прислал“. Он же рекошта: „такое молвит князь. Целовала ко мне крест Давыдовича и Святослав Всеволодичь, ему же аз много добра створи, а ноне хотели мя убить лестью, но Бог заступил меня и крест честный, его же суть ко мне целовали. А ныне, братья, поидета по мне к Чернигову, кто имеет конь, ли не имеет кто, ино в лодье, ти бо суть не мене единого хотели убить, но и вас искоренити“. Кыяне же рекоша: „князь нас вабить к Чернигову, а zde ворог князя нашего и наш, а хочем и убить; пойти же хочем бится за своего князя и с детми“. И рече им Володимер: „того вы брат мой не приказал; Игоря блюдут сторожеве, а мы пойдём к брату, ако же ны велить“. Рекоша же кыяне: „мы ведаем, оже не кончити добром с тем племенем, ни вам, ни нам, коли любо“. Митрополит же много взбраняше им, и Лазарь тысяцкий, и Рагуйло, Володимер тысяцкий, яко не убить Игоря. Они же кликнувше поидоша убить Игоря“ (Лавр. 1147).

Но и это наиболее подробное из имеющихся у нас описаний все же передает только общие результаты народной Думы, а не самые прения. Прежде чем сложилось общее убеждение помочь князю и убить его противника, говорили же отдельные лица и были, конечно, споры. Все это сглажено в нашем рассказе. Маленькое дополнение к нему находим в Ипатьевском списке летописи. Ответ киевлян на речь слов он передает в таком виде:

„Кыяне же рекоша: „ради, оже ны Бог тебе избавил от великия лести, братью нашу; идем по тебе и с детми, ако же хочещи“. И рече один человек: „по князи своем, ради, идем; но первее о сем промысле, акоже и прежде створиша при Изяславе Ярославиче, высекше Всеслава от поруба злии они, и поставиша князя себе, и многа зла бысть про то граду нашему. А се Игорь, ворог нашего князя и наш, не в

порубе, но в Святом Федоре, а убивше того к Чернигову пойдем по своем князи. Кончаимы же ся с ними“. То же слышавше народ, оттоле пойдоша на Игоря“ (1147).

Несмотря на историческую справку, приводимую неизвестным нам вечевым оратором XII века и восходящую ровно за восемьдесят лет до его времени, мы не видим основания заподозрить летописца в сочинительстве. Упоминаемое возведение Всеслава на киевский стол должно быть очень памятно киевлянам. Низложенный Изяслав ушел в Ляхи, но скоро вернулся с значительной польской помощью и жестоко отомстил за свое изгнание: 70 человек казнил он смертью и многих ослепил; в числе казненных были и такие, которых князь, по выражению летописца, „без вины погуби, не испытав“ (Лавр.).

Таковы были последствия необдуманного увлечения толпы. Но можно ли было поручиться, что и в настоящее время не найдется охотников заменить отсутствующего и попавшего в западню Изяслава находившимся в Киеве Игорем, на стороне которого были и Юрий, и Давыдовичи? Возможность такой попытки тем легче допустить, что перемена князя нередко соединялась с грабежом его двора и, следовательно, возбуждала хищнические инстинкты. Выступление в поход приверженцев Изяслава могло дать сторонникам Игоря и надежду на успех. Таковы-то были условия, при которых речь неизвестного витии могла произвести потрясающее впечатление на народную массу и увлечь ее к политическому убийству.

Борьба Изяслава с черниговскими князьями и Юрием Суздальским дала повод не раз высказаться народным Думам южных городов. Приведем в заключение еще два известия.

После занятия Киева Изяслав овладел и черниговским городом, Курском, и посадил там сына своего, Мстислава. В 1147 г. Юрий послал против Курска сына Глеба.

„Мьстислав же, — рассказывает летописец, — слышав, оже идет Гюргевич с Святославом Ольговичем на нь к Курску, и поведа куряном. И куряне рекоша Мьстиславу: „оже се Олговичь, ради, ся за тя бьем и с детьми; а на Воло-

димире племя, на Гюргевича, не можем руки подъяти“. Мьстислав же, то слышав, поеде к отцю своему. Куряне же пошла к Гюргевичю и пояша у него посадник к собе“ (Ипат.).

Отказ курян биться против Юрия ведет к перемещению власти: от Изяслава она переходит к Юрию.

В 1149 г. Юрий одержал решительную победу над Изяславом и осадил Киев. Изяслав, посовещавшись с братом Ростиславом, обратился к киевлянам с такой речью:

„Се стрый наю пришел, а ве вам являеве: можете ли ся за наю бити?“ Они же рекоша: „господина наю князя! не погубита нас до конца! Се ныне отцы наши и братья наши и сынови наши на полку, они изоймани, а друзии избьени, и оружие снято. А ныне ать не возмуть нас на полон, поедита в свои волости. А вы ведаета, оже нам с Гюргем не ужити! Аже по сих днех кде узрим стягы ваю, ту мы готовы ваю есмы“ (Ипат.).

Князья послушались совета киевлян: Изяслав уехал во Владимир, а Ростислав в Смоленск.

Момент, который киевляне предусматривали в своем ответе, наступил весьма скоро. Уже в 1150 г., по выезде Юрия из Киева, они говорили Изяславу:

„Гюрги вышел из Киева, а Вячьслав седить ти в Киеве; а мы его не хочем... Ты наш князь! Поеди к святой Софьи, сяди на столе отца своего и деда своего“ (Ипат.)¹.

Известия о вечевой деятельности городов Ростовско-Суздальской волости начинаются со второй половины XII века и относятся не только к старшим городам, Ростову и Суздалью, но и к младшим, Владимиру, Переяславлю, Москве, Дмитрову.

Юрий Долгорукий, желая передать по смерти своей Ростовско-Суздальскую волость не старшему сыну, Андрею, а двум младшим, Михалке и Всеволоду, обращается к тому же

---

¹ Есть еще краткие известия о народных Думах за то же время в следующих городах: Выри — 1147 г. и 1160 г., Переяславле Южном — 1448 г., Корческе — 1150 г., Турове — 1158 г., Стародубе — 1167 г., Чернигове — 1180 г., Римове — 1185 г. (Ипат.).

средству для осуществления своей воли, к которому обратился несколько лет раньше и киевский князь Всеволод, к согласию народа. Факт этот относится к 1157—1158 гг., но коротко рассказан летописцем (Сузд. и Ипат.) под 1175; Юрий совещался не со старшими только городами, но и с младшим, Владимиром.

Последствия данного народом Юрию обещания — признать князьями младших сыновей его — были те же, что и в Киеве: народ нарушил крестное целование, Михалку и Всеволода выгнал, а на столе Юрия посадил старшего его сына, Андрея, Последний факт сообщается два раза: под 1175 г. и своевременно, под 1158 г., но в последнем случае без указания на нарушение прежнего обещания:

„Том же лете, — говорит летописец, — сдумавши ростовци и суздальци и володимерци вси, пояша Андрея, сына Дюргева старейшаго, и посадиша ѿ на отни столе, Ростове, и Суждали, и Володимири, зане был прелюбим всеми за премногую его добродетель“ (Ипат.).

В 1175 г., после смерти Андрея, последовал новый акт избрания, на котором приняли участие и жители Переяславля Северного.

„Уведаваше же смерть князю, ростовци, и суздальци, и переяславци, и вся дружина, от мала и до велика, и съехашася к Володимерю и реша: „се ся уже тако створило, князь наш убиен, а детей у него нетуть, сынок его мал в Новегороде, а братья его в Руси; по кого хотим послати в своих князех? Нам суть князи муромьскыи и рязаньскыи в суседех, а боимся мьсти их, егда пойдуть внезапно ратью на нас, князю не сущу в нас. А послем к Глебу (рязанскому) рекуще: князя нашего Бог поял, а хотим Ростиславичю, Мьстислава и Ярополка, твоею... шюрину...“ И утвердившеся святою Богородицею, послаша к Глебови: „тобе своя шюрина, а наша князя, да се, утвердившеся межи собою, послахом к тебе послы своя, а ты приставишь к ним послы своя, ать идуть по князя наша“ (Ипат. и Сузд.).

Далее приводятся слова, которые послы должны были сказать вновь избранным:

„Ваю отец добр был, коли у нас был; а поедь та к нам княжить, а иных не хотим“.

В приведенном известии обращает на себя внимание одна подробность, прежде не встречавшаяся. После избрания народ утверждает между собой святой Богородицей. Надо полагать, это особая присяга не изменять принятому решению. Такая присяга, действительно, была нелишняя. Ростовцы и суздальцы раз уже изменили своей клятве; избранные Ростиславичи могли не поверить им теперь и не приехать; волость, оставшаяся без князя, сделалась бы жертвой нападения соседних князей, ростовских и муромских. Вот почему нужно было особое утверждение народа, о котором послы и сообщают Глебу.

Кроме этих двух известий, из которых видно, что пригороды приглашаются в общую Думу с главными городами, есть сведения и о народных Думах в отдельных городах, как старших, так и младших.

Из двух призванных Ростиславичей младший, Ярополк, был посажен во Владимире. Между ним и владимирцами весьма скоро возникло несогласие. Князь был молод и слушал бояр, а бояре учили его „на многое имание“. Он не только обременял продажами и вирами население, но и церкви стал обирать. Вызванное этим неудовольствие повело к народным собраниям, на которых обсуждалось поведение Ростиславичей, и решено было довести о нем до сведения старших городов; когда же старшие города отказали владимирцам в поддержке, они решили перейти на сторону младших сыновей Юрия, Михалки и Всеволода, и прогнать Ярополка.

Рассказ летописи об этих событиях, вызвавших, конечно, не одно народное собрание, чрезвычайно краток.

„И почаша володимерци млвити: мы есьмы волная князя прияли к себе, и крест целовали на всем, а они, яко не свою волость творита, яко не творяче седети у нас, грабита не токмо волость всю, но и церкви, — промышляйте, братия!“ И послашася к ростовцам и суздалцем, являюче им свою обиду. Они же словом суще по них, а делом далече. А бояре князю тою држахуся крепко. Володимерци же, с пе-

реяславци укрепившися, послашася к Чернигову по Михалка и по брата его, по Всеволода, рекуче: „ты старей еси в братии своей, поиди к Володимирю; аже что замыслить на нас ростовци и суздальци про тя, и како ны с ними Бог дасть“ (Сuzд. 1176).

Из этого известия можно вывести, что было по крайней мере три вечевых сходки: на первой решено обратиться к ростовцам и суздальцам; на второй выслушан ответ старших городов и решено обратиться к помощи Переяславля; на третьей, в которой участвовали и переяславцы, решено призвать Михалку и Всеволода. Где находился в это время князь Ярополк и как относился он к народным собраниям владимирцев, которые, конечно, не могли оставаться для него тайной, об этом летописец не сообщает ни слова.

К этому же 1176 г. относится и известие о вечевой деятельности Москвы. Она присоединилась к молодым городам, Владимиру и Переяславлю. Михалка и Всеволод ехали уже из Чернигова во Владимир и на дороге остановились в Москве. Во время обеда пришла весть, что Ярополк выступил уже против них из Владимира. Они поспешили к нему навстречу; с ними пошли и москвичи. Но дорогой оказалось, что оба войска шли разными путями и разошлись и что Ярополк продолжает движение на Москву.

„Москъвляни же, — говорит летописец, — слышавше, оже идетъ на не Ярополк, и взвратишася вспять, блюдуче домов своих“ (Ипат.).

Таким образом, и москвичи в XII веке, к которому относятся и первые о них известия, сами решали свою судьбу и сами распоряжались защитой домов своих.

По смерти Михалки, последовавшей в 1177 г., снова проявилась деятельность народной Думы и во Владимире, и в Ростове.

„Володимерци же, — говорит летописец, — помянувшѣ Бога и крестное целование к великому князю Гюргю, вышедше перед золотая ворота, целоваша крест ко Всеволоду князю, брату Михалкову, и на детех его, посадиша и на отни и на дедни столе в Володимери“ (Лавр. 1177).

„В то же лето приведоша ростовци и боляре Мстислава Ростиславича из Новагорода, рекуще: поиде, княже, к нам, Михалка Вог поял на Волзе на Городци, а мы хотим тебе, а иного не хотим“ (Лавр.).

Переяславль и в этом случае продолжал стоять на стороне младшего города. Ростовцы потребовали от призванного ими Мстислава, чтобы он шел войной на Всеволода.

Всеволод передал переяславцам об объявленной ему Мстиславом войне и получил от них такой ответ:

„Ты ему добра хотел, а он головы твоя ловить! Поеди, княже, к нему!..“ (Лавр.).

В 1212 г. умер Всеволод, назначив Переяславль сыну своему Ярославу. Этим распоряжением отца Ярослав, однако, не удовлетворился; он нашел нужным вступить в соглашение и с самими переяславцами. Вот как передает этот любопытный факт летопись:

„Ярослав же, приехав в Переяславль, месяца апреля в 18 день, и сзвав вси переяславци к святому Спасу, и рече им: „братия переяславци, се отец мой иде к Богови, а вас отдал мне, а мене вдал вам на руце. Да рците мне, братия, аще хотите мя имети себе, якоже иместе отца моего, и головы свои за мя сложити?“ Они же вси тогда рекоша: „велми, господине, тако буди, ты наш господин, ты Всеволод“. И целоваша к нему вси крест. И тако седе Ярослав в Переславли на столе, иде же родися“ (Сузд.).

К Переяславльской волости Ярослава принадлежал и новый город, Дмитров. Не все сыновья Всеволода были довольны уделами, назначенными им отцом. Старший, Константин, получивший Ростов, начал войну с Юрием из-за обладания Владимиром. Сторону Юрия принял Ярослав, а сторону Константина Владимир и подступил к городу Ярослава, Дмитрову. Эта осада дала случай и населению нового города, Дмитрова, высказаться за князя Ярослава.

„Слышавше же дмитровци, оже идет на них Владимир, и пожгоша сами все предградие и затворишася. Владимир же, приехав, не доспе им ничто же, зане дмитровци крепко бяхутся з города. Тогда же хотеша и Владимира застрелити, и бежа от града с полком своим, убоявся брата своего Яро-

слава. Дмитровци же, вышедше из города, избиша зад дружины его“ (Сузд. 1214).

В заключение приведем еще одно известие о владимирцах, весьма напоминающее приведенное выше (под 1149 г.) известие о киевлянах. В 1216 г. князь Юрий потерпел жестокое поражение от Константина и бежал во Владимир.

„На утрии же, — рассказывает летописец, — князь Юрьи созва люди и рече: „братие володимерцы! затворимся в граде, негли обиемся их!“ Людие же молвахуть ему: княже Юрьи! с ким ся затворити? братиа наша избита, а инии изоимани, а кои прибежали, а ти без оружия, то с ким станем?“ Князь же Юрьи рече: „аз то все ведаю, толико не выдайте мя брату, Костянтину, ни Володимеру, ни Мстиславу, да бых вышел по своей воли из града“. Они же тако обещахася ему“ (Воскр.)¹.

Известия о вечевой деятельности городов Рязанской волости относятся к концу XII и началу XIII века. Все они вызваны враждебными отношениями рязанских князей ко Всеволоду Владимірскому. Изгнанный Всеволодом из Ростовской волости, Мстислав Ростиславич обратился к помощи тестя своего, Глеба Рязанского. Возгоревшаяся по этому поводу война с рязанскими князьями кончилась в пользу Всеволода. Он разбил противников и взял в плен Мстислава, Глеба и сына его Романа. Но другой сын Глеба, Ярополк (Ярослав), успел уйти в Воронеж. Всеволод хотел овладеть и им. С этой целью он обращается к рязанцам и отправляет к ним посольство. Послы его держат к гражданам такую речь:

„Вы имеете нашего врага (выдайте его), али иду к вам“. Рязанцы же, сдумаша, рекуще: „князь наш и братья наши погыбли в чюжем князи“: ехавше в Воронежъ, яща его сами и приведоша его в Володимеръ“ (Лавр. 1177).

Всеволод рассматривает рязанцев как самостоятельную власть и требует выдачи своего врага. Они и не помышляют отвергнуть его требование по некомпетентности; совершен-

---

¹ См. еще известия о Суздале под 1164 г. и 1176 г. (Сузд.); о Владимире под 1177 г. и 1178 г. и 1214 г. (Сузд.).

но наоборот, они находят, что могут принять это дело к своему рассмотрению и постановить соответствующее решение; собирают Думу и решают выдать Всеволоду сына их законного князя.

В 1207 г. Всеволод Юрьевич получил известие, что рязанские князья, Роман и Святослав Глебовичи, в союзе с племянниками замыслили овладеть им, заманивши к себе обманом. Всеволод предупредил это изменническое нападение, захватив подозреваемых им рязанских князей, и направился к Пронску, где сидел кир Михаил, также заподозренный в измене. Кир Михаил не решился ожидать прихода Всеволода и бежал в Чернигов к тестю. Что же делают проняне?

„Проняне же, — рассказывает летописец, — пояша к собе Изяслава Володимерича (один из внуков Глеба) и затворишася с ним в граде. Князь же великий, пришед, ста у города Проньска; и не хотя видети кровопролитья и посла к ним мужа своего, Михаила Борисовича, омирить их. Они же не внушиша глагол его, надеющиеся на градную твердость. Слышав же князь великий речь их буюю, и повеле приступить ко граду со все страны...“ (Лавр. 1207).

Проняне решаются на то, на что не решился их князь, на сопротивление. Чрезвычайно жаль, что летописец не приводит „речь их буюю“. Тогда мы знали бы мотивы сопротивления, теперь же оно представляется очень неясным. Пронску не угрожало ни малейшей опасности. Всеволод шел не против города, а против князя, князь же бежал из города добровольно. Оставалось встретить Всеволода с честью, и столкновение разрешилось бы совершенно мирно. Не следует ли объяснять сопротивление пронян антагонизмом с владимирцами, которые, конечно, составляли главную силу Всеволода?

Совершенно иначе поступили рязанцы. Узнав о движении к Рязани Всеволода, они послали к нему с поклоном, молящся, дабы не приходил к городу. Князь внял молению рязанцев и повернул во Владимир. Надо думать, что он поставил условием прекращения враждебных действий выдачу рязанцами остальных своих князей. На такое предположение

наводит то обстоятельство, что летописец, описав возвращение Всеволода во Владимир, продолжает так:

„И потом рязанцы вси, сдумавше, послаша остаток князий и со княгынями к Великому князю Всеволоду в Володимер“ (Лавр.).

Но настроение рязанцев тоже было изменчиво, они разошлись со Всеволодом, как только он прислал к ним на стол сына своего Ярослава.

„Рязанцы же, — говорит летописец, — леть имуще к нему, целоваше крест ко Всеволоду и не управиша, и изимаши люди его и сковаша, а инех в погребех, засыпавше, измориша. Всеволод же, слышав се, иде на Рязань с сынми своими, и, пришед, ста у града Рязани. И Ярослав изыде противу отца своего, и целова ѿ с радостью. И прислаша рязанцы буюю речь, по своему обычаю и непокорству. И повеле великий князь всем людем изыти из града и с товаром, и яко изыдоша вси, повеле зажещи град“ (Лавр. 1208).

Чрезвычайно интересное известие, но, к сожалению, слишком краткое. Оно, надо думать, принадлежит перу не рязанца, а владимирца. Автор не сочувствует рязанцам, осуждает их и не находит уместным приводить их буйную речь. А речь эта многое бы объяснила в столкновении Всеволода с рязанцами. Теперь же мы знаем только, что рязанцы, переловив и выдав своих князей Всеволоду, целовали к нему крест, по всей вероятности, в знак признания его или кого-либо из сыновей его своим князем. Судя по тому, что Ярослав был прислан в Рязань „на стол“, надо полагать, что слияния Рязани с Владимирской волостью не произошло; Рязань осталась самостоятельным княжением под властью сына Всеволода. Новый князь назначил на все должности своих людей, владимирцев, которых надо было наградить за службу. Вот достаточная уже причина к неудовольствию. Рязанцы хватают „людей Ярослава“: надо думать, людей, которым розданы доходные должности.

Всеволод жестоко отомстил изменившим ему рязанцам. Он сжег их город. Но утвердить своей власти в Рязани ему все-таки не удалось.

Насколько кратки и неполны дошедшие до нас известия летописей, это всего лучше видно из того, что мы находим в них о вечевои деятельности Смоленской волости. Владимирский летописец в своем рассказе о борьбе Владимира с Ростовом и Суздалем называет Смоленск в числе волостей, которые имеют обычай сходиться на вече как на Думу; а между тем мы не нашли в летописи ни одного рассказа о вече в Смоленске. Единственное известие, в котором встречается слово „вече“, относится к собранию смольнян во время похода, состоявшемуся у города Треполя. В 1185 г. смольняне отправились с князем своим, Давыдом, к Киеву помогать русским князьям, Рюрику и Святославу, против половцев. Достигнув Треполя, они отказались от дальнейшего движения.

„Смольняне же, — говорит летописец, — почаша вече десяти, рекуще: „мы пошли до Киева, да аже бы была рать, билися быхом; нам ли иное рати искати, то не можем, уже ся есмы изнемогле“ (Ипат.).

Из этого известия следует, что перед походом в Смоленске было собрано вече, на котором и решен вопрос о походе. Но на поход смольняне согласились не безусловно, а с ограничением: они обещали воевать половцев только на пространстве до Киева. Достигнув Треполя (верст на 40 южнее Киева) и не найдя половцев, они думали, что обязательство их исполнено, собрали вече во время похода и решили возвратиться домой. Князь ничего не мог сделать и отступил вместе со своими гражданами-воинами. Он присоединился, следовательно, к вечевои решению, хотя оно было собрано не им, а самим народом.

Хотя летопись и не упоминает о вече в Смоленске, но не раз говорит о результатах вечевои собраний. Так, в 1096 г. смольняне не приняли Олега (Лавр.); в 1175 г. они изгнали Ярополка, которого у них оставил князь их, Роман Ростиславич, уходя в Киев, и призвали дядю его, Мстислава Ростиславича¹.

---

¹ Ипат. См. еще для Звенигорода (Ипат. 1146), Червеня (Ипат. 1157),

Мы могли бы еще продолжить эти выписки из летописей, но полагаем, что для нашей цели довольно и приведенных мест.

Переходим к вопросу о том, когда возникли вечевые Думы, действовавшие повсеместно в XII веке? В периоды истории, когда право развивается путем законодательства, для ответа на поставленный вопрос надо было бы указать князя, который ввел этот порядок вещей.

У нас не только в XII, но и гораздо позднее, в XIV и даже XV веках, право развивалось не путем законодательства, а обычаем и практикой судебной и административной¹. Вече поэтому не есть продукт указа какого-либо князя, а явление обычной народной жизни, вызванное условиями тогдашнего быта древних волостей. В I томе „Древностей“ мы указали эти условия. Свободное население древних княжеств не было привязано к раз избранному месту жительства. Оно могло беспрепятственно переходить из княжества в княжество и, таким образом, менять свое подданство. Небольшие размеры княжений облегчали эти переходы. Даже служилые люди могли оставлять своего князя и переходить на службу к другому, который им больше приходился по вкусу, или и вовсе не служить. На свободном населении по отношению к местной власти лежали только такие обязанности, которые оно само соглашалось исполнять. В противном случае оно рассыпалось в разные стороны и ускользало от власти, которая ему не нравилась. Связь князя с подданными была весьма слабая и легко прерывалась. На таком зыбком основании не могла возникнуть твердая центральная власть. Собственные же силы князя были еще недостаточно развиты, чтобы господствовать над свободным населением. В случае соединения свободное население являлось довольно внушительной силой, которая могла оказать князю или деятельное сопро-

---

Галича (Ипат. 1189), Берестья (Ипат. 1204) и Владимира Волынского (Ипат. 1202).

¹ Эта мысль с некоторой подробностью развита в моей статье „Опыт исследования обычного права“, напечатанной в „Наблюдателе“ за 1882 г. в №№ 1 и 2 и перепечатанной в „Лекциях и исследованиях“.

тивление, или существенную поддержку. Вот этими-то условиями быта и объясняется тот факт, что князя ведут переговоры с народом и входят с ним в соглашение, одерживают при его помощи победы и оставляют столы свои, если свободное население отказывается поддерживать их или не имеет достаточных для того сил. В начале истории, когда военное ремесло не обособилось еще от других занятий и весь народ входил в состав войска, весьма натурально, что ему должно было принадлежать совсем иное значение в решении общественных вопросов, чем это сделалось, возможно, позднее, когда образовалась отдельная от народа военная сила. Где сила, там и власть; а в начале истории народные массы составляли силу.

Вече, как явление обычного права, существует с незапамятных времен. Так смотрели на это и люди XII века. Владимирский летописец говорит, что вече было „изначала“. Начальный летописец, описывая общественные события IX и X веков, действующими лицами выводит народ и народную Думу. Требование с киевлян хазарами дани было, по его свидетельству, предметом обсуждения народной Думы:

„Сдумавше поляне и вдаша от дыма мечь“ (Лавр.).

Переговоры с Ольгой древлянские послы ведут от имени древлян, а не князя, хотя у них был и князь.

„И послаша древляне лучьшие мужи... И рече им Ольга: „да глаголете, что ради придосте семо“? Реша же древляне: „посла ны Дервььска земля“ (Лавр.).

Наконец, описывая осаду Белгорода печенегам в 997 г., летописец говорит:

„И удолжися, остоя в городе, и бе глад велик, и створиша вече в городе“.

Итак, по мнению начального летописца и позднейшего, жившего в конце XII века, вече было всегда.

Но мы можем привести и официальные документы X века, свидетельствующие об участии народа в общественных делах того времени. Это договоры Олега и Игоря с греками. Первый договор заключен был не только от имени князей, но „и ото всех иже суть под рукою его сущих Руси“ (911 г.). Для заключения второго договора послы были от-

правлены „и от всех людей Руския земли“. Послы эти говорят о себе:

„И Великий князь наш Игорь, и боляре его, и людье вси рустии послаша ны к Роману и Костянтину“ и т. д. (945).

Договор 945 г., составленный в Константинополе, был послан в Киев. Доставка его была поручена особому греческому послу, который был отправлен „к Великому князю рускому, Игореву, и к людем его“. Игорь и люди его должны были скрепить договор присягой. Летописец говорит, что присягали все крещеные и все некрещеные; это значит, что „под людьми Игоря“ надо разуметь все наличное население Киева, а не какую-либо тесную группу зависимых от Игоря людей.

Наконец, последний вопрос, как долго продолжалось действие веча в Русской земле?

Бытовое явление, вызванное к жизни условиями местной почвы, и умереть должно было вместе с уничтожением этих условий.

Событием первостепенной важности, проложившим путь к новому порядку вещей, является татарское завоевание. Разъединенное население небольших русских княжений не могло бороться с централизованной татарской силой.

Нашествие татар впервые познакомило русские княжения с властью, с которой нельзя входить в соглашение, которой надо подчиняться безусловно. Почва для развития вечевой деятельности была сразу уничтожена. Ханы татарские не имеют надобности входить в соглашение с народом. Они достаточно сильны, чтобы приказывать ему.

Хотя татары не остались в Русской земле и властвовали издалека, тем не менее господство их произвело глубокий переворот в нашей жизни. Благодаря разъединенности волостей и отсутствию организованной военной силы, от чего происходила указанная уже выше слабость князей, завоевание России совершилось чрезвычайно быстро. Разбитые татарами князья не думали о сопротивлении во что бы то ни стало. Они признали себя данниками ханов и спешили в Орду поклониться своим новым властелинам и получить из их

рук утверждение своих прав. То же делало и духовенство. Расплачиваться за эту покорность приходилось народу. Он был сосчитан и обложен ордынской данью. В городах и пригородах водворились татарские чиновники для сбора этой дани. Угодные татарам князья получили возможность опираться на их силу в борьбе как с другими князьями, так и с городами. Первые попытки политического объединения России были сделаны ханами, которые, в противность собственным своим интересам, подчиняли отдельных князей власти излюбленного ими великого князя.

При наличии этих новых условий вечевые собрания становятся анахронизмом. Но народные обычаи не умирают в один день. С деятельностью веча встречаемся и после татарского нашествия, и даже в XIV веке.

Некоторые из этих запоздалых проявлений вечевой жизни ни словом не напоминают татарского погрома и переносят нас в XII век.

В 1286 г. скончался волынский князь, Владимир Васильевич. Перед смертью он отказал все свои владения одному из двоюродных братьев, Мстиславу Даниловичу. К составу этого отказа принадлежало и Берестье. Но берестьяне не захотели подчиниться воле князя. Вот что рассказывает о них летописец:

„Берестьяне... учинили бяхут коромолу: еще Володимеру князю болну сушю, они же ехавше к Юрьеву князю (племяннику Владимира) целоваше крест на том рекуче: како не достанет стрья твоего, ино мы твои и город твой, а ты наш князь“ (Ипат.).

Судя по тому, что летописец называет поступок берестьян „коромолой“, т.е. изменой, надо полагать, что Владимир, назначая Мстислава своим преемником, получил на то согласие горожан и скрепил его крестным целованием; в противном случае не было бы измены.

В 1303 г. скончался московский князь, Данило Александрович. В Переяславле посадничал сын его, Юрий.

„По животе же его (Данилы), — говорит летописец, — переяславци яшася за сына его, за князя за Юрия, и не пустиша его и на погребение отче“ (Воскр.).

Граждане так дорожат избранным ими князем, что даже ограничивают его личную свободу из боязни, конечно, как бы он не перешел в Москву¹.

Но есть и известия, из которых видно, что господствуют в Русской земле уже не русские люди, а татары. По поводу нашествия татар происходило, конечно, немало народных совещаний. Но время было слишком тревожное, чтобы замечать их и записывать. Лишь в виде исключения попадаются такие подробные известия, какое мы имеем о Козельске. Разрушив Владимир и суздальские города, Батый подступил к Козельску.

„Козляне же, — говорит летописец, — свет створише не вдатися Батыю, рекше: „яко аще князь наш млад есть, но положим живот свой за нь...“ Татаром же, бьющимся о град, прияти хотящим град, разбившим граду стену и возидоша на вал татаре. Козляне же ножи резахуся с ними. Свет же створиша изити на полки татарские и исшедше из града и секоша праща их... Батый же взя город, изби вси..... бишася по семь недель“ (Ипат. 1237).

От второй половины XIII века сохранилось несколько известий о борьбе горожан с татарскими данниками.

„Избави Бог, — говорит летописец, — от лютого томленья бесурменьскаго люди ростовския земля: вложи ярость в сердца крестьяном, не терпяще насилья поганых, изволиша вещь и выгнаша из городов, из Ростова, из Володимера, из Суздаля, из Ярославля, окупахуть бо ти окаяньнии бесурмени дани...“ (Лавр. 1262).

А вот еще от 1280 г.:

„Князь Дмитрий Борисович седе в Ростове. Умножи же ся тогда татар в Ростове, и граждане створше вече и изгнаша их, а имение их разграбиша“ (Воскр.).

К сожалению, не видно, какое было отношение между занятием ростовского стола князем Дмитрием и умножением татар в Ростове. В 1286 г. происходит раздел отчины между этим Дмитрием и братом его, Константином. Дмитрию дос-

---

¹ См. еще для Возвягла (Ипат. 1257), для Галича Южн. (Ипат. 1231 и 1235), Чернигова (Ипат. 1234), Переяславля Сев. (Воскр. 1296).

тался Углич, Константину Ростов. В 1289 г. в Ростове садится Дмитрий, а Константин идет в Орду. Эта перемена может быть рассматриваема как захват Ростова Дмитрием, совершенный при помощи татар. Раздор между братьями тем легче допустить, что еще в 1281 г. „воздвиже дьявол вражду и крамолу межи братом Дмитрием и Константином Борисовичи“. Можно думать, что татары приведены были Дмитрием против брата.

Князья в своих спорах из-за владений обращались обыкновенно к содействию татар и весьма нередко жестоко опустошали русские города при их помощи. В 1293 г. была великая ссора между сыновьями Александра Невского, Дмитрием и Андреем. Князь Андрей отправился с жалобой в Орду и испросил у хана сильную рать на Дмитрия. Эта рать, во главе которой стояли русские князья, взяла на щит и опустошила 14 городов, в том числе были: Владимир, Суздаль, Муром, Юрьев, Переяславль, Коломна, Москва и Можайск. Еще недовольные награбленной добычей, татары вознамерились идти на Тверь.

„Бысть же печаль велика тверичам, — говорит летописец, — не бяше бе у них князя, тогда бо князь Михаил в Орде бысть. Они же целоваша межи себе крест и седоша в осаде, укрепившись на том, яко битися с татарами, а не предатися“¹.

Положение городов среди княжеских усобиц и прежде было тяжелое, теперь оно еще ухудшилось, ибо бывшая в распоряжении князей сила увеличилась татарами, которые пользовались княжескими раздорами для грабежа. Повторяющиеся нашествия татар должны были вконец уничтожить некоторые успехи общественной жизни, достигнутые в дотатарское время; а успехи эти необходимо предполагать ввиду значительного числа городов, о которых упоминают дотатарские летописцы, как о пунктах насиженных, население которых принимало деятельное участие в общественных

---

¹ Воскр. Ср. еще для Костромы (Воскр. и Львов. 1304), Нижнего (Воскр. 1305) и Брянска (Воскр. 1310 и Соф. I. 1307).

делах. Татарский погром должен был надолго приостановить у нас развитие городской жизни.

Что именно татарское завоевание, перенеся центр тяжести политической жизни в Орду и обессилив население поборами и грабежом, подорвало в корне участие народа в общественных делах, видно еще из того, что в тех местностях, которых нашествие не коснулось, вечевые порядки сохраняются в XIV и XV веках; таковы Новгородская и Полоцкая волости.

Существование народной Думы в Новгороде до 1478 г., а во Пскове до 1510 г. не нуждается в доказательствах. Мы приведем лишь несколько известий относительно новгородских волостей, чтобы показать, что вече не было особенностью только города Новгорода, а составляло порядок жизни всей Новгородской волости.

В 1343 г. „нагадавшеся псковичи с изборяны подъяша всю область Псковскую и поехаша воевати земли немецкия...“ (Псков. I).

В 1317 г. Великий князь Московский, Василий Дмитриевич, задумал отобрать у Новгорода Двинскую землю. Вот как, по рассказу летописца, привел он в исполнение свое намерение:

„Насла князь великий, Василий Дмитриевич, за Волок на Двину бояр своих, Андрея Албердова с други, ко всей Двиньской слободе, а повествуя им тако: „что бы есте задалеся за князь великий, а от Новгорода бы есте отнялеся; а князь великий от Новгорода хошет вас боронити, а за вас хошет стояти“. И двиняне, Иван Микитин и бояре двиньскыи и вси двиняне, за великий князь задалеся, а ко князю великому целоваша крест. И князь великий на крестном целованьи у Новагорода отнял Волок Ламский и с волостьми...“ (Новог. I).

Эти переговоры Великого князя Московского с двинянами относятся к одному роду с вышеприведенными переговорами в XII веке Всеволода с киевлянами, Юрия с ростовцами, суздальцами и владимирцами и пр. И тут, и там речь идет о признании князя.

Крестное целование народа и князя в домосковской Ру-

си всегда предполагает соглашение народа и князя. В этом смысле надо понимать и следующее известие под 1399 г.:

„Яков Прокофьев гоняшеся за Анфалом ратью в 700 человек и пригнася к городу Устьюгу, а ту бе владыка, Григорей Ростовский, и князь Юрьи Андреевичь, и рече Яков князю и гражаном: „стоите ли за беглеца новгородцкаго, за Анфала?“ И князь с устьюжаны рече: „мы за него не стоим, ни пособляем по нем, по великого князя целованию“ (Новгор. IV).

Вечевые порядки в полном разгаре находим и в Вятке в эпоху войны Великого князя, Ивана Васильевича, с Казанью. В 1469 г. воевода великого князя, подойдя к Вятке, вступил в переговоры с вятчанами и „именем великаго князя“ требовал, чтобы они шли с ним на казанского царя.

„Они же рекоша: „изневолил нас царь (казанский) и право свое дали есмя ему, что нам не помогати ни царю на великаго князя, ни князю великому на царя“ (Воскр.).

Таким образом, вятчане самостоятельно вели войну с казанскими царями и вступали с ними в договоры. В том же году большой воевода великого князя, К.А.Беззубцев, послал „именем великаго князя“ новое требование вятчанам воевать Казань и получил такой ответ:

„Вятчане же отказали: коли пойдут под Казань братья великаго князя, — говорили они, — тогда пойдём и мы“ (Воскр.).

Вечевые порядки XII века продолжают действовать в Полоцкой волости еще в XV. Полочане приглашаются Великими князьями Литовскими на совещания и вступают в самостоятельные договоры со своими соседями. Литовский князь Александр в 1403 г. назначил немцам день для совещания в Вильне; на это совещание должны были прибыть и полочане. От начала XV века сохранилось несколько договоров полочан с Ригой. Договоры эти пишутся то от имени наместника и от всех муж полочан, то от одних только полочан¹.

---

¹ Рус.-Лив. акты: №№ CXL, CLII, CLIII, CLIV, CLXXII, CCXLIX и CCLIX. 1403—1470.

Вторая причина устранения из практики вечевых порядков заключалась в изменении всего строя древней общественной жизни. Эти изменения касаются состава территории вновь возникшего Московского государства и прав населения и с некоторой подробностью очерчены в т. I „Древностей“. Соединение многих отдельных волостей в одном Московском государстве уничтожило ту почву, на которой могли действовать вечевые собрания. Вече — учреждение по преимуществу городское, оно предполагает независимость города-волости и его право решать самостоятельно свои дела. Москва поглотила эти города-волости; значительные же размеры нового государства не допускали возможности общенародных сходок.

Вместе с изменениями в составе территорий происходят важные перемены в распределении поземельной собственности и в правах населения. Домосковские князья не были обладателями больших недвижимых имений. Раздробленность России и постоянное соперничество князей не допускали образования в руках их крупной поземельной собственности. Возможность к накоплению такой собственности открылась лишь с эпохи объединения. В руках московских государей впервые сосредоточиваются недвижимости, размеры которых превосходят их личные потребности и потребности их семей. Появляется возможность употреблять этот излишек для организации военной силы. Возникает поместное войско, обязанное службой. Рядом с этим идут изменения и в положении старинных вольных слуг. Они делаются тоже обязанными службой. Свободное сельское население прикрепляется и поступает в зависимость к этим обязанным слугам. Кто еще сохранил остатки старой воли, прикрепляется к месту и государеву тяглу. В руках московских государей образовалась, таким образом, зависящая только от них военная и денежная сила. Обладая такой силой, они не имеют уже надобности входить в соглашение с народом. Они могут приказывать. А если бы и появилась потребность совещания с народом, она не могла быть осуществлена в старой форме вечевого собрания, неприменимой к государствам со значительным объемом. Для этого нужны новые

формы, которые, действительно, и начали вырабатываться с XVI века в виде Земских соборов. Но это уже новости московского права.

В конце XV века у нас встретились лицом к лицу два совершенно разных порядка: старый вечевой, действовавший в Новгороде и прежних новгородских пригородах и волостях, и новый монархический, представителями которого явились московские князья. Эти два порядка не могли ужиться рядом. Они вступили в борьбу, которая была непродолжительна; она скоро окончилась совершенной победой московских государей.

Чрезвычайно характерное повествование дает летописец о столкновении нового порядка со старым. Москва одержала победу, но торжество это облеклось в старые еще формы. Не указом великого государя отменено было в Новгороде вече и посадник, это было сделано по соглашению с Новгородом; новгородцы целовали великому государю крест не безусловно, а по грамоте, в которой были определены их права и обязанности. Дело происходит так (Воскр. 1478).

В 1477 г. весь Великий Новгород прислал к великому князю и сыну его

„...послов своих, Назара, подвойскаго, да Захария, дьяка вечнаго, бити челом и называти себе их государи; а наперед, — прибавляет от себя летописец, — того не бывало, ни котораго великаго князя государем не зывали, но господином“.

Это случилось в марте, а в апреле того же года великий князь послал в Новгород своих послов „покрепити того, какого хотят государьства“ в Новгороде. Выслушав великокняжеских послов, новгородцы сказали, что они с такими речами в Москву не посылали, и назвали всю эту историю „ложью“.

Такой ответ разгневал государя и в сентябре того же года он формально объявил войну Новгороду, послав „складную“ грамоту. В октябре великий князь выехал из Москвы „казнить новгородцев войною за их преступление“. Его сопровождало громадное войско. Новгородцы не могли рассчитывать на победу и решили вступить с московским госу-

дарем в переговоры. Город, однако, они привели в осадное положение и от государя затворились.

Иван Васильевич принял новгородских послов и дозволил им вести переговоры со своими боярами. Новгородские послы били челом: 1) чтобы государь отчину свою пожаловал, нелюбье отдал и унял меч; 2) чтобы отпустил новгородских бояр, которые были задержаны в Москве; 3) чтобы государь ездил в Новгород (для суда) на четвертый год; 4) чтобы он получал с Новгорода по 1000 руб. в год; 5) чтобы суд наместника и посадника производился в городе (а не на городище); 6) чтобы наместник государев не судил владычных и посадничьих судов; 7) чтобы сам государь судил только те суды, которых не управит его наместник и посадник; 8) чтобы новгородцы не вызывались на суд в Москву. Эти многочисленные челобитья оканчивались следующим и не совсем ясным и несколько уклончивым:

„...что бы государь пожаловал, указал отчине своей, как ему Бог положит на сердце отчина своя жаловати, и отчина его своему государю челом бьют, в чем им будет мочно быть“.

В самый день переговоров новгородских послов с боярами государь отрядил войска для занятия лежащих около Новгорода городищ и монастырей. Это было 24 ноября, а на следующий день государь дал ответ на челобитье послов. В ответе своем великий князь приказал сказать, что так как новгородцы возвели на него ложь, то он, положив упование на Господа Бога, пошел на них за их неисправление; если же они захотят ему бить челом, то они должны знать, как надо ему бить челом.

Из этого начала переговоров видно, что новгородцы не понимали или не хотели понять, чего хочет великий князь; а великий князь не хотел своих требований высказать и ждал, когда новгородцы сами догадаются, что ему нужно.

Послы, выслушав загадочный ответ великого князя, отпросились в Новгород для доклада вechу; 4 декабря они возвратились с теми же предложениями, получили тот же ответ и снова отпросились в Новгород. На этот раз они оставались там недолго, они возвратились на следующий же день и по-

винились в том, что посылали Назара и Захара, а после стали от этого посольства отказываться.

Этим сознанием великий князь был удовлетворен и объявил, наконец, свою волю, но в виде ответа на вопрос новгородцев:

„А спрашиваете, какову нашему государству быти на нашей отчине, на Новгороде, ино мы, великие князи, хотим государства своего, как есмы на Москве, так хотим быти на отчине своей, Великом Новгороде“.

Загадка, наконец, разъяснена. Но это все еще не приказ, а только желание. Великий князь хочет, чтобы новгородцы, назвав его государем, сами просили его государствовать по-московски. Поэтому, когда послы стали проситься снова в город „о том помыслити“, великий князь охотно на это соизволил и назначил им трехдневный срок.

Возвратившись, послы просили о дозволении вступить в переговоры с боярами. Иван Васильевич соизволил и на это. Послы били челом: 1) чтобы наместник государя судил с посадником; 2) чтобы государь брал дань по полугривне с сохи раз в год; 3) чтобы в новгородских пригородах сидели наместники государя, но чтобы суд был по старине (т.е. по новгородским обычаям и законам); 4) чтобы государь в новгородские вотчины и земли не вступался; 5) чтобы новгородцев не вызывали (позвы и вывод) на суд в Москву; 6) чтобы новгородцев не вызывали на службу из пределов Новгородской волости.

Эти предложения не соответствовали московским порядкам, тем не менее бояре доложили о них государю. Он остался недоволен и дал такой ответ:

„Били есте челом мне, великому князю, зовучи нас себе государи, да что бы есмы пожаловали указали своей отчине, какову нашему государству быти в нашей отчине. И яз, князь великий, то вам сказал, что хотим государства на своей отчине, Великом Новгороде, такова, как наше государство в Низовской земли, на Москве. И вы нынече сами указываете мне, а чините урок нашему государству быти; ино то которое мое государство?“

На это послы отвечали, что они урока великому князю

не чинят, но просят пожаловать их, сказать им, как будет великий князь государствовать в Новгороде, так как они обычаев Низовской земли не знают.

Этим объяснением государь остался доволен и отвечал:

„Наше государство великих князей таково: вечному колоколу в отчине нашей, в Новгороде, не быти, а государство свое нам држати, ино на чем великим князем быти в своей отчине, волостем быти, селом быти, как у нас в Низовской земле, а которая земля наши великих князей за вами, а то бы было наше. А что есте били челом мне, великому князю, что бы вывода из Новгородской земли не было, да у бояр у новгородских в отчины, в их земли, нам, великим князем, не вступатися, и мы тем свою отчину жалует, вывода бы не паслися, а в вотчины их не вступаемся. А суду быти в нашей вотчине, в Новгороде, по старине, как в земли суд стоит“.

Итак, великий князь принял три предложения новгородских уполномоченных, из коих два вовсе не соответствуют московским порядкам. Это, конечно, должно было ободряющим образом подействовать на новгородских послов. Через неделю (14 декабря), по выслушании воли великого князя, они снова обратились с челобитьем о совещании с боярами. И это совещание было разрешено. На нем послы объявили, что вечевого колокол и посадника они отложили. Но этим дело не кончилось; послы возобновили свое прежнее челобитье, чтобы государь пожаловал, московские позвы отложил, да службы не наряжал в Низовскую землю.

Великий князь всем этим их пожаловал.

По установлении этих главнейших пунктов соглашения послы были приняты великим князем; на этой аудиенции Иван Васильевич подтвердил им лично свое жалование. После приема бояре напомнили послам, чтобы Великий Новгород дал великому князю волости и села. Послы отвечали: „скажем то Новгороду“. И вот опять начались переговоры. По первом совещании с Новгородом послы предложили две волости: Луки Великия да Ржеву Пустую. Князь великий не взял. Новгородцы предложили 10 волостей. Князь великий и 10 волостей не взял. Тогда новгородцы стали бить

челом, чтобы государь сказал, сколько же ему нужно волостей. Государь объявил чрез бояр, что он хотел бы взять: половину всех владычных и монастырских да все новоторжские, чьи бы они ни были. Новгородцы, узнав всю волю государя, отступились всех новоторжских волостей и половины владычных; что же касается монастырских, то они били челом, чтобы государь взял половину волостей только у шести монастырей, более богатых, а у остальных, по бедности их, ничего бы не брал. На это государь соизволил; а владыку пожаловал, взял у него только 10 волостей.

По улажении этого вопроса возник вопрос о дани. Великий князь не хотел довольствоваться полугривной с сохи, что ему предложили новгородцы, и требовал ровно втрое, по полторы гривны с сохи. Новгородцы продолжали бить челом о полугривне. Великий князь согласился и на это. Но и это еще не все. Новгородцы просили, чтобы великий князь не посылал к ним своих писцов и данщиков, положился бы на новгородскую душу; сколько скажут сох, столько бы и принимал полугривен. Великий князь и этим пожаловал свою отчину, предоставив ей иметь своих сборщиков.

Так по обоюдному согласию были установлены условия нового соглашения между великим князем и Новгородом. Новгород отложил вече и посадника, но не отказался от всей своей старины. Главнейшим условием в этом отношении является суд по старине, т.е. по новгородским обычаям и законам. Великий князь назначает судей, но они применяют новгородское право, а не московское. Далее, великий князь не вызывает новгородцев в Москву, не наряжает их на службу вне Новгородской волости, не вступает в их земли и воды и, наконец, не может увеличивать поземельной дани выше установленной соглашением нормы. Великий князь согласился на значительные ограничения своей власти. Договор с государем и с московской точки зрения не представлялся, следовательно, делом невозможным.

Это соглашение новгородцы хотели обставить и формами старыми. Они били челом, чтобы государь дал крепость своей отчине и крест бы целовал. Великий князь отказал в этом. Они просили, чтобы бояре его целовали к ним крест. И

на это великий князь не согласился. Наконец, новгородцы стали просить, чтобы государь приказал наместнику, которого назначит в Новгород, целовать к ним крест. Иван Васильевич и в этом отказал.

Здесь обнаружилась глубокая разница нового соглашения со старыми. Новгородские послы, которые знали и хотели только старины, в отказе великого князя усмотрели такое существенное отступление от этой старины, что не решались покончить дело без доклада Новгороду, и стали просить об опасной грамоте для проезда в город. Государь и в этом отказал. Послам пришлось уступить. Но они сделали это не без попытки облечь новое соглашение в некоторую торжественную форму, представляющую более гарантий, чем переговоры, которые они вели до сего времени с боярами великого князя. Они стали просить, чтобы государь сам лично сказал им свое жалование. На это государь согласился и допустил их к аудиенции, о которой было сказано выше.

Новгород же должен был по старине целовать великому князю крест на грамоте, в которую были внесены все вышеозначенные условия. Список такой грамоты был явлен Великому Новгороду, и он согласился „на всем на том“ к государям своим целовать крест. Для большей крепости великий князь приказал грамоты подписать и приложить печать свою владыке Новгородскому, который был в числе уполномоченных от Новгорода и участвовал во всех переговорах, да по печати от всех пяти концов.

В заключение обратим внимание на первоначальный повод ко всей этой истории. Дело об отмене веча, по рассказу летописца, возбуждено самими новгородцами. Они послали послов, которые называли Ивана Васильевича государем, а потом отказались и даже обвинили великого князя во лжи. Отсюда поход для наказания, и в результате — Иван Васильевич становится государем Новгорода по желанию самих новгородцев.

Что новгородцы вовсе не желали, чтобы великий князь сделался у них государем в том смысле, как он государствовал в Москве, это совершенно ясно из приведен-

ных переговоров. Даже сам Иван Васильевич не настаивал на отмене всех особенностей новгородского быта. Отсюда следует, что Новгород не посылал послов с просьбой об отмене своей старины. Важности такой просьбы не соответствует ни число, ни звание послов. Их всего двое, и эти двое люди мелкие, один подвойский, другой дьяк. В Москве, конечно, никто не был введен в заблуждение и никто не верил, что Новгород просит об отмене своей старины. Но Москве нужен был предлог, чтобы возбудить дело об изменении неудобной теперь новгородской пошрины. Назар и Захар дали этот предлог, хотя по краткости летописного известия нам и не совсем ясно, что такое они сказали Ивану Васильевичу. Из слов летописи видно только то, что они назвали его новым титулом. Титул не включает еще в себе определения власти. А потому, если новгородцы и действительно хотели с этого времени именовать Ивана Васильевича государем, то отсюда вовсе еще не следует, что, заменив старый титул новым, они отказывались от всей своей старины. Вся эта история дает великолепный образчик изворотливой политики Ивана Васильевича. Он достиг того, чего хотел; но все должны были думать, что не он этого хотел, а новгородцы.

Развитие княжеской власти в Москве в конце XV века шло чрезвычайно быстро. В 1478 г. Иван Васильевич не решается сам взять у новгородцев столько волостей и сел, сколько ему нужно: мало этого, он не решается отобрать у них своею властью Ярославов двор, а приказывает боярам своим говорить владыке, и посадникам, и жителям, и черным о Ярославле дворе, чтобы тот двор ему очистили. Владыка же, бояре и жители отвечают, что об этом надо говорить с новгородцами. И великий князь ждет. Но не прошло и пяти лет с этого времени, как великий князь стал распоряжаться в Новгороде совершенно самовластно, не стесняясь условиями соглашения 1478 г. В 1484 г. он приказывает схватить в Новгороде больших бояр, села их и движимости отписать на себя, а их самих перевести в Москву, где дать поместья.

Расселение, как самое действительное средство для искоренения старых вечевых порядков, Иван Васильевич применяет и к Вятке. В 1489 г. он послал воевод своих наказать вятчан „за их неисправление“. Лучшие люди вышли навстречу с покорностью. Они говорили воеводам великого князя:

„А мы великому князю челом бьем, покоряемся на всей его воле, дань даем и службу служим“.

Воеводы потребовали выдачи изменников: Ивана Аникеева, Пахомья Лазарева и Палку Богодайщикова. Вятчане просили срока на один день, послы их говорили:

„Дайте нам, господа, сроку до завтра, мы это ваше слово скажем всей земле Вятской“.

Воеводы согласились.

Вятке были поставлены более тяжелые условия, чем Новгороду. Правительство не довольствовалось покорностью вятчан, оно требовало выдачи виновных. На это вятчане не согласились. Вятка была взята, лучшие люди выведены и испомещены по московским городам (Соловьев. V. 46).

Псков оказал московским князьям еще менее сопротивления, чем Новгород. Несмотря на то, что Великий князь, Василий Иванович, приказал схватить и заключить в тюрьму псковских посадников, бояр и „жалобных людей“ (челобитчиков), приехавших к нему по своим делам из Пскова в Новгород, псковичи не затворились от великого князя и приняли его посла. Посол этот объявил им волю государя, „чтобы у них вечья не было бы да и колокол бы вечной сняли“, если хотят пожить в старине. Воля эта была объявлена на вече. Псковичи просили только дать им подумать до другого дня. На другой день они беспрекословно согласились на требование великого князя.

Здесь не было никаких переговоров, и никаких условий псковичи не предлагали. Но, конечно, потому, что лучшие люди их поехали к великому князю в Новгород и там предусмотрительно были посажены за пристава.

Обещание сохранить старину несколько напоминает порядок отмены веча в Новгороде: но во Пскове старина

эта не была определена, и псковичи целовали великому князю крест безусловно, а не по грамоте. После целования великий князь обещал дать „жалованную грамоту“, как им вперед жить. Но была ли дана такая грамота, этого мы не знаем. Если Иван Васильевич с 1484 г. стал нарушать льготы, данные новгородцам в 1478 г., то трудно думать, чтобы сын его имел действительное намерение сохранить псковскую старину. В самый год, когда было дано обещание сохранить эту старину, Василий Иванович приказал взять за пристава посадников и лучших бояр и купцов псковских, всего 300 семей, и перевезти их в Москву (Псков. I. 1510).

Несмотря на полную победу Москвы, отголоски веча-вого быта явственно слышатся и в смутную эпоху начала XVI века.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вечевое устройство

І. Вообще

Человек предшествует государству. Он существовал задолго до его появления как член семьи, рода, племени. Никто не наблюдал первоначального возникновения государств. Но они, конечно, возникли не во всеоружии, не с тем определенным сознанием своих особых целей, потребностей и средств существования, каким обладают в эпоху своей зрелости. Первоначально, надо думать, это новое и, сравнительно с более древними союзами, в которых жил человек, более искусственное целое не сознавало себя как нечто особое от составных своих элементов; составные же его элементы не противопоставляли своим личным целям и интересам цели и интересы государства, а наоборот, в целях государства видели только свои личные. Вот этому-то моменту в истории развития человеческих обществ и принадлежит возникновение вечевой формы быта. Государство находится в периоде зарождения, оно не настолько еще окрепло, чтобы идея государства могла обособиться от составляющих его элементов и мыслиться отдельно от них. Составные элементы этого нового целого принимают участие в его делах потому, что считают их своими. Общее не успело еще обособиться от частного и является только суммой этих частных; оно не успело еще выработать и своих особых органов. Такова почва, на которой возникло вече. А так как момент безразличия частного и общего должны были пережить все государства, то форма вечевого быта должна быть наблюдаема у всех народов. Сравнительная история права дает достаточно фактов, подтверждающих нашу мысль.

Указанными свойствами вечевого быта объясняются и все подробности вечевой организации.

II. Состав

Участие в вечевых собраниях понималось в древности как право, принадлежащее свободному человеку.

Принимающие участие на вече, обыкновенно, обозначаются в источниках самыми общими терминами, обозначающими все свободное население: это люди без всяких ограничений¹. На тех же людей в широком смысле указывает обозначение участников по имени города: новгородцы, владимирцы, рязанцы, кияне и пр., что значит то же, что „люди в Киеве“, „люди ростовские“ и пр. Иногда названию по городу предшествует определение количества словом „все“, например, „все переяславцы“, „вся Галицкая земля“ и пр.

Кроме этих общих терминов, указывающих на право участия всех свободных, мы встречаем в летописях и указания на участие отдельных слоев населения, начиная с высших и до последних. В Киеве участвуют князья и митрополит; в Новгороде не только лучшие люди (бояре, купцы), но и меньшие, черные, смерды, даже худые мужики; то же и в Торжке². Во Владимире Северном на вече 1177 г., кроме бояр, упоминаются еще купцы; но в том же рассказе эти два термина оказались тесными, а потому в дальнейшем изложении вместо купцов поставлено „и все люди“³.

Под свободными людьми, имеющими право участия в народных думах, надо разуметь, однако, не все население поголовно, а свободных людей, которые не состоят под отеческою властью и не находятся в иной какой-либо частной зависимости.

Что касается первого ограничения, то оно выражено в памятниках. В 1147 г. киевляне на приглашение своего князя

---

¹ Для Киева (Лавр. 968, 1067; Ипат. 1154); для Владимира на Клязьме (Воскр. 1216); для Ростовской вол. встречаем „людей земли нашей“, как выражается Всеволод Юрьевич (Ипат. 1183); в Галиче Южном упоминается „вся Галицкая земля“ (Ипат. 1187); в Суздале „все люди“ (Сузд. 1164); для Новгорода (Новг. I. 1259, 1273).

² Ипат. 1146, 1147; Новгор. 1259, 1340; Воскр. 1471.

³ Лавр. Для Галича, Суздаля и Смоленска см. Ипат. 1189, 1235; Сузд. 1176; Воскр. 1401.

Изяслава Мстиславича идти к Суздалю на Юрия и Святослава Ольговича отвечают отказом:

„Княже! ты ся на нас не гневай, не можем на володимире племя руки взняти; оля же Олговичь хотя и с детми“ (Ипат.).

То же говорят и дручане князю Всеволоду Борисовичу:

„Аче ны ся и с детьми бити за тя, а ради, ся бьем за тя“ (Ипат.).

Отцы, следовательно, решают за детей, которые тем самым устраняются от участия в народных собраниях. Ограничение это обуславливается семейным правом. Участие в вечевом собрании предполагает возможность говорить и действовать по личному усмотрению; дети состоят под отеческой властью и воли своей не имеют, а потому для них и невозможна самостоятельная деятельность на вече.

Но распространяется ли это ограничение на выделенных детей, или иным способом вышедших из-под отеческой власти и живущих самостоятельно? Думаем, что нет.

Что касается людей, находящихся в частной зависимости по найму (закупы), то наши источники не дают по отношению к ним прямых указаний. Заключение надо выводить из общего положения закупов. Древний обычай стремился к ограничению прав закупов (на это указано в т. I „Древностей“), а потому трудно допустить участие их на вечевых собраниях.

Каждый, имеющий право, участвует непосредственно, а не через представителя. На начала представительства наши памятники не содержат никаких указаний. Все же вышеприведенные места об участии „всех киян“ и пр. свидетельствуют о личном участии.

В состав волости входят не только города, но и пригороды, а потому возникает вопрос, кто же имеет право участвовать в вечевой жизни волости, жители главных городов только, или и жители пригородов? И те, и другие. Киевский князь Изяслав был призван не одними киевлянами, но и жителями пригородов, Белгорода и Василева (см. выше, с. 118). В призвании Андрея и Ростиславичей с главными городами участвуют также и пригороды. То же наблюдаем в Полоцкой

волости (с. 10), Новгородской и Псковской. Под 1132 г. летописец, описав отъезд Всеволода Мстиславича из Новгорода на стол в Переяславль Южный и возвращение его в Новгород после изгнания из Переяславля дядею Юрием продолжает:

„И бысть встань велика в людех. И придоша пльсковници и ладожане Новугороду и выгониша князя Всеволода из города. И паки сдумавше вспятиша ѿ; а Мирославу даше посадьницяти в Пльскове, а Рагуилови в городе“ (Новгор. I).

Непостоянство князя возбудило против него неудовольствие не в одних новгородцах, но и в псковичах и ладожанах. Они приехали в Новгород, подкрепили партию, которая была против Всеволода, и прогнали его. А потом передумали и вернули князя, конечно, вместе с новгородцами, которые были того же мнения. Пригороды участвовали и в избрании посадников.

В 1136 г. новгородцы, желая подвергнуть новому обсуждению управление князя Всеволода, сами призывают для этой цели в Новгород псковичей и ладожан.

Итак, волость, с точки зрения вечевой жизни, составляет одно целое. На вечевых собраниях имеет право участвовать все свободное население.

Подробному рассмотрению вопроса об участии пригородов в вечевой жизни волости мы посвятим следующую главу.

III. Время собраний и порядок созыва

Мы не находим никаких указаний на периодичность вечевых собраний¹. Они составлялись по мере потребности и

---

¹ Профессор Владимирский-Буданов высказывает предположение о периодичности вечевых собраний. „Лишь предположительно, — говорит он, — можно сказать, что были периодические собрания во время братчин, во дни церковных местных торжеств“ (Обзор. I. 32). В подтверждение своей мысли автор ссылается на приведенное нами выше (с. 11—13) место Ипатьевской летописи о событиях 1159 г. в Друцке и Полоцке. Из этого места автор выводит, что братчина, на которую полочане звали Роговолода, оказалась вечем. Это не совсем так. В данном случае братчина и

всякий раз по особому приглашению. При отсутствии необходимого повода вече могло не собираться не только в течение месяца, но даже целого года; и наоборот, в одну неделю могло быть несколько вечевых собраний. В 1384 г. в Новгороде по делу князя Патрикея вече созывалось ежедневно в течение двух недель (Новогор. IV).

Порядок созвания веча определяется сущностью этого учреждения. Это форма участия народа в общественных делах в силу присущего народу права, а потому вече может быть создано как самим народом, так и князем, или иным каким-либо органом власти. Мы имеем немало известий о созвании веча народом, несмотря на присутствие в городе князя или его посадника. Под народом не должно разуметь ни всего народа, ни значительной его части; для созвания веча довольно было ясно выраженной воли и весьма небольшого числа людей. Новгородская история представляет примеры, когда вече собиралось по требованию, заявленному только двумя заинтересованными в деле лицами¹.

Народ сходится потому, что имеет право, но он не обязан сходиться, а потому, чтобы вече состоялось, мало одного призыва, а надо еще, чтобы народ желал совещаться о том или о другом предмете. Без желания народа вече не состоится, хотя бы призыв исходил и от самого князя. Во время похода Мстислава Мстиславича с новгородцами к Киеву на Всеволода Чермного новгородцы, дойдя до Смоленска, поссорились со смольнянами и не захотели идти далее.

„Князь же Мьстислав, — рассказывает летописец, — в

вече — два разных собрания, следовавших одно за другим. Князь был на братчине в Петров день, да там его не посмели взять; поэтому ему сделали на другой день новое приглашение, но уже не на братчину, а просто в город. В то же время князь узнал, что в городе собралось враждебное ему вече, и не поехал. Итак, братчина едва ли могла оказаться вечем. Но не была ли братчина, собравшаяся в Петров день и на которой князь присутствовал, вечем? Нет основания думать это. Мы не можем присоединиться и к самой мысли о периодичности вечевых собраний по той причине, что для периодических собраний не было повода, так как вече не занималось никакими текущими вопросами законодательства, суда и управления.

¹ Новгор. I. 1342. Примеры созвания народом и князем можно найти в местах летописи, приведенных в первой главе.

вече поча звати, они же не поидоша; князь же человав всех, поклонився, поиде. Новгородьци же створивше вече особе, почаша гадати“ (Новог. I. 1214).

Новгородцы не пошли на княжеское вече, но устроили свое, без князя.

Из того начала, что народ собирается только в том случае, если захочет, а не по обязанности, надо вывести и дальнейшие последствия. Часть народа может желать пойти на вече, созданное князем или кем иным, а другая часть может пожелать устроить свое, особое. Таким образом, одновременно могут состояться два вечера. Кто не желает участвовать ни в том, ни в другом, остается дома. Из последующего увидим, что это так и бывало в действительности.

Вече созывалось двумя способами: колокольным звоном и посредством приглашения чрез особых рассыльных. Колокол был обыкновенным способом созыва в Новгороде и Пскове. К нему обращались и князья:

„На утрий же день, — говорит летописец, — послав Изяслав на Ярославов двор, и повеле звонити вече, и тако новьгородци и плесковичи снидошася на вече“ (Ипат. 1148).

В Новгороде и Пскове колокол сделался символом вечевой жизни, а потому требование об отмене вечера было выражено в форме: „Не быть вечному колоколу, снять вечный колокол“. Надо полагать, что вследствие вековой практики установился обычай звонить в один определенный колокол.

Для других городов не встречаем известий о колокольном звоне. Только раз созвонили вече в Москве, но во все колокола. Это случилось в 1382 г., в нашествие Тохтамыша. Великий князь, Дмитрий Иванович, не нашел поддержки в других князьях для встречи татар на границе и вынужден был отступить к Костроме. В Москве, оставшейся без князя,

„Бысть замятня велика. Овии, — говорит летописец, — хотяху сести в граде и затворитися, а друзии бежати помышляху, и бывши распре межи ими велице, овии с рухлядию вметающася в град, а друзии из града бежаху ограблени суще; и створиша вече, позвониша во все колоколы“ (Воскр.).

Можно думать, что это поздний отзвук первоначально общей практики.

Но и новгородцы не всегда созывались колоколом. Во время похода их, по всей вероятности, скликали биричи и подвойские, которые в мирное время собирали народ на княжеские обеды (Ипат. 1148).

О киевском вече 1147 г. говорится, что князь Владимир „вабит“ на вече, т.е. приглашает, зовет, может быть, чрез посредство биричей.

Особенно важных лиц князь приглашали сами прибыть на вече. Так, князь Владимир в том же 1147 г. перед вечем поехал к митрополиту и лично звал его.

IV. Место собраний

Известия, которые мы имеем о месте собраний, весьма характерны для рассматриваемой формы быта.

Вечевые думы, на которые сходится „многое множество народа“, собираются на свободных местах под открытым небом. Самое место всякий раз определяется созывающим. В 1147 г. Игорь созывает киевлян на вече под Угорское; сами же киевляне в том же году и по тому же предмету собираются у Туровой божницы. И это несмотря на то, что в Киеве у святой Софии было место, более приспособленное для вечевых собраний. Там, можно думать, были устроены скамьи, на которых народ мог сидеть; у Туровой же божницы сидений не было, и народ держал вече на конях (Ипат. 1146, 1147). Кроме этих трех мест, в Киеве упоминается еще Торговище (Лавр. 1067) и Ярославов двор (Ипат. 1146), как места вечевых собраний.

В Новгороде чаще всего собирались у святой Софии и на Ярославовом дворе, но были и другие места собраний: в 1015 г. Ярослав созвал вече „на поли“ (Воскр.). В случае же разделения мнений одновременно составлялись два веча в разных местах. По делу князя Патрикаея Славянский конец созвонил вече на Ярославовом дворе, а три других конца у святой Софии (Новог. IV. 1384).

В разных местах собирались иногда и сторонники одного мнения. Так случилось в деле посадника Твердислава.

Противники его собрались одни у святого Николы, другие у святых 40 мучеников (Новог. I. 1218).

У святых мучеников собрался Неревский конец, в пределах которого находилась эта церковь. Это наводит на мысль, что у концов были свои вечевые собрания, по общим вопросам подготовительные, а по своим местным окончательные. Для мирных переговоров с Великим князем Иваном Васильевичем в 1477 г. были отправлены из Новгорода представители от каждого из пяти концов: пять житых и пять черных.

Вечевые собрания вне города также не представляют редкости. Они весьма обыкновенны во время походов и встречаются у новгородцев, псковичей и смольнян; но бывают и по причине слишком большого числа участников, которое не может удобно разместиться на какой-либо из городских площадей. Этим надо объяснять, что ростовцы, суздальцы и переяславцы, съехавшись для выбора князя во Владимир, держат вече не в городе, а у города.

Иногда вече собиралось в закрытых помещениях, но не в особенно устроенных залах, а по „дворам“ частных лиц. О таких вечах я скажу ниже (с.90—91).

V. Порядок совещаний

По краткости летописных известий мы знаем очень мало о ходе вечевых совещаний. Может показаться даже невероятным, что известия наших памятников о вечевой практике Новгорода и Пскова скуднее, чем известия о киевской практике. А между тем это так. Киевский летописец оставил нам довольно полную картину веча 1147 г. (см. с.20), северные же не дали ничего подобного.

Судя по имеющимся данным, наша древность не выработала нормы наименьшего числа членов, при наличии которых вече считалось состоявшимся. Надо думать, что оно считалось состоявшимся при всяком наличном числе, достаточно многочисленном, чтобы настоять на осуществлении своего решения.

Нет никаких указаний на существование особого председателя вечевых собраний. Как скоро народ собирался и занимал место, первое слово говорил тот, кто собрал вече. Так поступает в Киеве князь Владимир, созвавший вече (1147) по поручению брата, Изяслава. Он объясняет причины созвания.

За отсутствием председателя первая роль и до некоторой степени руководство прениями принадлежало „лучшим людям“, присутствовавшим на вече, боярам и старцам. Такое преобладающее значение боярам и старцам придано летописцем в рассказе о совещании, которое имел Владимир Святой по поводу выбора веры. Ссылаясь на это место летописи, мы вовсе не утверждаем, что выбор веры происходил в действительности так, как описан; мы думаем только, что летописец, что бы он ни описывал, непременно будет писать красками своего времени. На этом совещании присутствуют бояре, старцы и все люди. Но на вопрос Владимира отвечают одни бояре и старцы; остальные же люди выражают только одобрение ответу бояр и старцев (Лавр. 987).

По выслушании приветствия от послов Изяслава следующий шаг на киевском вече 1147 г. делают „кияне“. Они, а не председатель обращаются к послам с вопросом, зачем князь прислал их? Летописец не определяет ближе, кто эти „кияне“. Но, конечно, не все же кияне в один голос предложили вопрос. Их было так много на этом вече, что, по всей вероятности, не все и слышали хорошо, о чем шла речь. Надо думать, что все присутствующие и разместились в некотором порядке. В середине, ближе к князю и митрополиту, находились лучшие люди, бояре и старцы. Эти лучшие люди, по всей вероятности, и предложили послам вопрос.

Очень понятно, что боярам, людям состоятельным, и умудренным опытом старцам принадлежало на всяких сходках первое место. Но это не значит, что они имели на вече лучшее право, чем остальные люди. Право у всех было равное, и каждый говорил или молчал по своему усмотрению. Преобладающая роль лучших людей условливалась единственно тактом присутствующих. Если присутствующие имели интерес заглушать чьи-либо речи, они легко могли дос-

тигнуть этого, подкупив крикунов из мелких людей. Пример такого беспорядочного веча дает Новгород в 1471 г., когда партия Борецких возбуждала вопрос о переходе Новгорода от московских государей к литовским.

„То же слышавше, — говорит летописец, — новгородстии людие, бояре их, и посадници, и тысяцкие, и житии людие, котории не хотяще перваго своего обычаа и крестного целованиа преступити, ради быша вси тому и правитися хотяще вси к великому князю по старине. А предиреченнии они, Исаковы дети, с прочими с их поборники и с наймиты своими, яко взбеснеша, или яко звери дикии, бесчеловечен разум имуще, князя великаго послов речей, такоже и митрополита Филиппа, слышати не хотяху, но и еще наймоваху злых тех смердов, убийць, шилников и прочих без именимых мужиков, иже скотом подобни суть, ничтоже разума имущих, но точию едино кричание, иже безсловеснаа животнаа не тако рычаху, якоже они новгородстии людие, невегласи, государем зовяху себе Великий Новгород, и ти приходяху на вече, биаху в колоколы, и кричаху, и лааху, яко пси, нелепаа глаголюще: „за короля хотим“ (Воскр.).

В этом описании краски наложены весьма густо, но не это нас интересует, а то, что самые последние люди, безыменитые мужики не только могли говорить, что и когда хотели, но даже могли звонить в колокола и таким образом увеличивать число собравшихся на вече, ни у кого не испрашивая разрешения.

Понятно, что при таких условиях вечевые думы должны были представлять иногда весьма шумные и беспорядочные сборища. И это не в одном Новгороде. В описании владимирского веча 1097 г. (с.6) также не видно председателя. Все делают „людье“. Они непосредственно обращаются к своему князю с требованием выдать виновников ослепления Василька; а когда князь начал уклоняться от исполнения этого требования, они „кликнули“ на него, т.е. поднялся шум и гам.

Еще более шумное собрание имело место во Владимире на Клязьме в 1177 г. Взяв в плен противников своих, Ярополка Ростиславича и тестя его, Глеба Рязанского, Всеволод

Нет никаких указаний на существование особого председателя вечевых собраний. Как скоро народ собирался и занимал место, первое слово говорил тот, кто собрал вече. Так поступает в Киеве князь Владимир, созвавший вече (1147) по поручению брата, Изяслава. Он объясняет причины созвания.

За отсутствием председателя первая роль и до некоторой степени руководство прениями принадлежало „лучшим людям“, присутствовавшим на вече, боярам и старцам. Такое преобладающее значение боярам и старцам придано летописцем в рассказе о совещании, которое имел Владимир Святой по поводу выбора веры. Ссылаясь на это место летописи, мы вовсе не утверждаем, что выбор веры происходил в действительности так, как описан; мы думаем только, что летописец, что бы он ни описывал, непременно будет писать красками своего времени. На этом совещании присутствуют бояре, старцы и все люди. Но на вопрос Владимира отвечают одни бояре и старцы; остальные же люди выражают только одобрение ответу бояр и старцев (Лавр. 987).

По выслушании приветствия от послов Изяслава следующий шаг на киевском вече 1147 г. делают „кияне“. Они, а не председатель обращаются к послам с вопросом, зачем князь прислал их? Летописец не определяет ближе, кто эти „кияне“. Но, конечно, не все же кияне в один голос предложили вопрос. Их было так много на этом вече, что, по всей вероятности, не все и слышали хорошо, о чем шла речь. Надо думать, что все присутствующие и разместились в некотором порядке. В середине, ближе к князю и митрополиту, находились лучшие люди, бояре и старцы. Эти лучшие люди, по всей вероятности, и предложили послам вопрос.

Очень понятно, что боярам, людям состоятельным, и умудренным опытом старцам принадлежало на всяких сходках первое место. Но это не значит, что они имели на вече лучшее право, чем остальные люди. Право у всех было равное, и каждый говорил или молчал по своему усмотрению. Преобладающая роль лучших людей условливалась единственно тактом присутствующих. Если присутствующие имели интерес заглушать чьи-либо речи, они легко могли дос-

тигнуть этого, подкупив крикунов из мелких людей. Пример такого беспорядочного веча дает Новгород в 1471 г., когда партия Борецких возбуждала вопрос о переходе Новгорода от московских государей к литовским.

„То же слышавше, — говорит летописец, — новгородстии людие, бояре их, и посадници, и тысячские, и житии людие, котории не хотяще перваго своего обычаа и крестного целования преступити, ради быша вси тому и правитися хотяще вси к великому князю по старине. А предиреченнии они, Исаковы дети, с прочими с их поборники и с наймиты своими, яко взбеснеша, или яко звери дикии, бесчеловечен разум имуще, князя великаго послов речей, такоже и митрополита Филиппа, слышати не хотяху, но и еще наймоваху злых тех смердов, убийць, шилников и прочих без именитых мужиков, иже скотом подобни суть, ничтоже разума имущих, но точию едино кричание, иже безсловеснаа животнаа не тако рычаху, якоже они новгородстии людие, невегласи, государем зовяху себе Великий Новгород, и ти приходяху на вече, биаху в колоколы, и кричаху, и лааху, яко пси, нелепаа глаголюще: „за короля хотим“ (Воскр.).

В этом описании краски наложены весьма густо, но не это нас интересует, а то, что самые последние люди, безыменитые мужики не только могли говорить, что и когда хотели, но даже могли звонить в колокола и таким образом увеличивать число собравшихся на вече, ни у кого не испрашивая разрешения.

Понятно, что при таких условиях вечевые думы должны были представлять иногда весьма шумные и беспорядочные сборища. И это не в одном Новгороде. В описании владимирского веча 1097 г. (с.6) также не видно председателя. Все делают „людье“. Они непосредственно обращаются к своему князю с требованием выдать виновников ослепления Василька; а когда князь начал уклоняться от исполнения этого требования, они „кликнули“ на него, т.е. поднялся шум и гам.

Еще более шумное собрание имело место во Владимире на Клязьме в 1177 г. Взяв в плен противников своих, Ярополка Ростиславича и тестя его, Глеба Рязанского, Всеволод

держал их, однако, на свободе. Это не понравилось владимирцам.

„И на третий день (по возвращении с победы), — рассказывает летописец, — бысть мятежь велик в граде Володимери: всташа бояре и купцы, рекуще: „княже! мы тебе добра хотим и за тя головы свое складываем, а ты держишь ворогы свое просты! А се ворози твои и наши, суждалци и ростовци, любо и казни, любо слепи, али дай нам!“ (Лавр.).

VI. Порядок вечевых решений

Порядок вечевых решений представляет чрезвычайно характерную особенность. Счета голосов у нас вовсе не делалось по той причине, что большинство голосов (абсолютное и тем более относительное) не считалось достаточным для решения дела. У нас требовалось или единогласное решение, или такое большинство, которое ясно видно без всякого счета голосов. Это должно быть подавляющее большинство, которое заставляло бы смолкать всех разномыслящих.

Такой порядок совершенно понятен. Решение по большинству не заключает в себе никакой разумной идеи. Если сто человек думают так, а пятьдесят иначе, то отсюда вовсе не следует, что сто думают правильно, а пятьдесят ложно, и что пятьдесят должны подчиниться мнению ста. Если теперь везде принимается большинство, то как единственно возможный мирный выход из затруднения, представляемого разделением голосов, и только. Древний человек не был способен к такому искусственному решению вопроса. Он предпочитал биться за свои убеждения и силою принуждать противника принять мнение, в истинности которого был уверен.

А, с другой стороны, решение по большинству предполагает наличность самостоятельной исполнительной власти, достаточно сильной, чтобы привести в действие народное решение, несмотря на противоречие многочисленного большинства. В период господства веча исполнительная сила не успела еще обособиться от силы народа вообще, а потому значительное меньшинство народа всегда могло

противопоставить большинству деятельное сопротивление. Так оно в действительности и было.

Что голосов не собирали и не считали, а принимали за решение подавляющую силу их, это мы видим, во-первых, из обычных для того времени выражений, в которых говорится о состоявшихся народных решениях; и, во-вторых, из последствий, которые наступали в случае такого разделения мнений, при котором не было ни на одной из сторон подавляющего большинства.

Все вечевые решения имеют в своем основании соглашение всех. В договорных грамотах Новгорода с князьями употребительны две формы, краткая:

„Благословение от владыце, Моисея, поклон от посадника, Данила, от тысяцкого, Аврама, и от всего Новагорода к господину Великому князю, Олександру“ (1327),

и пространная:

„Благословение от владыки, покланяние от посадника, Михаила, и от тысяцькаго, Кондрата, и от всего Новагорода, и от всех старейших, и от всех меньших к князю Ярославу“ (1265).

В пространной редакции прямо упомянуто, что договор заключен от имени всех старших и младших людей. Тот же смысл, конечно, имеет и краткая редакция.

Такую же форму решения от имени всех находим и в летописных известиях. В 1212 г. на вопрос князя своего, Ярослава Всеволодовича, переяславцы дают все один ответ (с.27). В 1215 г. тот же князь, Ярослав, послал из Торжка в Новгород сто новгородцев, чтобы составить там партию против князя Мстислава и выпроводить его из Новгорода:

„И не яшася по то, — говорит летописец о новгородцах, — но вси быша единодушно и те сто муж“ (Новог. I).

Во время борьбы Даниила Московского и Михаила Тверского с Андреем Александровичем на стороне первых стоят переяславцы с единого, т.е. все, как один человек (Воскр. 1296).

В 1372 г. новгородцы, приехавшие в Торжок для защиты этого города от Михаила Тверского, совокупились и соединились с новоторжцами и укрепились крестным це-

лованием, еже быти и стати за един (Новог. I). В 1391 г. новгородцы ответили отказом на просьбу митрополита о суде. Летописец передает их ответ в таких выражениях:

„И ноугородци отвещаша единеми усты: целовали емя крест с одного, а грамоты пописали и попечатали, и душу запечатали“¹.

Но поводов к разногласию в древнее время было не меньше, чем в наше. А потому господствовавший тогда порядок заключал в себе возможность междоусобной брани. При нерешительном разделении голосов стороны стояли друг против друга без всяких средств к мирному выходу из разногласия. Им ничего не оставалось, как обратиться к суду Божию. Они это и делали. Мы приведем несколько примеров борьбы разномыслящих вечевых партий, которые представят вместе с тем и новое доказательство как необходимости „одиначества“, так и полного отсутствия мысли о лучшем праве большинства.

В 1218 г. посадник Твердислав возбудил против себя значительное число новгородцев. Против него были Славянский, Плотницкий и значительная часть Неревского конца; за него Людин конец и Прусская улица Неревского конца. Противники Твердислава собрали два веча, одно у святого Никиты, другое у сорока святых. Где собирались сторонники посадника, летопись не говорит. Она сообщает только, что Твердислав с Людиным концом и Прусской улицей пошел против своих противников. Загородский же конец, прибавляет летописец, не присоединился ни к тем, ни к другим. Здесь мы имеем перед глазами богатый содержанием случай вечевой практики. Три конца без одной улицы составляют два веча против посадника; один конец плюс чужая улица составляют вече в пользу посадника; наконец, еще один конец совершенно остается в стороне и не участвует ни на одном из трех одновременно действующих вечевых собраний. Дело дошло до войны: на той и другой стороне были убитые и много раненых. Но битва не была решительна. Вечевые

---

¹ Соф. I. См. еще подобные же крестные целования: Новог. IV. 1397; Новог. II. 1422.

собрания продолжались целую неделю, пока спорящие не пришли к единению:

„Но Богом, — говорит летописец, — диявол попран бысть и святою Софиєю, крест возвеличян бысть: и съидошася братья в купе однодушно, и крест целоваша“ (Новог. I).

Посадник Твердислав удержал за собой свое место. В данном случае перевес получило мнение, которое первоначально поддерживалось одним концом против трех, т.е. мнение меньшинства. Надо полагать, что меньшинство это проявило более энергии и настойчивости, чем большинство, а потому и одержало победу.

В 1384 г. ореховцы и корельцы приехали в Новгород с жалобой на своего посадника, князя Патрикея. Патрикей также приехал в Новгород и „посулом“ склонил на свою сторону Славянский конец. Весь остальной Новгород был против князя Патрикея. И этого громадного большинства было недостаточно, чтобы заставить Славянский конец уступить. Он продолжал собираться на Ярославовом дворе и стоять на своем. Он даже обратился к силе и сделал нападение на двор тысяцкого, который с левой стороны Волхова ходил на софийское вече, где собирались противники Патрикея. Остальному Новгороду пришлось вооружиться как на рать. Только тогда Славянский конец уступил.

„И по усобной той рати, — говорит летописец, — поидоша вся пять концов в одиначество: отняша тыи города у князя, а даша ему Русу да Ладогу и Наровьский берег; и грамоту списаша с князем, и запечаташа на вечи, на Ярославле дворе“ (Новог. IV).

Таким образом, как необходимость соглашения всех, так и возможность междоусобной брани в случае разделения суть две стороны одного и того же явления. При господстве таких порядков власть постоянно переходит из состояния мира в состояние размирья и обратно. Приведем два примера.

В 1342 г. новгородец, Лука Варфоломеев, отправился, против воли Новгорода, воевать по Двине. Этот своевольный поход кончился для него неудачно, он был убит в Заволочьи.

Надо думать, что его поддерживали черные люди, потому что, получив известие о смерти Луки, они восстали на посадника, обвиняя его в подговоре к убийству. Сын убитого формально обратился к Новгороду с жалобой на посадника, утверждая, что он подослал убийц.

„И Онцифор (сын Луки), — говорит летописец, — с Матфеем созвони вече у Святей Софии, а Федор (посадник) и Одрешко другое созвониша на Ярославле дворе. И посла Онцифор с Матфеем владыку на вече, и не дождавше владыце с того веча, и удариша на Ярославль двор, и яша ту Матфея Козку и сына его, Игната, и всадиша в церков, а Онцифор убежа с своими пособники. Тоже бысть в утре, а по обеде доспеша весь город, : она страна собе, а сиа собе. И владыка Василий с наместником, Борисом, докончаша мир межи ими. И взвеличан бысть крест, а диавол посрамлен бысть“ (Новог. I).

В 1388 г. восстали три конца Софийской стороны на посадника Есипа Захарьича, созвонили вече у св. Софии, а с веча пошли на его двор, как рать сильная в оружии, взяли дом его и хоромы разнесли. Посадник бежал на Торговую сторону, которая вся стала за него.

„И тако, — говорит летописец, — быша без мира по две недели, и потом снидошася в любовь и даша посадничество Василию Ивановичу“ (Новог. I).

Единение всех было обыкновенной формой вечевого решения. Но необходимость такого единения не шла у нас до того, чтобы вече вовсе не создавало за собой права постановить обязательное для всех решение, едва был хотя один несогласный. Под единением всех надо разуместь не соглашение всех без исключений, а соглашение такого подавляющего большинства, которое заставляет молчать разномыслящих.

В 1016 г. новгородцы, поддерживавшие своего князя, Ярослава Владимировича, в войне со Святополком, решили во время похода напасть на войско противника, переправившись через Днепр. Вот в какой форме доводят они до сведения князя о своем решении:

„Яко завтра перевеземся на не. Аще кто не пойдет с нами, сами потнем“ (Лавр.).

Подобное этому решение находим и под 1148 г. Новгородцы, призвав к себе князя Изяслава для защиты от Юрия, решают объявить последнему войну. Они говорят Изяславу:

„Княже! ать же пойдём! И всяка душа, аче и дьяк, а гуменцо ему прострижено, а не поставлен будет, и ти пойдет. А кто поставлен, ать Бога молить“ (Ипат.).

Киевляне, решившись в 1151 г. воевать с тем же князем Юрием, в такой форме извещают об этом дружественных им князей, Вячеслава, Изяслава и Ростислава:

„Ать же пойдут вси, како можетъ и хлуд в руци взяти; паки ли хто не поидеть, нам же и дай, ать мы сами побьемъ“ (Ипат.).

О вечевых совещаниях никаких протоколов не велось. Но когда дело того требовало, вечевое решение заносилось на грамоту. Записывались, например, условия, на основании которых известному князю предоставлялся известный стол. Мы не можем сказать за неполнотой известий, с какого именно времени вошло в обычай излагать на письме договоры городов с князьями. Древнейший писанный договор, о котором упоминают наши памятники, относится к 1175 г. В этом году владимирцы (северные) признали своим князем Ярополка Ростиславича и с радостью посадили его на столе, „в Святей Богородице весь поряд положыше“ (Сузд.). Основания соглашения с князем, принятые городом, были записаны и положены для хранения в соборную церковь Св. Богородицы. Нет, однако, основания думать, что изложение на бумаге вечевых решений сделалось общей практикой в XII веке. Киевский летописец рассказывает с некоторою подробностью о соглашении киевлян с князем Игорем (с.16), но не говорит, чтобы оно было записано. Он упоминает только о скреплении его крестным целованием.

Целиком дошедшие до нас вечевые грамоты все принадлежат одному Новгороду; древнейшая из них относится к 1265 г. Но уже от самого начала XIII века имеем известие, из которого надо заключить, что не только в это время, но и ранее договоры князей с Новгородом сохранялись на пись-

ме. В 1209 г. новгородцы оказали помощь князю Всеволоду в войне его с черниговцами. Отпуская их домой, он одарил их без числа и

„Вда им волю всю и уставы старых князь, его же хотяху новгородцы, и рече им: кто вы добр, того любите, а злых казните“ (Новог. I).

„Уставы старых князь“ это, конечно, договоры князей XII века с Новгородом. Всеволод в 1209 г. переписал их на свое имя и дал Новгороду.

Описанные порядки давали полную свободу образованию политических партий и полный простор их взаимной борьбе. Наши древние политические партии группировались, обыкновенно, около князей и имели целью доставить стол тому из них, на стороне которого они стояли. Торжество князя вело и к торжеству членов партии, так как князь раздавал доходные должности и прежде всего, конечно, оделял своих приятелей. Именно этим словом обозначаются в летописях лица дружественной князю партии¹. Летописи постоянно дают примеры разделения городов на партии. Но эти указания слишком кратки, чтобы можно было написать историю древних партий. Мы приведем два-три примера единственно с целью указать на существование партий и на то, что они играли важную роль.

В 1136 г. новгородцы в соединении с псковичами и ладожанами осудили и изгнали князя Всеволода Мстиславича. Но в следующем же году приятелям его удалось доставить ему стол во Пскове. Сторонники его в Новгороде были слишком слабы, чтобы доставить ему торжество и в главном городе, а потому им пришлось также уйти во Псков. Это удаление вместе с князем и приятелей его, потерпевших поражение, довольно обыкновенное явление. При той беспощадности, с которой велась в древности борьба партий, уда-

---

¹ Всеволода Мстиславича зовут новгородские и псковские мужи, приятели его, (Новог. I. 1137); „князь Роман, узнав об отчей смерти, яви дружине своей и приятелям своим, новгородцам“ (Ипат. 1173); „бяху приятели Ростиславу от полочан“ (Ипат. 1159); см. еще для Киева (Ипат. 1169), для Владимира на Клязьме (Ипат. 1188).

ление побежденных представлялось единственным средством спасения от преследований раздраженных противников.

Выше (с. 12) мы рассказали историю занятия Рогволодом Борисовичем Друцка, где сидел сын полоцкого князя, Ростислава. Но Рогволод имел приятелей и в Полоцке. Они дали знать о себе, как только Рогволод утвердился в Друцке. Ростиславу едва удалось остановить возбужденное ими движение, одарив их многими дарами. Но и это ненадолго. По замирении его с Рогволодом они снова подняли голову, склонили на свою сторону всех полочан и доставили, наконец, полоцкий стол своему любимцу.

В Пскове мы встречаем даже немецкую партию, и это в 1240 г., во время войны Пскова с немцами. Партия эта держит перевес к немцам и подводит их к Пскову. Псковичи были разбиты немцами, а Твердила Иванкович, глава немецкой партии, „сам нача владети Псковом с немцы, воюя села новгородския“. Побежденная русская партия должна была укрыться в Новгороде с женами и детьми (Псков. I).

В Смоленске была литовская партия. В 1401 г. подступил к этому городу, где сидел тогда наместник Витовта, князь Юрий Святославич. В городе произошло возмущение, говорит летописец: „овии хотяху Витофта, а друзии отчича своего“. Странники Юрия получили перевес, убили наместника Витовтова, князя Романа, перебили смоленских бояр, которые князя Юрия не хотели, и доставили Юрию обладание смоленским столом (Воскр.). Но литовская партия продолжала существовать в Смоленске. В 1404 г., когда Юрий ездил в Москву, она снова передала город Витовту¹.

---

¹ Новог. I. См. еще любопытные места для истории древних партий: для Галича: Ипат. 1159, 1187, 1189; Густ. 1211, 1212; Ипат. 1235, 1241; для Берестья: Ипат. 1289; для Киева и Вышгорода: Лавр. 1015; Ипат. 1146, 1169; для Чернигова: Ипат. 1160; для Переяславля Южного: Ипат. 1148, 1149; для Новгорода: Новог. I. 1136—1142, 1230, 1232, 1340; Воскр. 1471, 1476; Псков. I. 1478; для Торжка: Соф. I. 1386; для Рязани: Сузд. 1209. См.: Беляев И.Д. Рассказы. Кн. II.

VII. Исполнение вечевых решений

Исполнение вечевых постановлений было дело того лица, на долю которого оно выпадало по смыслу решения. Вече непосредственно являлось исполнительным органом во всех тех случаях, когда оно оставляло за собой исполнение решения; постановления веча исполнялись и князем, если он принимал на себя соответствующие действия. Владимирское на Волыни вече 1097 г. (с.6) дает пример того и другого. Владимирцы возлагают на князя обязанность выдать виновников ослепления Василька; если же князь этого не сделает, они угрожают ему отворить ворота града и перейти на сторону его противников. По смыслу этого решения, или князь должен выдать, или граждане — отворят ворота и впустят в город противников своего князя, Володаря и Василька. Новгородское вече 1016 г. (с. 64—65), решив дать на следующее утро битву войскам Святополка, говорит, кто не пойдет, того мы сами „потнем“. Наоборот, киевское вече 1151 г. (с.65), решив войну с Юрием, наблюдение за выступлением всех на войну предоставляет князю, а за собой удерживает право суда над ослушниками.

Все это указывает на недостаточное еще развитие органов управления. За исключением князя, они еще не успели обособиться от народа: народ сам и ворота отворяет, и посылает на войну, и наказывает ослушников.

Очень понятно, что при впечатлительности народных масс и легкой возбудимости их исполнение решения является нередко актом страсти. Таково было убийство князя Игоря киевлянами в 1146 г. (с.21); новгородская вечевая практика представляет множество примеров такой же страстной расправы вечников с людьми, навлекшими на себя их неудовольствие.

VIII. Предметы ведомства

Так как народ собирается на вече в силу принадлежащего ему права решать общественные дела, которые еще не обособились от его частных и которые он рассматривает как

непосредственно до него относящиеся, то понятно, что народ может привлечь к своему рассмотрению всевозможные вопросы общественной жизни. Говоря языком нашего времени, вече принадлежала власть законодательная, правительственная и судебная. Но взаимное отношение этих различных предметов ведомства веча в древности было совсем иное, чем в наше время. Законодательству вовсе не принадлежало первенствующего значения. Наши предки жили не по закону, а по обычаю, одинаково обязательному и для народа, и для князей. Все законодательство домосковского времени не наполнит и половины одного из тех ста томов Полного собрания законов, в которых выразилась законодательная деятельность двух последних веков нашей истории. Первую заботу древнего времени составляло не законодательство, а управление. Первый же вопрос управления — избрание князя, с которого мы и начнем обзор вечевого деятельности.

1. Избрание князя

Порядок замещения столов в домосковской России составляет один из наиболее трудных и едва ли не наиболее спорных вопросов наших юридических древностей. Причина — в неполноте источников. Летописцы лишь случайно и как бы мимоходом касаются юридических основ распределения столов. Подробному рассмотрению этого вопроса мы посвятим одну из следующих глав. Теперь же остановимся на одном только основании размещения князей по столам — на народной воле. Относя избрание князей к предметам ведомства вечевого собрания, мы не хотим сказать, что столы замещались только по избранию. В нашей истории весьма нередки случаи занятия столов и против воли народа, в силу военной удачи. Право избрания уступало здесь более сильному праву победителя. Но победа превозмогающей силы не уничтожала народного обычая. Как только обстоятельства менялись к лучшему, он снова вступал в действие. Именно такой взгляд на отношение народной воли к праву сильного существовал в древности. Избранный киевлянами князь Изя-

слав, потерпев в 1149 г. поражение от дяди Юрия, обратился к избирателям своим с вопросом: могут ли они поддержать его в дальнейшей борьбе? Изнуренные войной киевляне посоветовали Изяславу уступить и уехать, но с оговоркой: нам, говорили они, с Юрием не ужиться, а потому, как только обстоятельства изменятся, мы снова будем на твоей стороне (с.23).

В первой главе было приведено немало случаев как призвания князей народом, так и изгнания их. Мы не считаем необходимым исчерпывать здесь весь относящийся до избрания князей летописный материал. При изложении вопроса о преемстве столов нам придется еще иметь дело со случаями избрания; здесь же мы сгруппируем только наиболее характерные из них.

В 1097 г. состоялся съезд князей в Любече, на котором, для прекращения княжеских усобиц, было принято в руководство на будущее время начало „отчины“. По этому началу внуки Ярослава Владимировича должны были владеть теми волостями, которые даны были Ярославом их отцам. В Киеве должны были княжить сыновья Изяслава, в Чернигове — сыновья Святослава, в Переяславле — сыновья Всеволода и т.д. Мы имеем здесь дело с чрезвычайно важным решением, которое, действительно, могло бы до некоторой степени ограничить княжеские споры из-за владений. В 1112 г. скончался киевский князь Святополк Изяславич. У него осталось три сына и, следовательно, преемство Киевской волости было достаточно обеспечено. Так как все потомки Ярослава были связаны Любецким соглашением, то со стороны князей и не возникло никакого вопроса о преемстве в Киеве. Но вопрос подняли киевляне. Они хотели иметь своим князем не кого-либо из сыновей Святополка, а Владимира Мономаха и послали к нему приглашение. Когда Владимир отказался, они повторили приглашение, предупреждая его, что, если он будет настаивать на отказе, в Киеве возникнут беспорядки, за которые ответственность падет на него. Владимир, вместо того чтобы помочь своим племянникам, сыновьям Святополка, занять Киев и наказать непокорных, принимает избрание и делается родоначальником новой линии киевских

князей (Владимировичей). Воля народная устранила, таким образом, от обладания киевским столом князей, которые должны были занимать этот стол и по завещанию Ярослава, и по единогласному решению Любецкого съезда, и предоставила его младшей линии.

Избрание народное является в данном случае решающим, и не только для Владимира, в пользу которого оно состоялось, но и для других князей, двоюродных братьев его и племянников. Все участники Любецкого съезда целовали крест на том, чтобы каждому держать свою отчину, а в случае нарушения всем выступить войной против нарушителя, и никто не выступил.

В 1146 г. Всеволод Киевский предложил киевлянам признать своим князем по смерти своей брата своего, Игоря; в 1157 г. то же делает в Ростовской волости князь Юрий, а в 1187 г. Ярослав Осмомысл в Галиче. Во всех этих случаях народ при жизни помянутых князей соглашается с их предложениями, а по смерти их нарушает свое обещание и возводит на престол других лиц.

По смерти князя Изяслава, избранного киевлянами в 1146 г., они передают киевский стол брату его, Ростиславу. Вот как описано это событие летописцем:

„И посадиша в Киеве Ростислава кияне, рекуче ему: „якоже же брат твой, Изяслав, честил Вячеслава, такоже и ты чести. А до твоего живота Киев твой“ (Ипат. 1154).

Чрезвычайно характерное известие. Из него следует, что киевляне совершенно ясно сознавали, что им принадлежит право избирать князей. Они говорят Ростиславу: Киев твой до смерти твоей, т.е. они избирают его пожизненно. Ростислав не может назначить себе наследника, кроме, конечно, случая соглашения с киевлянами. Если такого соглашения не последует, они выберут, по смерти его, кого захотят.

Подобно этому новгородцы признают сына этого Ростислава, Святослава, своим пожизненным князем. Они целуют Ростиславу крест на том

„Яко же им имети сына его себе князем, а иного князя не искати, оли ся с ним смертию разлучити“.

Киевляне очень ревниво охраняли свое право призва-

ния. Измену Игорю (с.19) они мотивировали такими словами: „не хотим быти акы в задничи“, т.е. они не желают переходить от одного князя к другому в том порядке, в каком переходит наследство в частном быту.

Не менее ясное сознание о праве избрания князя встречаем и в городах Ростовской волости. Владимирцы, недовольные Ярополком Ростиславичем, говорят: „Мы есмы вольная князя прияли к себе“. По смерти Михалки ростовцы призывают к себе Мстислава Ростиславича и говорят ему:

„Поиди, княже, к нам, Михалка Бог поял, на Волзе, на Городци, а мы хотим тебе, а иного нехощем“ (Сузд.).

В это же время (1176) владимирцы целуют крест к брату умершего „и на детех его“ (Сузд.). Это чрезвычайно знаменательная прибавка. Владимирцы не первый раз принимают участие в избрании князя. При жизни Юрия они призываются им к соглашению о преемнике; по смерти Юрия они участвуют в избрании Андрея; по смерти Андрея участвуют в избрании Ростиславичей; по изгнании Ярополка Ростиславича они призывают Михалку. Но ни в одном из этих призываний не говорится, что князь призывается с потомством. Призвания эти были, следовательно, пожизненные, как и вышеприведенное призвание Ростислава в Киев; все они предполагают право народа, по смерти призванного князя, произвести новое избрание. В 1176 г. владимирцы впервые призывают князя „с детьми“, т.е. с потомством. Эту меру надо поставить рядом с решением князей на Любецком съезде. Она имеет совершенно то же значение, но на этот раз исходит не от князей, а от народа: владимирцы ограничивают число законных претендентов на владимирский стол потомством Всеволода.

Но как это понимать? Устанавливается приведенным целованием наследственность княжеской власти во Владимире, или народ только ограничивает на будущее время свое право избрания средою потомства Всеволода? Целование 1176 г. надо, думаем, понимать во втором смысле; для первого условия того времени не были еще достаточно зрелы: не было еще выработано никакого определенного порядка наследст-

венности, а, с другой стороны, Всеволод и сыновья его имели еще слишком мало независимых от народа средств действия, чтобы обходиться без его согласия в таком важном вопросе, как замещение столов.

Такое толкование находит себе подтверждение и в летописи. Вот как описывает она назначение Всеволодом себе преемника:

„Того же лета посла князь великий, Всеволод, по сына своего, Костянтина, в Ростов, дая ему по своем животе Володимерь, а Ростов Юрюю дая; он же не еха ко отцю в Володимерь, хотя взяти Володимерь к Ростову. Он же посла по него, вторицею, зва к себе, и тако паки не иде ко отцю своему, но хотяше Володимеря к Ростову. Князь же великий Всеволод созва всех бояр своих, с городов и с волостей, и епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцы, и дворяне и вси люди, и да сыну своему, Юрюю, Володимерь по себе и вода всех ко кресту; и целоваша вси людие на Юрии“ (Воскр. 1211).

Люди целуют крест на том, что по смерти Всеволода владимирским князем будет второй его сын, Юрий. Это есть обещание признать Юрия владимирским князем и посадить его на столе. Оно напоминает известное уже нам соглашение, состоявшееся между отцом Всеволода, Юрием, и ростовцами, суздальцами и владимирцами в 1156—1157 гг. И там и здесь обойден старший сын; и там и здесь созываются люди со всех городов и волостей. Это понятно. Предстояло решить очень важный для Всеволода вопрос. Старший сын его, Константин, пошел против воли отца, захотел взять Владимир к Ростову, т.е. захотел восстановить первенствующее значение Ростова и подчинить ему Владимир. Это не могло нравиться Всеволоду, который всем был обязан новому городу, Владимиру. Не желая умалять значения этого города, он дает ему особого князя в лице второго сына, Юрия. Владимирцы, конечно, охотно к этому присоединяются; для них ничто так не желательно, как сохранение если не главенства над Ростовом, то по крайней мере своей особенности. Но для обеспечения самостоятельности Владимира крестного целования его граждан, конечно, недостаточно.

Желательно, чтобы к нему присоединились и люди других городов. Вот почему Всеволод и призывает к соглашению людей всех городов и волостей, владимирцев, ростовцев, суздальцев и пр. Присоединение к такому соглашению ростовцев совершенно понятно. С осуществлением этого соглашения они все же выигрывают, так как получают особого от Владимира князя.

Нельзя не указать еще на одно обстоятельство в распоряжении Всеволодом своими владениями. После него осталось шесть сыновей, а участки он назначает только четверем, и очень неравные: Константину дает Ростов, Юрию — Владимир, Ярославу — Переяславль, Владимиру — Юрьев, а Святославу и Ивану ничего. Надо, кажется, вывести отсюда, что у Всеволода не вотчинная точка зрения. Если бы он смотрел на свои владения как на свою частную собственность, у него достало бы чем наделить всех сыновей. Тут видится что-то другое.

На продолжающуюся необходимость признания князя народом в городах древней Ростовской волости и после 1176 г. указывает и приведенное выше (с.27) обращение третьего сына Всеволода, Ярослава, к переяславцам.

В заключение приведем слова Всеволода Юрьевича, основателя, в силу народного избрания, линии владимирских князей, обращенные им к противнику своему, Мстиславу Ростиславичу.

По смерти князя Михалки ростовцы снова призвали Мстислава Ростиславича, а владимирцы целовали крест Всеволоду Юрьевичу „и с детьми“. Ростовцы не хотели примириться с этим разделением некогда единой Ростовской волости и требовали от своего князя, чтобы он прогнал Всеволода. Всеволод же, узнав о выступлении против него Мстислава, послал к нему посла со следующими характерными для того времени словами:

„Брате! оже ты привели старейшая дружина, и ты поеди к Ростовоу, а оттоле мир взмеве: тебе ростовци привели и боляре, а мене с братом Бог был привел, и володимирци и переяславци; Суздаль боуди нам обечь, да кого всхотят, то той боудет им князь“ (Сузд. 1177).

Всеволод не только признает состоявшееся избрание, но и предоставляет еще Суздалью высказаться в пользу того или другого из имеющихся в волости князей. Нелишне обратить внимание и на то, что Михалко и Всеволод не только никого не наказывают, но и никому не мстят за то, что народ не устоял на крестном целовании в их пользу, состоявшемся при отце их, Юрии.

Сознание о праве призвания хорошо высказалось в похвале летописца князю Мстиславу Ростиславичу:

„Не бе бо тоє земле в Руси, которая же его не хотяшеть“ (Ипат. 1179).

Мы привели несколько свидетельств источников, из которых видно, что народ не только осуществлял свое право призвания, но что ему было присуще и совершенно отчетливое сознание о принадлежности ему этого права. Право это признают и князья.

Но такие характерные известия встречаются нечасто. В большинстве случаев летописец говорит коротко: по смерти такого-то князя стол его занял такой-то, или: такой-то князь дал такой-то город такому-то князю. Как надо понимать эти краткие известия? Надо ли и в таких случаях предполагать народное согласие? Полагаем, что надо. Князь в мирное время всегда вступал на стол с согласия народа, которое выражалось в крестном целовании и в торжественном посажении его народом на стол. Никто не будет отрицать, что крестное целование, в котором и выражалось признание князя народом, всегда имело место при вступлении на стол нового князя; а между тем и о нем летопись очень часто забывает упомянуть. Вот как коротко передает она о вокняжении в Киеве, по смерти Владимира Мономаха, сына его Мстислава:

Лаврентьевский список: „И седе Кыеве Мстислав, сын его старейший, княжа с кротостью; а Ярополк, брат его, иде Переяславлю“.

Ипатьевский: „Мстислав, старейший сын его, седе на столе в Кыеве, отца место своего, мая в 20“.

Записан только голый факт, с опущением всех сопровождавших его обстоятельств. В Лаврентьевском же списке

прибавка о кротком княжении Мстислава свидетельствует, что факт записан гораздо позднее события, или что первоначальная редакция его была потом дополнена.

На основании таких кратких заметок нельзя делать никаких выводов о том, на каком основании вступил тот или другой князь на престол. Заключение наши должны основываться на крестном целовании, которое надо всегда предполагать. Крестное целование, в котором выражается признание князя народом, и есть юридическое основание его власти. Это признание нет надобности представлять себе всегда совершенно свободным и возникавшим по инициативе народа. Предержавшая власть имеет много способов влиять на народ и склонять его к удобным для нее решениям. Князь Полоцкий, Ростислав, например, заметив колебание в своих подданных и склонность перейти на сторону Рогволода (с.13), одаряет их многими подарками и затем уже приводит ко кресту. Сущность дела этим, однако, нисколько не изменяется. Розданные подарки служат только новым доказательством того, что согласие народа нужно.

2. Ряд с князем

Самым обыкновенным выражением законодательной деятельности веча служил „ряд“ с князем. Ряд, в данном случае, есть договор, заключаемый народом с избираемым им князем. Факт избрания князя уже предполагает заключение с ним договора, в котором устанавливаются условия княжения. Самый характерный рассказ летописи о ряде относится ко вступлению на киевский стол Ростислава Мстиславича. В 1154 г. умер Изяслав, княживший в Киеве совместно с дядею своим, Вячеславом. На место умершего избран был брат его, Ростислав. Немедленно по избрании он должен был выступить в поход против суздальского князя Юрия, который также имел притязания на Киев. Во время этого похода Ростислав, получив весть о смерти соправителя своего, Вячеслава, вернулся в Киев, похоронил дядю, раздал животы его монастырям и нищим и поспешил снова на войну. Прибыв к войску, он собрал мужей своих и начал думать о похо-

де против черниговских князей, союзников Юрия.

„Мужи же, — продолжает летописец, — бороняхуть ему пойти Чернигову, рекучи ему: „Бог поял стрья твоего, Вячеслава, а ты ся еси еще с людми Киеве неутвердил; а поеди лепле в Киев, то же с людми утвердися. Да аче стрый придет на тя, Дюрги, поне ты ся с людми утвердил будеши, годно ти ся с ним умирити, умиришися, паки ли, а рать зачнеши с ним“ (Ипат.).

Мужи Ростислава говорят новоизбранному князю „ты еще с людьми не утвердился“. Из этих слов надо заключить, что „утверждение“ князя с народом есть обыкновенный акт, который необходимо совершить всякому князю. Почему Ростислав не совершил его прежде, потому ли, что был отвлечен войной, или по каким иным соображениям, это, конечно, все равно. Ростислав мог не спешить с утверждением по какому-нибудь неосновательному и даже легкомысленному расчету; существо дела этим несколько не изменяется.

Весьма важно, что утверждение Ростислава с народом приводится в связь с предстоящей ему войной с Юрием. Положение киевлян и Ростислава было очень затруднительное. Хотя Юрия в Киеве не любили и даже не могли с ним ужиться, но он тем не менее не хотел отказаться от притязаний на „Русь“ и имел достаточно сил для борьбы, так как пользовался поддержкой черниговских князей. Ввиду этого можно было опасаться, что в Киеве образуется партия Юрия и доставит ему стол. Вот почему для Ростислава „утверждение“ с людьми было особенно нужно. Сговорившись с киевлянами, он мог действовать с большей уверенностью: если бы народ выказал полную решимость сопротивляться Юрию, он мог бы начать войну при содействии всех киевских сил; в противном случае он мог бы своевременно вступить в мирные переговоры с дядей. Такова точка зрения мужей Ростислава. Но Ростислав не послушался мудрого совета; он поспешил к Чернигову, потерпел поражение и потерял Киев.

Совет, данный Ростиславу его мужами, наводит и на некоторые дальнейшие выводы. Утверждение с людьми есть акт повторяющийся. Предержавшей власти необходимо было

прибегать к нему при всякой перемене обстоятельств; а обстоятельства, окружавшие князя, менялись чрезвычайно быстро, так как друзья князей легко переходили в лагерь их врагов. При всякой перемене в настроении партий князю нужно было новое утверждение с народом и новое крестное целование с ним. Пример такого повторительного утверждения с людьми дает полоцкий князь, Ростислав, когда в Полоцкую волость вторгся Рогволод Борисович (с.13). Постоянная рознь князей из-за владений была одной из причин, приводивших к этим повторяющимся соглашениям народа и князя.

Описание вступления на киевский стол Игоря Черниговского (с.15—16) содержит наиболее подробный рассказ о том, как заключался ряд князя с народом. Ряд заключался на вече, где присутствовал и вновь избранный князь (лично или чрез уполномоченного). В приведенном примере условия были предложены народом и приняты князем. После установления условий последовало крестное целование народа к князю и князя к народу. Князь Игорь целовал крест к киевлянам „на всей их воли“, говорит летописец; это значит, что Игорь принял без изменений условия, предложенные народом.

Но такие сравнительно подробные известия о договорах князей с народом очень редки. В большинстве случаев летописец ограничивается указанием на то, что народ и новый князь целуют друг другу крест. Такое взаимное целование непременно предполагает предшествовавшее ему соглашение, выразившееся в ряде, на котором стороны и целовали крест.

Мы имеем случаи ряда и взаимного целования креста даже с князьями, которые заняли тот или другой стол благодаря военной удаче, а не по призванию. Это очень понятно. Княжеские войны из-за обладания волостями велись не столько против населения, сколько против князя. Устранив своего личного противника, победитель встречался с народом, который в большинстве случаев ничего не имел против него и принимал победителя если и не непременно с радостью, как нередко говорят летописцы, то и без прямого со-

противления. Заключить с ним ряд представлялось необходимым, чтобы утвердиться на столе. Без такого утверждения народ имел бы одним поводом к неудовольствию больше, и весьма важным.

Приведем несколько примеров ряда князя с народом.

В 1167 г. Володарь Глебович Городенский двинулся ратью к Полоцку. Навстречу ему вышел полоцкий князь, Всеслав, с полочанами, но был разбит. Всеслав бежал, а Володарь „вниде в Полтеск и целова хрест с полтьцаны“. Известие это чрезвычайно коротко, но оно не может быть понято иначе, как в смысле заключения ряда с победителем, на котором обе стороны целовали крест.

В 1169 г., по смерти Ростислава, киевляне позвали к себе на стол Мстислава Изяславича.

„Мстислав же заутра... иде Киеву... Васильевским путем... ту выидоша кияне вси; взма ряд с братьею, и с дружиною и с кияны, в т день, и поиде Вышегороду...“ (Ипат.).

Княжение Мстислава было очень тревожное; он скоро потерял почти всех своих союзников и должен был оставить Киев. В 1172 г. обстоятельства изменились к лучшему, и ему удалось возвратиться на прежний стол, причем опять был заключен ряд:

„И вшед в Киев взем ряды с братьею с Ярославом и Володимером Мьстиславичем, с галичаны, и с Всеволодовичем и Святополком Гюргевичем, и с кияны“ (Ипат.).

В обоих случаях договор с горожанами поставлен рядом с княжескими договорами.

В 1175 г. владимирцы (на Клязьме) находились в войне с ростовцами и суздальцами; они хотели посадить у себя Михалку, тогда как старшие города стояли на стороне Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Владимирцы потерпели поражение и должны были признать власть Ярополка. Это, однако, не помешало им заключить с ним ряд. Осада Владимира, где затворился Михалка, продолжалась 7 недель.

„Володмирцы же, — говорит летописец, — нетрпяще глада, реша Михалкоу: „мирися, любо промышляй о себе“. Он же отвещав рече: „прави есте, ци хочете мене деля погинути“. И поеха в Русь. И проводиша ѿ володмирци с пла-

чем. И потом володимирци оутврдившеся с Ростиславичами крестным целованием, яко не сотворити има в городе никакого зла. И выидоша противу Мьстиславу и Ярополку с кресты из города. И вшедша в город, оутешиста володимирцы и разделиша волость Ростовскоую, седоста княжить. Ярополка князя посадиша володимирци с радостию в городе Володимири на стол, в святей Богородици весь поряд положьше“ (Сузд. и Лавр.).

Но в следующем году владимирцы восстали против Ярополка, управлением которого не были довольны, снова призвали Михалку и доставили ему обладание Ростовом и Суздаем. Михалка на этот раз явился в Ростов победителем, но это также не помешало ему утвердиться с людьми:

„Михалко же еха в Суздаль и из Суздаля Ростову, и створи людем весь поряд, утвердився крестным целованием с ними, и честь возма у них, и дары многы у ростовець“ (Лавр. и Сузд.).

В 1199 г. Роман Мстиславич Володимирский (на Волыни), поддерживаемый поляками, подступил к Галичу, который по смерти Владимира остался без князя. Галичане не хотели Романа и бились против него, но были побеждены.

„Роман же, — говорит летописец, — сед на князстве, целова крест Лешку королю, яко послушен ему быти, а галичанам целова крест, еже любити их и никого же обидети“ (Густ.).

Таким образом, даже ряд с князем-победителем не представляется делом необычайным в нашей древности.

Есть указание, что уже во второй половине XII века ряды князей с народом записывались (с.71). Ни один из договоров XII века, однако, до нас не дошел, а потому мы можем составить себе лишь очень поверхностное понятие о их содержании.

Соглашение народа и князя касалось, во-первых, общих вопросов управления и, во-вторых, некоторых частных, вызываемых особенной обстановкой данного случая.

Вышеприведенные места летописи, в которых говорится о ряде Ярополка с владимирцами и Михалки с ростовцами и суздальцами, наводят как бы на мысль, что соглашения этого

рода устанавливают полный порядок управления и суда. И в том, и в другом случае летопись говорит о „всем наряде“ или „порядке земском“. Думаем, что приведенных выражений нельзя понимать в таком широком смысле. Даже позднейшие новгородские договоры с князьями далеко не исчерпывали всего земского наряда; тем труднее допустить это для договоров XII века. Материальное право и даже порядок процесса в целом никогда не определялись этими договорами. Право и процесс определялись стародавними обычаями и считались одинаково обязательными для князя и народа. Самое большое, что можно допустить, это то, что князь обязывался держать волость по старине. Отступление от старины всегда вызывает неудовольствие и ведет даже к восстанию. В 1176 г. владимирцы (на Клязьме) возмутились высокими пошлинами, которые вимали судьи, назначенные князем Ярополком, и прогнали князя и судей его. Ярополк, конечно, действовал в данном случае не по старине, а произвольно увеличил поборы. Летописец даже указывает, кто побуждал князя „на многое имание“; его побуждали к тому ростовские бояре. То же надо сказать и об отобрании Ярополком церковного имущества, что также было поставлено ему в вину. Это тоже нарушение существующих прав. В жалобах владимирцев нельзя не видеть указания на то, что для нового князя было обязательно охранение существующего порядка.

Из соглашения Игоря с киевлянами 1146 г. видно, что народ определял иногда, кто должен производить суд. Киевляне тоже осуждают тиунов Всеволода за чрезмерные поборы и требуют, чтобы новый князь судил сам.

Можно допустить, что в договорах определялись доходы князя.

Выше мы привели уже свидетельства летописи о соглашении народа с князем относительно срока продолжительности княжения и избрания князя с детьми. Оба пункта великой важности. Они указывают на то, что народ сознавал весь вред неустойчивости княжеской власти и боролся с ней. Приурочение некоторых княжеских линий к известным территориям совершилось, таким образом, не наперекор народ-

ной воле, а при ее содействии. Летопись приводит и основания, почему народу лучше было иметь свою собственную линию князей. Владимирцы (на Клязьме) свои жалобы на Ярополка заключают такими словами:

„Сии яко не свою волость творита, яко не творяче седети оу нас, грабита не токмо волость всю, но и церкви“ (Сузд.).

В XII веке, стало быть, уже было замечено, что князья, которые завладевают волостью благодаря счастливому случаю и не надеются пустить там корни и передать ее детям, управляют ею единственно с целью нажиться, безмерно увеличивают повинности и даже отбирают частное имущество. Вот откуда у владимирцев желание иметь свою линию князей, обнаружившееся в 1177 г. при избрании Всеволода.

Но избрание пожизненное и с детьми не всегда оговаривалось, а потому, надо думать, что в тех случаях, когда такой оговорки не было сделано, предполагалось избрание бессрочное, пока князь нравится.

К частным пунктам соглашения относятся, например, такие, как условие не мстить гражданам, если они приняли князя не по доброй воле, а были принуждены к тому силою оружия.

К началу XIII века окончательно уже выработались все особенности новгородского устройства. Но в договорных грамотах с князьями они далеко не все выражены; некоторые из них, и притом самые существенные, предполагаются известными и должны мыслиться в довольно неопределенном по своему содержанию условию держать Новгород по старине, по пошлине, как держали деды и отцы теперешних князей.

В начале XII века еще встречаем случаи назначения князем новгородского посадника, но с 1130 г. устанавливается постоянная практика назначения посадника новгородским вечем¹, а в 1218 г. посадник Твердислав высказывает на вече

---

¹ В первой половине XII века еще встречаем оба способа назначения посадника: то князем, то вечем (Новогр. I. 1120) „приде Борис посадникъ в Новгород“, по Никон. --- из Киева; 1126 „вдаша (новгородцы) по-

и общее правило: „А вы, братье, в посадничестве и в князех волны“ (Новог. I). Тысяцкие, первоначально назначавшиеся князьями, с начала XIII века также назначаются вечем¹. А между тем ни один договор не говорит о праве Новгорода назначать посадника и тысяцкого. Право же это самое существенное ввиду тех ограничений княжеской власти, которые возникали из него. Ограничения эти перечисляются в договорах. Понятно почему. Право назначать посадника возникло путем практики: новгородцы не просят посадника у князя и не ждут присылки, а назначают сами. Для ограничения же власти князя нужно, чтобы он сам на это согласился. Возникновение выборного посадника еще не ограничивает власть князя. Для этого нужно особое установление, оно и возникает путем договора. Когда появились эти ограничения впервые, на это нет прямых указаний. Надо думать, что позднее выборного посадника. Есть указание, что некоторые ограничения заносились уже в договоры первой четверти XIII века. Надо думать, что ограничения эти никак не древнее конца XII века. Они вовсе неизвестны другим волостям.

В новгородских договорах конца XIII века встречаем следующие ограничения княжеской власти.

1) Князь не дает „грамот“ без посадника. Род грамот не определен, а потому выражение это надо понимать в самом широком смысле. Князь не может своею властью давать ни льготных грамот, ни уставных, ни каких иных. Говоря языком нашего времени, у князя в Новгороде нет ни законодательной, ни правительственной власти.

2) Князь не раздает волостей без посадника. Под волостями здесь понимаются административные единицы Новгородского княжества и, следовательно, князь без посадника не может в Новгороде назначить местных правительствен-

---

сидничество Мирославу Гюрятинищу“; 1129 „вниде ис Кыева Данил посадничать Новугороду“. Но уже в следующем году новгородцы дали посадничество Петрилу, и с того времени идет непрерывный ряд назначения посадников вечем. За все последние 70 лет XII столетия встречаем только один случай назначения посадника князем. В 1171 г. князь Андрей прислал Новгороду посадника Жирослава.

¹ См.: Новог. I. 1219, 1228, 1230, 1257.

ных органов¹.

3) Правительственные органы назначаются только из мужей новгородских.

4) Князь не может лишать мужа волости без вины, т.е. органы новгородского суда и управления могут быть отрешены от должности только за вину и, следовательно, по суду, а не по усмотрению князя.

5) Князь не может судить без посадника.

6) В связи с 1, 2 и 5-м пунктами стоит условие, чтобы князь не предпринимал никаких правительственных и судебных действий, касающихся новгородцев, вне Новгородской волости. Посадник, как орган текущего управления и суда, находится в пределах новгородских, а потому и князь, действующий только с посадником, действует в пределах новгородских. В связи с этим стоит условие о невыводе людей из Новгородской волости.

7) Князь, его княгиня и служилые люди не приобретают в пределах новгородских недвижимой собственности.

Все эти ограничения считаем новгородскими особенностями и сравнительно позднейшего происхождения. Относительно 4-го пункта имеем определенное указание, что он был уже занесен в договор Новгорода с князем Святославом Мстиславичем. В 1218 г. этот князь требовал удаления неугодного ему посадника Твердислава. Новгородцы спросили, есть ли какая вина на нем? Князь отвечал: „Без вины“. Тогда новгородцы сказали Святославу:

„Княже! оже нету вины его, ты к нам крест целовал, без вины мужа (волости) не лишити. А тебе ся кланяем, а се наш посадник, а в то ся не владим. И бысть мир“ (Новогор. I).

Кроме приведенных ограничений княжеской власти, договоры содержат в себе еще определение княжеских доходов и доходов княжеских чиновников, но не всех, а, по всей вероятности, только таких, по поводу которых были споры и недоразумения; затем немногие статьи, касающиеся суда, как, например, определение времени посылки общих судей,

---

¹ Исключение представляют Торжок и Волок, где князь мог держать на своей половине своего тиуна.

и наконец, пункты частного характера, как, например, обязательство князя возвратить луга, отобранные его предшественником, и проч. Что же касается материального права, общего порядка управления и суда, и порядка законодательства, то обо всем этом договоры умалчивают. Надо думать, что по всем этим пунктам князь должен был руководствоваться стариной, что и выражалось в его обязательстве „держать Новгород в старине, по пошлине“.

Если мы исключим из новгородских договоров статьи, ограничивающие власть князя, которые, конечно, не принадлежали к первоначальному их содержанию, то, думаем, в остатке получится „ряд“, довольно близкий по содержанию к первоначальным рядам, которые заключались князьями с народом во всех волостях.

Новгородские грамоты имеют свою историю, хотя новгородцы любили возводить ко временам Ярослава порядки XIII века, для придания им большего авторитета. В 1228 г. они отправляют послов к князю Ярославу Всеволодовичу, предлагая ему княжить в Новгороде на всей их воле и „на всех грамотах Ярославлих“. В следующем году Михаил Черниговский, по сказанию летописца, действительно „целовал крест на всей воли новгородьстей и на всех грамотах Ярославлих“ (Новогр. I). Ярослав, который здесь упоминается, есть, конечно, Ярослав Мудрый. Ярослав Мудрый мог состоять в ряде с новгородцами, но содержание этого ряда, конечно, было иное. При посаднике, назначаемом князем, как это было при Ярославе и позднее, не могли существовать те ограничения княжеской власти, о которых идет речь в договорах XIII века. По всей вероятности, грамоты Ярослава не существовали уже в первой половине XIII века.

Содержание новгородских договоров XIII века с течением времени несколько развивается, в XIV и XV веках в них появляются новые статьи. К сожалению, не всегда бывает можно сказать, содержится в этих новых статьях действительно новое право, или это только подтверждение старого обычая. В договорах Новгорода с Михаилом Ярославичем Тверским находим пример новой статьи, только подтверждающей старый обычай:

„А вязчего не пошло по Новгородской волости, то судиям твоим отложить“ (Рум. собр. I. № 10).

Из текста статьи ясно, что княжеские судьи устанавливают новый судебный сбор в нарушение обычая. Договор только восстанавливает старину. Можно думать, что развитие содержания договоров в XIV и XV веках именно вызывалось стремлением князей и их чиновников к нарушению старины. Так, кажется, надо понимать следующую статью того же договора:

„А коли, княже, поедешь в Новгород, тогда тебе дар емати по постоянням, а коли поедешь из Новагорода, тогда дар не надобе“.

Дар есть добровольное приношение. Возникновение таких приношений — дело народной практики. В статье же речь идет о даре, который вынуждается князем. Это опять нарушение старины. Такого происхождения статья, запрещающая замышлять войну без новгородского слова, и та, по которой князь обязывается не прекращать торгова на Немецком дворе (Рум. собр. I. № 8. 1305).

Наибольшее число таких статей, отстаивающих старину, находим в последнем Новгородском договоре 1478 г., текст которого до нас не дошел (содержание его приведено на с.45 и след.).

Законодательная власть веча выражалась, таким образом, в форме „ряда“, или соглашения с князем. Это двусторонний акт, для действительности которого нужно согласие двух факторов: веча и князя. Собрание же народа на вече специально с целью законодательства не было известно древнему времени, которому была чужда и самая мысль о том, что право может быть творимо человеческим усмотрением. Сравнительно позднему времени принадлежат такие памятники вечевого законодательства, как Новгородская и Псковская судные грамоты.

3. Управление и суд

Древнему времени была совершенно чужда мысль о каком-либо разделении властей. Задачи управления были в за-

родыше и не имели своих особых органов. Органы суда и управления сливались. Вече является, однако, с преобладающим характером народной думы, а не обыкновенного органа для отправления текущего суда и управления. Для этой последней цели призывается князь. Но такое разграничение есть дело удобства, а не принципа. Нельзя же вече находиться в постоянном сборе для решения текущих вопросов суда и наряда. Но как скоро народ находил нужным, он вмешивался в княжеский суд и управление и даже управлял и судил сам непосредственно. Мы видели уже, что вече принимало на себя всякие распорядительные действия по исполнению своих решений. Даже и сами князья находили иногда нужным в вопросах правительственных обращаться к народу. Это очень понятно. Пока народ составлял силу, нельзя было игнорировать эту силу и при решении текущих вопросов управления и суда. Приведем несколько примеров.

В 1097 г. киевский князь, Святополк, получив известие о злоумышлении против него князя Василька, собирает вече и представляет дело на его суд.

В том же году ослепленный Василько и брат его, Володарь, желая наказать людей, оклеветавших их пред Давыдом и Святополком, обращаются с требованием о выдаче их к владимирскому вече.

В 1147 г. киевское вече признает Игоря врагом своего князя, Изяслава, решает убить его и само же приводит это решение в исполнение.

В 1151 г. киевляне, решив вести войну с Юрием, просят своего князя выдать ему всех, кто будет противиться этому решению и не пойдет на войну, для суда и наказания.

В 1177 г. владимирцы на Клязьме обращаются к князю Всеволоду с требованием, чтобы он либо казнил пленных рязанских князей, либо выдал им.

В том же году владимирский князь, Всеволод, сам обращается к рязанцам с требованием выдать ему остаток своих князей.

В 1208 г. рязанцы хватают оставленных у них князем Всеволодом правительственных лиц, заковывают в железо, а некоторых казнят смертью.

Подобные же примеры правительственной и судебной деятельности новгородского веча слишком известны, чтобы нужно было их приводить.

Приведенные случаи доказывают, что вече, как высшая власть, берет на себя иногда решение правительственных и судебных вопросов, а не то, что вече есть обыкновенный орган для текущего управления и суда.

К наиболее важным вопросам древнего управления относятся вопросы об объявлении войны и заключении мира. Для правильного понимания того, какую роль в этих вопросах играло вече, надо иметь в виду, что князь мог вести войну: во-первых, собственными средствами, при помощи дружинников и охотников, и, во-вторых, средствами волости, при содействии всего населения. Для войны собственными средствами князь не нуждался в согласии веча: он вел ее по собственному усмотрению и на свой страх. Для войны второго рода нужно было согласие веча. Ясный образчик этих двух способов войны дают киевские события 1147 г. Киевский князь, Изяслав, задумав в союзе с черниговскими князьями войну против дяди Юрия, просил киевлян помочь ему. Не доверяя черниговцам, киевляне отказали в помощи. Это не помешало, однако, князю выступить в поход. Он кликнул клич к охотникам, собрал „множество вой и поиде“. Но предводитель киевского полка, киевский тысяцкий, остался в Киеве. Союз с черниговскими князьями оказался, однако, непрочным, они изменили Изяславу, и положение его сделалось крайне затруднительным. Он снова просит киевлян о помощи. На этот раз они решают выступить в поход и с детьми. С этого момента киевляне участвуют в войне по определению веча.

Война, начатая с согласия веча, прекращается, если народ потребует заключения мира, а князь не имеет сил вести ее своими средствами. Так, по желанию народа Изяслав прекратил в 1169 г. войну с Юрием и уступил ему Киев. В 1175 г. владимирцы на Клязьме, не имея более возможности отстаивать призванного ими князя Михалку, говорят ему: „Мирися, или промышляй о себе“.

Но народ не только участвует в решении вопроса о вой-

не, задуманной князем; когда находит нужным, он принимает на себя инициативу объявления войны. Так поступили киевляне в 1067 г. Князь их Изяслав, потерпев поражение от половцев, укрылся в Киеве и не хотел продолжать борьбы. Киевляне собрали вече на Торговище и потребовали выступления против половцев. Изяслав не послушал их и был заменен Всеславом, который до того времени сидел в Киеве в тюрьме (Лавр.). В 1177 г. ростовцы, требуя от своего князя, Мстислава Ростиславича, объявления войны Всеволоду Владимировскому, говорят: „Аще ты мир даси ему, но мы ему не дамы“ (Лавр.).

Народ принимает на себя и инициативу заключения мира. В 1186 г. смоленский князь, Давыд Ростиславич, в союзе с новгородцами предпринял поход на Полоцк.

„Слышавше же, — продолжает летописец, — полочане, и сдумаша ркуще: „не можем стати противу новгородцем и смолянам, и аще пустим их во свою землю, то и мир хотя с ними будеть, а зла много сотворят нам и землю нашу пусту сотворят; но поидем к ним на рубеж. И собравшеся вси, поидоша противу их, и сretoша их на рубежи с поклоном, и с честию, и с дармы многими, и, умирившеся, разидошася кийждо во свояси“ (Воскр.).

В Ипатьевском списке летописи под 1178 г. находим любопытный образчик переговоров князя с народом о войне.

„Сядящу же Мьстиславу в Новегороде Велицем, и вложи Бог в сердце Мьстиславу мысль благу пойти на чюдь и созва мужи новгородские, и рече им: „братье! се обидят ны погании; а быхом узревше на Бог и на святой Богородицы помочь, помьстили себе и свободили быхом новгородскую землю от поганных“. И бы любя речь его всим мужем новгородским, и рекоша ему: „княже! аще се Богови любо и тебе, а се мы готовы есмы“¹.

Народ не только решает вопросы о войне и мире, но вследствие необособленности народа и войска народ-войско, собравшись на войну, берет на себя даже распоряжение са-

---

¹ Другие случаи участия веча в решении вопросов о войне и мире можно найти в главе I.

мым ходом военных действий. Так, во время похода Ярослава на Святополка новгородцы, возбуждаемые укоризнами воеводы своих противников, говорят Ярославу: „Заутра перевеземся на не...“. Ярослав так и сделал. В 1093 г. во время похода Святополка, Владимира и Ростислава на половцев Владимир, воспользовавшись удобной позицией на берегу Стугны, хотел заключить с половцами мир, не вступая в битву. На его стороне было много мудрых мужей, между ними и воевода Ян. Но киевляне не захотели, они были в пользу сражения: „Хочем ся бити, — говорили они, — поступим на ону сторону реки“. Князя послушались и были разбиты (Лавр.). В 1150 г., во время битвы Изяслава с союзниками Юрия у Ольшаницы, киевляне „начаша стужати ему, рекуче: поеди, княже, прочь, и то рекше кияне побегоша от него прочь“. Видя это, побежал и Изяслав (Ипат.).

В 1178 г. во время войны Всеволода Юрьевича с Ростиславичами Всеволод не хотел брать на щит Торжка, где новгородцы посадили соперника его, Ярополка Ростиславича. Это возбудило неудовольствие войска, оно стало жаловаться князю: „Мы не целовати их приехали, они, княже, лжють Богови и тебе“. Сказав это, воины-народ устремились на городские стены, взяли город приступом и сожгли, а мужей повязали „за новгородскую неправду“ (Сузд.).

Любопытно свидетельство летописца о сборе рязанцев на войну с Дмитрием Ивановичем Московским:

„Рязанцы же, сурови суще человеци, свирепи и высокоумны, палаумные людища, взгордевшеся величанием и помыслиша высокоумием своим, и реша друг ко другу: не емлем себе ни щит, ни копий, ни инаго котораго оружия, но токмо емлем с собою едина ужища, да когождо изымавше москвичь было бы чим вязати...“ (Воскр. 1371).

IX. Предварительные народные собрания

Помимо народных собраний, о которых шла речь, у нас были еще предварительные собрания, которым также усвоилось наименование веча. Это совещания небольших групп людей, которые собирались в тех случаях, когда находили

нужным прежде, чем собирать общенародное вече, выяснить вопрос, о котором шла речь. Пример такого совещания представляет Новгородская летопись под 1169 г.

„Том же лете, — говорит летописец, — начаша новгородцы вече деяти в тайне, по двором, на князя своего, на Святослава на Ростиславича. И приехавше на городище приятели его, начаша поведати: „Княже! Деют людье вече ночь, а хотять тя яти“ (Новг. I).

В Новгороде, значит, была партия, недовольная князем. Но она не решилась собрать вече в обыкновенном смысле этого слова.

Она, по всей вероятности, была не уверена в своих силах и желала получить точные сведения о числе своих сторонников; она могла желать условиться и о способах действия.

До собрания обыкновенного вече в данном случае дело не дошло. Князь, узнав от своих сторонников об угрожающей ему опасности и не считая своего положения достаточно твердым, решил добровольно оставить княжение. Он уехал в Луки и оттуда прислал сказать новгородцам: „Не хочу у вас княжити, не любо ми есть“. Получив это известие, новгородцы снарядили войско, чтобы прогнать Святослава из Лук, а к себе на стол пригласили Романа Мстиславича. Все это, конечно, было решено перед тем на обыкновенном вечевом собрании, но летописец об этом не упоминает.

Партия противников князя Святослава была, значит, очень сильна в Новгороде, и они имели бы успех, если бы созвали и общее вече до отъезда князя. На это же указывает и приведенное сообщение приятелей князя, по поводу тайных вечевых собраний по дворам.

Такие предварительные совещания могли предшествовать всякому вече. Они могли созываться не только инициаторами вопросов, которые предполагалось обсудить на вече, но и их противниками. Эти также могли желать осветить вопрос и определить свой способ действия на предварительном совещании.

Эти собрания, как тайные, были известны не многим людям, а потому и не могли привлекать к себе внимания ле-

тописцев, которые и к общим-то вечам были не очень внимательны. Вот почему мы имеем о них так мало известий.

Х. Иная точка зрения на вечевые порядки и их критика

Наши ученые давно уже обратили внимание на вечевое устройство древней России, и литература предмета представляет такие мнения и взгляды, которые мы считаем необходимым привести, для уяснения дела.

Первое место, конечно, принадлежит мнению, с точки зрения которого древние народные собрания делятся на законные, или правильные, и на незаконные, или самовольные. Это мнение встречаем у Неволлина (Полн. собр. соч. VI. 112). Законным вечем признает он только такое, которое созвано князем и посадником, и непременно на дворе Ярослава. Мнение это особенно развито И.Беляевым (Рассказы. II. 158). К вечам „неправильным или чрезвычайным“, как он выражается, относятся, по его мнению, те, которые созывались во время борьбы партий; они не имели определенного места и созывались колокольным звоном; правильные же — созывались биричами и подвойскими.

Мнение это пустило глубокие корни в нашу литературу и высказывается и в наши дни. Из ученых последнего времени к нему примыкает профессор Владимирский-Буданов (Обзор истории рус. права. I. 28, 32). Он различает веча „в тесном историко-юридическом смысле“. Под вечем в этом тесном смысле он понимает „собрание полноправных граждан старшего города земли“. Тайных вечевых собраний он не считает вечами в „историко-юридическом смысле“ слова. Явные же имели, по его мнению, „нормальное“ место собраний. Это нормальное место он называет „законным“ и думает, что „место собраний немало значило для законности их“. Собрание киевлян у Туровой божницы он не считает возможным признать „нормальным“.

Приведенное деление вечевых собраний на законные и незаконные есть продукт нашего времени. Оно совершенно чуждо сознанию древней эпохи и несогласно с существом

дела. Рассмотрим несколько ближе признаки законных и незаконных собраний.

1) „Законное вече созывается князем и посадником“.

Но, во-первых, князь и посадник могут быть вне города; во-вторых, вече может собраться против князя и посадника; в-третьих, в волости может вовсе не быть ни князя, ни посадника, а вечу надо собраться для избрания князя. В древности никто не смотрел на такие собрания как на незаконные. Во Владимире Волынском в 1097 г. вече собралось не по призыву своего князя, Давыда, а по призыву его противников, Володаря и Василька. Тем не менее оно вступило в переговоры со своим князем, и он исполнил его требование. Киевское вече 1112 г., избравшее Владимира Мономаха, было созвано не князем, потому что князя уже не было в живых, и не его посадником, ибо в Киеве при князе не было посадника. Тем не менее Владимир Мономах и другие князья подчинились его решению. Никому из них и в голову не пришло возразить против законности избрания по причине неправильного созвания веча.

2) „Законное вече должно собираться на законном месте. Собрание киевлян у Туровой божницы не должно быть признано нормальным“.

Киевляне, собравшиеся у Туровой божницы, пригласили к себе на вече вновь избранного князя, Игоря. Игорь не возразил им указанием на неправильность собрания, а послал вместо себя брата, Святослава. Святослав вошел с собравшимися у Туровой божницы в переговоры, пришел к соглашению и целовал к ним крест; потом с депутатами от собравшихся поехал к брату и передал ему о своем соглашении с народом; Игорь присоединился к этому соглашению и целовал киевлянам крест „на всей их воле“. И все это мы должны считать „ненормальным“ по той одной причине, что местом собрания была Турова божница, а не Ярославов двор и не св. София? А если бы у св. Софии и на Ярославовом дворе почему-либо нельзя было собраться? Вся государственная жизнь должна была бы остановиться, и Киев остаться без князя? Думаем, что не место решало вопрос о законности собрания.

3) „Во время борьбы партий созываются неправильные вече и притом колокольным звоном, а не чрез биричей“.

Но борьба партий могла обнаружиться и на правильно созванном вече. А, с другой стороны, неправильное вече, созванное во время борьбы партий, могло окончиться примирением партий и прекращением их борьбы. Какой же результат? Правильное вече переходит в неправильное и наоборот, т.е. нет грани между правильным и неправильным. Созвание колоколом не составляет отличительного признака неправильных собраний. Колоколом собирают вече и сами князья (см. выше, с.55).

В 1209 г. в Новгороде состоялось вече в отсутствие посадника и князя. Оно было направлено против отсутствующего посадника, который и был осужден этим вечем. В том же году состоялось избрание нового посадника. По мнению некоторых ученых, это будет вече незаконное. А между тем, когда в Новгород приехал князь и узнал о решении собиравшегося без него вече, он присоединился к нему и взял на себя исполнение той части решения, которая не была еще исполнена (Новогор. I).

4) „Тайные вечевые собрания не суть вече в тесном историко-юридическом смысле слова“.

Тайные вечевые собрания, как мы уже сказали, не суть обыкновенные собрания, а предварительные.

5) „Вече, как орган государственной власти, есть собрание полноправных граждан старшего города земли“.

Отсюда следовало бы вывести, что граждане пригородов не имеют права присутствовать на вече старшего города. Но это до такой степени противоречит нашим источникам, что и сам автор приведенного мнения не решается сделать такое заключение. Совершенно наоборот, он допускает участие пригорожан на вече старшего города, но смягчает это допущение такой оговоркой: „Участие пригорожан случайно и не необходимо“. Из этой оговорки следовало бы заключить, что участие полноправных жителей старшего города неслучайно и необходимо. Но так ли это? Оно только менее случайно, чем участие жителей пригородов, но тоже случайно, так как собираются наличные граждане, которые

узнают о вече лишь в момент собрания. Собрание всех наличных граждан главного города тоже не необходимо. Сходятся вовсе не все, а желающие, и переключки не делают. Никто не участвует по необходимости, в смысле обязанности; все участвуют лишь по доброй воле, и следовательно, не необходимо. Никакого „историко-юридического“ различия между вечевыми правами жителей старших и младших городов, кажется нам, не было.

Относительно судебной компетенции веча встречаем также разноречие в нашей литературе.

Неволин признает вече верховным судилищем по делам уголовным (Полн. собр. соч. VI. 113). И.Д.Беляев судебную компетенцию веча допускает еще в более широких размерах. По его мнению (Рассказы. II. 157), вечу „приносились жалобы на неправый суд“, т.е. вече было апелляционным судом не только в уголовных, но и в гражданских делах. К сожалению, ни тот, ни другой автор не приводят источников, на которых они основывают свои мнения; мы же не заметили ни одного места, на основании которого можно было бы утверждать, что вече было обыкновенным апелляционным судом. Приняв же во внимание, что князь призывался именно для суда, что впоследствии (в Новгороде) суд его ограничивался только участием посадника, что новгородские договорные грамоты ничего не знают о суде веча, как высшем апелляционном по отношению к суду князя и посадника, о чем им невозможно было бы не знать, и зная — молчать, мы думаем, что не имеем основания отступать от высказанного уже по сему предмету мнения.

Самую широкую компетенцию веча признает С.М.Соловьев. По его мнению, предметы ведомства веча не отличались от предметов ведомства князя; но и в подтверждение своей мысли, что вече также судило, как и князь, он приводит примеры лишь чрезвычайного суда, а не обыкновенного (Об отношениях Новгорода к великим князьям. С.8 и след.).

В заключение обратим внимание на то, что наличность веча в старых городах есть факт общепризнанный, хотя, может быть, и не вполне еще оцененный. Подвергают сомне-

нию распространение этой формы быта на новые города, воздвигаемые на глазах истории князьями. Предполагают, что в новых городах Ростовской волости никогда не было веча, и этим объясняют возникновение там нового порядка вещей, подготовившего образование Московского государства. У С.М.Соловьева читаем: „Андрей Боголюбский переселяется жить из старого города Ростова Великого в новый, Владимир на Клязьме, где нет веча, где власть княжеская не встретит преград“ (История. XIII. 21; ср.: Об отношениях Новгорода к великим князьям. С.17). Новый порядок вещей действительно развился в новых городах Ростовской волости, но это было произведено совокупностью очень многих причин, среди которых не было, однако, места предполагаемому, но в действительности не существовавшему различию (см.: с.23 и след.).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вечевая жизнь пригородов

Во второй главе я указал на то, что в вечевой жизни волости принимают участие и жители пригородов. Участие это выражается в двух формах:

1) в участии пригорожан в вечевых собраниях, составляемых жителями старших городов, и

2) в особых вечевых собраниях по пригородам.

Есть указание, что жители главных городов приглашают иногда пригорожан на свои вечевые собрания. В Новгородской I летописи читаем:

„Новгородци призваша пльсковиче и ладожаны и сдумавше, яко изгонити князя своего Всеволода...“ (1136).

Ввиду важности случая (предстоял суд над князем) псковичи и ладожане получили особое приглашение приехать в Новгород для общей Думы. В этом же смысле надо понимать и съезд ростовцев, суздальцев и переяславцев во Владимире в 1175 г., по смерти Андрея Боголюбского, для избрания князя. Инициативу съезда, по всей вероятности, взяли на себя старшие города, Ростов и Суздаль, но они устроили съезд во Владимире и пригласили к нему не только владимирцев, иначе незачем было бы и съезжаться у Владимира, но и переяславцев.

Но жители пригородов принимают участие в вечевых собраниях старшего города и без особого приглашения во всех тех случаях, когда они (т.е. некоторые из них) находятся в главном городе во время вечевого собрания. Так, князь Мстислав, приглашенный новгородцами в 1147 г. в помощь против Юрия, приказывает звонить вече, а на вече сходятся новгородцы и псковичи, т.е. те псковичи, которые находились в это время в Новгороде.

Точно так же, когда вече созывается во время похода, то сходятся не только жители главного города, но и пригородов, если они принимают участие в походе. В 1217 г. новгородцы выступили в поход на чудь; чудь выслала к ним послов. Для обсуждения предложений чудских послов новго-

родцы собираются на Думу вместе с псковичами, т.е. теми из псковичей, которые были с ними в походе (Новогор. I).

К вечевым собраниям, составленным при соучастии пригорожан, применялись, конечно, те же порядки решения дел, какие действовали на вечевых собраниях жителей главных городов.

Но это участие жителей пригородов в вечевой жизни волости не могло быть ни столь же постоянным, ни столь полным, как участие в ней жителей главных городов. Особые приглашения рассылались только в особенно важных случаях и когда было время ждать приезда пригорожан. Но и в этих случаях приглашались жители не всех пригородов, а только важнейших. В случаях же внезапного созыва веча на собраниях могли присутствовать только те из жителей пригорода, которые случайно находились в это время в городе. Надо думать, однако, что и в случае особого приглашения жители пригородов являлись обыкновенно в меньшем числе, чем жители главного города. Эта разница легко объясняется удаленностью пригорода от места собрания, трудностями переезда, необходимостью больших жертв временем, деньгами и т.д.

Вторую форму участия пригородов в вечевой жизни волости составляют особые пригородные веча. В 1140 г. киевляне нарушили крестное целование Игорю и призвали к себе на стол князя Изяслава Мстиславича. В том же году Изяслав принимал послов от белгородцев и васильцев, которые также приглашали его занять княжеский стол. „Поди, — говорили послы Изяславу, — ты наш князь, а Ольговичь не хочем“. Белгород и Василев — киевские пригороды, но это зависимое положение не помешало им самостоятельно высказаться в вопросе о князе. В Друцке, полоцком пригороде, собирается в 1159 г. свое особое вече; то же наблюдаем во Владимире на Клязьме, Переяславле Северном и в новгородских пригородах, Пскове, Торжке и других. Как в городских вечах участвуют жители пригородов, так и наоборот, на пригородных вечах встречаем жителей главных городов. В призывании дручанами князя Всеволода в 1159 г. участвуют полочане. Примеры участия жителей главного города в вече-

вых собраниях пригородов представляет и новгородская история.

„Новгородци Великого Новагорода, — рассказывает летописец, — бояре, приехаша в Торжек ставити город, свопушишася и единишася с новоторжьци, и укрепишася крестным целованием, а сдумаша Думу, еже быти и стати за один; и заратишася с князем Михаилом Тферьским, и слаша наместника его с города, с Торжку“ (Воскр. 1372).

В 1393 г. новгородцы, находившиеся в Торжке, составили с новоторжцами вече и убили „некоего христолюбца, Максима именем, добра хотяше великому князю“¹.

Но на пригородном вече не всегда же присутствовали жители главного города; как вече главного города могло состоять только из жителей этого города, так и пригородное могло состоять единственно из жителей пригорода. Но и в тех случаях, когда на пригородном вече принимали участие жители главного города, оно не всегда может быть рассматриваемо как вече целой волости, так как жители главного города могли находиться в пригороде случайно. Поэтому возникает вопрос об отношении пригородных вечевых собраний к собраниям главного города.

Вопрос этот должен решаться на основании тех общих начал, которыми управлялась вечевая жизнь волости. А вечевая жизнь волости, как мы видели, управлялась началом единения. В случае единения составных элементов волости в волости господствовал мир, в случае розни — война, кото-

---

¹ Воскр. В вып. I „Обзора“ профессора Владимирского-Буданова читаем: „Предположение об участии (речь идет об участии в вечевых собраниях) всех жителей земли противоречит обширности земель и отдаленности пригородов“. Надо думать, что автор понимает здесь не право участия, а фактическое участие, так как обширность и отдаленность могут препятствовать фактическому участию, а не праву участия. В этом смысле замечание автора совершенно верно; мы не знаем только, кто высказал противоположное „предположение, что фактически собираются все“. Можно настаивать только на праве участия всех свободных и самостоятельных лиц волости. Но права не отрицает и автор. Он сам говорит на той же странице об участии пригорожан на вече главного города и об особых пригородных вечях. Почему это возможно? Потому что у пригорожан право. А собираются, конечно, не все, а кто хочет и может.

рая в конце концов снова приводила к единению. То же, конечно, было и во взаимных отношениях пригородов и главных городов. Каждый пригород мог составить особое пригородное вече и постановить на нем какое угодно решение. Но в действительности на такой самостоятельный образ действий решался не всякий пригород, а только достаточно сильный для того, чтобы настоять на исполнении своей воли в том случае, если воля эта не понравится вечу главного города. Отсюда следует, что отношения пригородов к городам были различны, смотря по силе пригорода. В то время, как сильные пригороды могли принимать решения заведомо несогласные с предполагаемой волею главного города, пригороды слабые и не помышляли о самостоятельных вечевых собраниях.

То же надо сказать и об отношении пригородов к вечевым решениям главных городов. Только сильные пригороды могли взять на себя смелость противоречить решениям главного города, слабые же должны были присоединяться к ним. Этим объясняется, почему новгородцы в 1136 г. призывают на вече псковичей и ладожан, а не корельцев и ореховцев, а ростовцы в 1175 г. владимирцев и переяславцев, а не москвичей. Большинство пригородов каждой волости составляли, конечно, слабо населенные пункты, которые не имели достаточно сил, чтобы бороться с решением главного города, а потому, обыкновенно, они присоединялись к нему. Это общее начало и выражено в известном месте летописи: „На что же старейшие сдумают, на том же пригороды стануть“.

Таким образом, взаимные отношения вечевых собраний главных городов и пригородов сводятся к тем же началам, которыми определялись взаимные отношения вечевых партий в пределах главного города. Как между вечевыми партиями главного города существует либо мир, либо война, так и между вечами главного города и пригородов. Пригород имеет не менее прав, чем члены любой вечевой партии.

Необходимость единения нельзя, однако, понимать в том смысле, что всякое решение пригорода нуждалось в формально выраженном согласии главного города, и обратно. Молчание в случае согласия было совершенно достаточ-

но для одобрения пригородного решения. В случае же несогласия главного города с решением пригорода главный город, если хотел заставить пригород отступить от принятого им решения, должен был объявить ему войну. Но надо думать, что ввиду всегда сомнительного исхода войны главный город решался на это средство только в крайних случаях. В случаях же неважных или хотя и важных, но сомнительных по исходу вооруженной борьбы, он терпел неприятное для него решение пригорода.

Перейдем к памятникам и посмотрим, встречаются ли там случаи столкновения пригородных вечевых собраний с вечевыми собраниями главного города и как они разрешаются.

В 1136 г. новгородцы, составившие общее вече с псковичами и ладожанами, осудили и изгнали князя своего, Всеволода. В следующем году приверженцы изгнанного князя задумали снова доставить ему стол Новгородской волости. Но партия их оказалась слишком слабой в Новгороде, и они потерпели там поражение; зато в Пскове им удалось склонить в пользу Всеволода громадное большинство граждан. Псковичи снова призвали Всеволода и решили защищать его против новгородцев и приглашенного ими князя, Святослава Ольговича. Таким образом, единение новгородцев со псковичами, которое мы наблюдаем в 1136 г., в момент суда над Всеволодом, сменилось рознью в 1137 г.; псковичи, в нарушение ясно высказанной воли новгородцев, снова призвали Всеволода. Для восстановления единения города с пригородом необходимо было обратиться к тем же средствам, к каким обращались и в стенах Новгорода в случае разделения мнений на вече: к миру, на основании уступок той или другой стороны, или к войне. Новгород под первым впечатлением обратился к войне. Святослав Ольгович совокупил всю землю Новгородскую, призвал брата своего, Глеба, с курянами и половцами и отправился к Пскову прогонять Всеволода. „И не покоришася псковичи им, — говорит летописец, — ни выгнаша князя от себя, но бяхуть ся устерегли, засекли осеки все“. Эта твердая решимость защищать свое мнение силою остановила новгородцев; они возвратились с дороги,

не желая проливать крови своей братии, как объясняет летописец. Ясно, что решительного намерения принудить псковичей к подчинению у новгородцев не было. Они хотели только испытать псковичей; убедившись же в их решимости стоять на своем, они отступили. Вскоре после этого Всеволод умер; на место его псковичи призвали брата умершего, Святополка, „и не бе мира с новгородци“, поясняет летописец это новое избрание, несогласное с волею старшего города. В 1138 г. новгородцы показали путь своему князю, Святославу, и призвали Ростислава Юрьевича из Суздаля. Ростиславу удалось „заключить мир“ с псковичами, но условия этого примирения города с пригородом не дошли до нас (Новогор. I).

С явлениями такого же рода встречаемся и в других волостях.

В 1151 г. полочане схватили своего князя Рогволода Борисовича и сослали в Минск, где он подвергся тяжкому заключению, а к себе пригласили Ростислава Глебовича. Ростислав сел в Полоцке, а сына своего, Глеба, назначил посадником в младший город, Друцк. Из этого надо заключить, что дручане находились в единении с полочанами. Но единение это продолжалось только до 1159 г. В этом году изгнанный Рогволод вступил в сношение с дручанами и получил от них приглашение сесть в Друцке. Пригород и главный город разошлись. Ростислав Полоцкий узнал об этом от сына своего, Глеба, который принужден был бежать из Друцка, потеряв там все свое имение, разграбленное гражданами. Весть о возвращении Рогволода вызвала в Полоцке волнение, так как и там были сторонники Рогволода. Но князю удалось усмирить людей подарками и привести их к новому целованию на верность себе. Что же предпринимает Ростислав и утвердившиеся с ним полочане по отношению к дручанам, которые целовали крест Рогволоду биться за него и с детьми и таким образом отложились от главного города? Они выступают войной против Друцка, желая прогнать Рогволода. Но результат похода далеко не соответствовал ожиданиям. Ростислав встретил такое сопротивление со стороны дручан, что вынужден был заключить выгодный для Рогво-

лода мир, придав ему волости. По заключении этого невыгодного для Полоцка мира сторонники Рогволода снова подняли голову, получили перевес и прогнали Ростислава. Город в этом случае присоединился к мнению пригорода.

В 1175 г. ростовцы, суздальцы, владимирцы и переяславцы избрали в Ростовскую волость Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Избрание состоялось, хотя и не все избиратели были на стороне Ростиславичей. Переяславцы хотели иметь князьями Михалку и Всеволода Юрьевичей, а не Ростиславичей. Они, следовательно, присоединились к избранию потому, что не считали себя достаточно сильными для проведения своих кандидатов. Они представляли, таким образом, то скрытое меньшинство, которое надо предполагать при всяком вечевом решении. Ростиславичи были кандидатами ростовцев, которые и заправляли всем делом избрания. Как только окончились выборы, ростовцы отрядили полторы тысячи владимирцев для встречи вновь избранных князей. Но Ростиславичи приехали в Ростовскую волость не одни, они захватили с собой двух дядей, Михалку и Всеволода, с которыми вошли в соглашение о совместном княжении в избравшей их волости. Соглашение это нарушало акт призвания и вызвало неудовольствие в ростовцах, которые, по выражению летописца, „негодовали“. Иначе отнеслись к этому факту владимирцы: они приняли Михалку в свой город. Таким образом, с приездом Михалки пригород Владимир отпал от старших городов. Ростовцы не хотели примириться с этим и подступили к Владимиру. Осада продолжалась 7 недель, и пригород вынужден был, наконец, подчиниться воле старших городов; он отказался от Михалки и признал Ярополка. В следующем году произошло новое разногласие между пригородом Владимиром, к которому на этот раз присоединился Переяславль, и старшими городами, окончившееся торжеством младших городов. Рассказывая о победе Владимира, летописец прославляет ее в следующих выражениях:

„Михалко же, приехав к Володимирию с братом своим, Всеволодом, вороти города святыя Богородицы, яже бе отъял Ярополк. И бысть радость велика в граде Володимири,

видяще оу себе Великаго князя Всеволода всея Ростовския земля. Мы же подивимся чюдоу новому Божия Матере, великому и преславному, како застоупи град свой от великих бед и гражаны своя оукрепи. Не вложи бо им Бог страха и не убояшася, князя два имоуще в власти сей, и боляр их прещения нивчтоже положиша, за семь недель без князя боудуче в Володимири граде, толико взложиша надежду и оупование к святей Богородици и на свою правду. Новгородци бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане и вся власти на доумоу на веча сходятся, на чтожь старейшии сдоумаютъ, на том же пригороди станоуть. А сде город старый, Ростов и Соуждал, и вси боляре, хотяще свою правду поставити, како нам любо и тако же створим, Володимир есть пригород нашъ! Противящеся Богоу и святей Богородици, правде Божии, слоушающе злых человек развратников, не хотящих добра граду семоу и живущим в нем“ (Сузд.).

Это место дало повод многим нашим ученым утверждать, что пригороды не имеют своей воли, а по общему правилу должны подчиняться решению старших городов. Но если это так, почему же летописец волю старших городов считает внушением злых людей, развратников, и противопоставляет ее правде Божией? Почему святая Богородица была на стороне владимирцев, преступивших правду? Точка зрения летописца не сходится с точкой зрения новейших ученых. По их мнению, правы ростовцы, а владимирцы представляются им нарушителями старых обычаев; по мнению летописца, наоборот, правы владимирцы. Для их восхваления он и представляет борьбу Владимира со старшими городами как что-то небывалое, как „чудо новое“, которому надо удивиться. Этим он и ввел в заблуждение ученых XIX века. Владимирский патриот, восхваляя своих сограждан, совсем упустил из виду, что он имеет дело не с первым случаем сопротивления младших городов воле старшего. В 1136 г. Псков отражал нападение Новгорода; в 1159 г. Друцк одержал верх в борьбе с Полоцком; даже Владимир не впервые воюет со старшими городами в 1176 г.; он воевал уже с ними в 1175 г. И это, конечно, не единственные случаи. Но понятно, что летописцу, для восхваления владимирцев, надо было умолчать о

прецедентах; только при этом условии их сопротивление корыстной воле старших городов могло быть возведено до значения „чуда новаго“.

Описанное летописцем „чудо“ повторилось в Ростовской волости не далее как через год. В 1177 г., по смерти Михалки, владимирцы посадили у себя на столе его брата, Всеволода, а ростовцы снова призвали Ростислава Мстиславича и объявили войну владимирцам. Победа и на этот раз была на стороне пригорода.

Если пригород Владимир в три года имел три столкновения со старшим городом Ростовом, то можно думать, что споры младших городов со старшими не составляли у нас редкости в XII веке.

С такого же рода явлениями встречаемся и позднее. Вот несколько примеров.

В 1225 г. новгородцы, по удалении от них князя Михаила Черниговского, призвали к себе Ярослава Всеволодовича Переяславльского. Судя по тому, что Ярослав княжил и в Пскове, пригород этот находился в единении с главным городом. Так продолжалось до 1228 г., когда Ярослав предпринял поездку в Псков. Между псковичами разнеслась весть, будто Ярослав „везет с собой оковы, хотя ковати вячших мужей“; они затворились в городе и не пустили к себе князя. Опасаясь, что и новгородцы разделяют замыслы Ярослава, псковичи заключили оборонительный союз с немцами.

„То же слышавше пльсковичи, — говорит летописец, — яко приведе Ярослав плкы, убоявшеся того, взяша мир с рижаны, Новгород выложивше, а рекуче: то вы, а то новгородьци, а нам не надобе; но оже пойдут на нас, т вы нам помозите“. И они рекоша: „тако буди!“ и пояше у них 40 муж в талбу“ (Новогор. I).

Таким образом, единение пригорода с городом нарушилось, и псковичи готовились дать отпор новгородцам и князю их. Но опасения их были напрасны. Новгородцы не только ничего не замышляли против них, но даже без согласия „своих братьев пльсковичей“ не пошли на Ригу, к войне с которой побуждал их князь Ярослав.

В 1228 г. новгородцы дали посадничество в Торжке своему бывшему посаднику, Ивану Дмитриевичу, „и не прияша его новоторжци“, говорит летописец. Пригород не подчинился решению главного города. Что же делает Новгород? Терпит и тем допускает отмену своего решения.

В 1232 г., в княжение Ярослава, прибыли в Новгородскую волость сторонники черниговских князей с князем Святославом Трубецким, которому они намеревались доставить стол. Святослав скоро убедился, что приятели его преувеличивали значение своей партии, и возвратился с дороги, не достигнув Новгорода. Но приверженцы его направились во Псков, где нашли сильную поддержку. Псковичи отложились от Новгорода и князя Ярослава и заключили в оковы сидевшего у них мужа его, Вячеслава. Ярослав велел схватить находившихся в Новгороде псковичей, а во Псков послал требование освободить „мужа его“ и показать путь приверженцам черниговских князей. Но псковичи стояли за них крепко; освободить Вячеслава обещали только под условием, чтобы Ярослав освободил лиц противной ему партии, или „вы себе, а мы себе“, говорили они послу его. „И тако быша без мира все лето“, — заключает свой рассказ летописец. Ярослав остановил подвоз соли к Пскову и тем принудил псковичей к уступчивости: они освободили Вячеслава, а князь, со своей стороны, освободил приверженцев Святослава, но мира еще не заключил. Единение пригорода со старшим городом восстановилось только зимою, когда псковичи снова признали Ярослава своим князем и показали путь сторонникам Святослава.

Но новгородцы не всегда оказывали поддержку своим князьям в борьбе с самостоятельными решениями пригородных веч. В 1266 г., в княжение у них Ярослава Ярославича, псковичи посадили у себя на столе князя Довмонта Литовского. Новгородский князь хотел было идти войной на Довмонта, но новгородцы воспротивились и сказали ему: „Оли, княже, тебе с нами уведавшеся, тоже ехати в Пльсков“ (Новогор. I).

Князь Александр Михайлович Тверской, восставший против татарского насилия и изгнанный за это Великим кня-

зем, Иваном Даниловичем, нашел убежище во Пскове. В 1328 г. ездили на поклон в Орду Великий князь Иван Данилович и новгородские послы и получили приказание искать князя Александра. В следующем году Иван Данилович и новгородцы послали послов своих во Псков ко князю Александру с предложением ехать в Орду и не губить христиан. Александр решился ехать, но псковичи удержали его. „Не ходи в Орду, — говорили они, — и аже что будет на тебе, изомрем с тобою во едином месте“. Пригород сопротивляется в данном случае не только воле старшего города, но и воле великого князя и хана ордынского. Твердость псковичей была столь велика, что князь великий не находил средств овладеть князем Александром. В этом затруднительном положении он обратился к помощи митрополита и намолвил его послать проклятие князю Александру и верным русскому делу псковичам. Князь Александр, узнав об этом, отъехал в Литву (Псков. I).

Но против воли старших городов могли идти только пригороды, которые считали себя достаточно сильными. Слабые обращались к ним с жалобами и челобитьями. Ореховцы и корельцы, недовольные посадником своим, князем Патрикеем, не прогоняют его, а являются с жалобой в Новгород (Новогор. IV. 1384).

В заключение приведем еще одно свидетельство XV века. В 1428 г. приходил князь Витовт к Порхову, новгородскому пригороду, ратью. Порховичи заключили с ним мир „за себя“. После этого замирения приехали новгородские послы и дополнили заключенный порховичами мир несколькими статьями от себя (Новогор. I). Таким образом, порховичи, жители весьма неважного пригорода, считают себя вправе вступить от своего имени в переговоры с иностранной державой и заключить с нею мир; новгородцы не говорят, что порховичи не имели права этого сделать, а присоединяются к миру и дополняют его новыми статьями.

Таковы факты. Они совершенно подтверждают сделанный выше вывод о том, что пригородам принадлежит участие в вечевой жизни волости. Но иначе и быть не могло. Под жителями пригородов мы понимаем свободных людей.

Почему бы они могли быть лишены тех прав, которые принадлежали свободным людям вообще? Говорят, что жители главного города делают „обязательныя для пригорожан постановления“. Допустим. Но если пригорожане не исполняют этих обязательных для них постановлений, как заставить их подчиниться? Для этого надо объявить пригороду войну, как это делают новгородцы в 1176 г., полочане в 1159 г., ростовцы в 1175 г. и пр. Но так как исход войны неизвестен, то старший город не всегда на нее решается, а иногда терпит отступление пригорода от своей воли и, таким образом, допускает отмену своего постановления пригородом. Так поступает Новгород с Торжком в 1228 г. и со Псковом в 1266 г. Мы не отрицаем, что старшие города проникнуты сознанием своего главенства над пригородами, что они смотрят на них как на пункты поселения, от них зависимые и им подчиненные. Мы не отрицаем, что слабые пригороды, действительно, всегда подчиняются. Но жители пригородов, чувствующих свою силу, проявляют свою волю совершенно так же, как и жители главных городов. Если они подчиняются решению старшего города, то потому, что сами этого хотят; в противном случае они проводят свою волю, и старшему городу приходится иногда соглашаться с ней. В этом смысле мы и говорим, что с точки зрения вечевой жизни города и пригороды составляют единство. Мысль о таком единстве не чужда и древности. В 1397 г. Новгород заключил вечный мир со Псковом, который был тогда не пригородом новгородским, а составлял уже самостоятельную волость. Вот как говорит летописец о скреплении этого мира крестным целованием:

„И целовал крест посадник новгороцкой, Тимофей Юрьевич, и Микита, тысяцкий, Феодорович, за весь Великий Новгород, и за пригороды, и за все свои волости; а от Пскова целовал крест Григорей, и Сысой посадник, и Роман посадник, и дружина их к Новгороду за Псков, за пригороды, и за все свои волости, месяца июня в 18, на память св. мученика Леонтия и дружины его“ (Псков. I).

Крест целуется и за пригороды, они, значит, тоже участники мира. Но это единство само в себе носило начатки

разложения. Войны городов с пригородами суть явления совершенно однородные с войнами вечевых партий, происшедших на улицах Новгорода. Но город представлял все же более крепкое единство, чем волость, разбросанная по большому пространству. Войны в городе всегда оканчивались новым миром и восстановлением нарушенного распрей единства. Нельзя того же сказать о целой волости. Пригороды в случае распри могли совершенно обособиться от главного города. Друцк обособляется от Полоцка в 1159 г. под властью особого князя, Рогволода; Псков от Новгорода в 1136 г. под властью особого князя, Всеволода, и т.д. Примеры таких обособлений не все нам известны, но можно думать, что их было весьма много. Пригороды тяготились зависимостью от главного города и стремились к самостоятельности. Они легко могли получить особого князя и порвать связь со старшим городом. Стремление князей многочисленного рода Рюрика стать во главе самостоятельных княжений не есть единственная причина постоянного возникновения новых княжений в пределах старых; стремление пригородов к обособлению играло в этом деле также весьма видную роль. Постоянное разложение старых волостей на новые, более мелкие, происходит в интересах не одних князей, но и населения пригородов, которое стремится к самостоятельности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вечевые собрания у других народов

Есть достаточное основание думать, что вечевой быт составляет первую ступень государственного развития всех народов, населяющих современную Европу.

Данные, доказывающие эту мысль, представляют интерес в двух отношениях. Явления, замеченные в жизни одного народа, благодаря сравнению с такими же у других народов, могут подняться до значения общей стадии в развитии всего человечества. Сходство в праве может сблизить такие эпохи и такие народы, на близости которых история еще не останавливалась. Было время, когда родовой быт считали нашей характерной особенностью и этим объясняли многие различия в ходе нашей истории от хода истории других европейских народов. Сравнительное изучение истории права показало, что родовой быт есть общая стадия в развитии едва ли не всех народов и что история германцев сохранила следы его даже в сильнейшей степени, чем наша. Получилась общность учреждений там, где усматривали одни национальные особенности. История права разных народов в некоторых моментах стала как бы сливаться. Во-вторых, сравнительный прием расширяет наши знания; он может дополнить то, что говорят наши памятники, и более полно выяснить изучаемое явление. Ввиду этого считаю полезным привести несколько таких сравнений. Начну с германцев.

1. У германцев

Цезарь и Тацит дают первые сведения о их народных собраниях. Они всем известны и давно сделались достоянием науки. Знатоки древностей германского права пополняют их данными из отечественных источников: законодательных памятников, веистюмеров (Weisthümer) и других. Я сгруппирую эти данные в том порядке, какому следовал выше при изложении свойств русского веча.

У Цезаря и Тацита народные собрания германцев носят

наименование „совещания“ (consilium). В немецких памятниках этим собраниям даются разные названия. В некоторых они встречаются под именем *medel* и *spracha*. Яков Гримм¹ переводит их словом „разговор“ (*sermo*). И латинское, и германское наименования очень близки к нашему вечу, совещанию. В других местах „совещания“ носят наименование „круга“, *hring*, *ring*, *circulus*. Это название встречаем и у нас. У донских казаков так назывались их собрания еще в XVI и XVII веках, а, может быть, называются так и теперь.

На народных собраниях не только говорят, но и кое-что делают; так у нас, так и у германцев. Вследствие этого им усваивается наименование — *ding*, *thing*. Гримм так поясняет это слово: это то, что делается (*ding*, *das was gedingt*, *gehandelt*, *ausgemaht* wird).

Наши веча собирались не только в городах, но и в частях города, в концах (в Новгороде), и в пригородах. Цезарь и Тацит имеют в виду большие собрания по племенам (*Landthinge* или *Allthinge*), что соответствует нашим собраниям в городах, которые представляли целую волость. Но немецкие ученые, на основании других данных, признают народные собрания и в более мелких общинах (*Gau*, *vieus* и пр.); сюда подойдут и наши пригороды и концы.

О взаимных отношениях мелких народных собраний к общим племенным, или по-нашему волостным, немецкие источники ничего не говорят. Только наши дают возможность решить этот вопрос.

Кто входит в состав народных собраний? Как и у нас, — все свободные. Цезарь говорит о собрании „множества“ людей, Тацит утверждает, что „важные дела обсуждались всеми“ (*Germania*. XI).

Это не значит, что в обществе того времени не было еще классовых различий. Они были, и Тацит не раз противопоставляет „благородных“ (*nobilitas*) и „знатных“ (*principes*) простым людям. Но эти различия не влияли на право прини-

---

¹ Deutsche Rechtsalterthümer. 746 и след.

мать участие в народных собраниях. Там сходились все свободные¹.

О том, кто имеет право созывать народные собрания, ни Цезарь, ни Тацит не говорят. Но из выражения, которое употребляет Тацит, говоря о сходках народа, — „собираются“ (соеunt, XI), надо заключить, что созыва властями не нужно, народ может и сам собраться. Созывают власти, созывают и все желающие, как и у нас.

Германцы собираются, как и наши предки, во всех необходимых случаях, но, кроме того, и периодически, раз в месяц, в новолуние или в полнолуние.

Говоря о наших вечевых собраниях, я указал на то, что посещение их не есть обязанность, а только право. Эта мысль проскальзывает и у Тацита. Сказав о времени народных собраний, он продолжает так: „Здесь есть тот возникающий из свободы порок, что на сходки собираются не сразу и не как бы по приказу, но теряется два и три дня по медлительности приходящих“ (XI). Что за свобода, о которой здесь упомянуто как бы мимоходом? Это свобода приходить на зов или нет, как и у нас².

Число сходящихся также не было определено, как и у нас. Слова Тацита — „когда толпе понравится, сядятся вооруженные“ — можно понять только так: когда толпа собравшихся найдет себя достаточно многолюдной, начинается совещание.

Я указывал уже на то, что многие из наших исследователей не могут примириться со значительной беспорядочностью вечевых собраний, а потому и приходят к мысли разделить их на законные и незаконные. Беспорядочны незакон-

---

¹ Вот как характеризует Вильда, большой знаток древнего нрава, отношение германцев к народным собраниям: „Война составляла потеху (Lüst) свободного человека, посещение народных собраний — его лучшее занятие“ (Strafrechts der Germanen. 137).

² Мысль, что посещение народных собраний было для древнего германца правом, а не обязанностью, высказывает и Вильда. После приведенного выше он прибавляет: „Настало время, когда то, что было правом стало ощущаться как тягость; тогда народ начал уклоняться от осуществления своего права. Это вызвало особые законодательные меры.“

ные, законные же весьма порядочны: они собираются князем на узаконенном месте и т.д. То же недовольство беспорядочностью германских народных собраний видно и у некоторых немецких историков. Вайц¹, например, так передает приведенное место Тацита: „Собрание открывается, когда все соберутся“². Кто будет читать Тацита по Вайцу, тот должен согласиться с тем, что германские народные собрания никогда не открывались, потому что приход „всех“ вещь невозможная³.

Члены наших вечевых собраний сидели. То же говорит Тацит и о германцах. Но он прибавляет: „сидели вооруженные“. Наши тоже приходили иногда вооруженными.

У нас не было председателя заседаний. То же и у германцев. Тацит говорит „если толпе понравится“. Собрание германцев представляется человеку, знакомому с собраниями римлян по куриям и центуриям, толпой; она сама усматривает, что делать. Избранного руководителя, который открывал бы собрание и ставил вопросы, нет. Такие собрания должны быть очень шумны. Кто-нибудь руководить должен же, а для этого надо перекричать всех. Многие, конечно, и кричали.

Тацит говорит: „Тишина устанавливалась жрецами, которым принадлежало и право наказывать“. Это особенность, которая нам не была известна, и понятно почему. Мы наблюдаем наше вече в христианское время. Если до введения христианства жрецы и принимали, можно думать, активное участие в наших вечевых собраниях, то христианское духовенство, конечно, не могло стать на их место. Оно шло за князем, а не за народом. Народные обычаи должны были казаться ему, пожалуй, даже остатком язычества. На вечах, по приглашению князей, участвовали и митрополиты, но служебной роли распорядителей они не играли.

---

¹ Waitz. *Duetsche verfassungsgeschichte*. I. 58.

² У Тацита: *Ut turbae placuit, considunt armati*.

³ Определение числа свободных, которые должны входить в состав общих народных собраний (*Landthinge* или *Allthinge*), есть дело позднейшего времени. Так Вильда Вайц, по всей вероятности, и имеет в виду эти позднейшие изменения.

Перехожу к вопросу о ходе дел на германских вечах и о порядке их решений. И то, и другое, хотя коротко и достаточно ясно описано Тацитом. На совещании мог говорить всякий; но, понятно, что первое слово принадлежало тому, кто созывал собрание, а в большинстве случаев это делали органы власти, они, следовательно, и начинали совещание (*sprasha*). Так и сказано у Тацита (*mox rex vel princeps*). Но кто бы ни говорил, речь его имела значение совета, а не приказа. Сила же совета обуславливалась положением говорящего, его возрастом, происхождением, военной славой, ораторским искусством и пр. (XI).

И у нас люди, старшие летами, как умудренные опытом жизни, пользовались особым почетом в обществе и, конечно, на совещаниях. Особый почет и значение принадлежали и тем, кто мог сослаться на свою „отеческую честь“. У нас также признавалось преемство знатности, т.е. заслуг предков. Это усматривает Тацит и у германцев. Явления эти не были, конечно, для него новостью. Он мог наблюдать их и в Риме. Яков Гримм подтверждает сделанное Тацитом наблюдение и в своих „Древностях“ приводит о том немало данных из средневековых памятников. В них речь идет и о велико и славнорожденных¹. Вот общее его заключение по этому предмету: „При решении всяких дел на народных собраниях старость и происхождение имели величайшее значение“ (772).

Тацит еще раз возвращается к значению происхождения. „Выдающееся благородство (*nobilitas*) или великие заслуги предков, — говорит он, — сообщают достоинство знатности (*dignationem principis*) и их потомкам (*etiam adolescentulis*). Вокруг юношей, происходящих от знатных родителей, группируются взрослые люди, уже хорошо о себе заявившие, и не стыдятся принадлежать к их дружине“ (XIII).

Итак, германские народные собрания могут постановить, что им угодно, хотя бы в их среде находились и коро-

---

¹ *Majores natu*. Сюда принадлежат и наши „благородные“ и „высокоблагородные“; в настоящее время они не в почете.

ли. Тацит подтверждает этот вывод и в другом месте. „Королям, — говорит он, — не принадлежит безграничная и свободная власть. И предводители на войне действуют не столько властью повелевать, сколько примером, когда они быстротой, прозорливостью и военными подвигами впереди первых рядов воинов вызывают удивление“ (VII).

То же было и у нас. Князья начинали бой. Воеводы князя Святослава († 972) перед началом битвы с древлянами обратились к воинам с такими словами: „Князь уже почал, потягнете, дружина, по князе“.

О порядке решений Тацит говорит: „Если предложение не нравится, народ выражает неудовольствие ропотом (*fremitu aspernantur*); если нравится, стучит копьями. Почетнейший способ согласия выражался в одобрении оружием“.

Шум оружия, стук копьями — это почетнейший способ одобрения; менее почетный состоял в одобрительных кликах. Так утверждает Тацит. Тут, кажется, можно видеть некоторую излишнюю систематизацию. Одобрительный клик надо считать обыкновенным способом принятия предложения. Прокричать одобрение легче, чем простучать его. Оружие привешивалось; чтобы стучать им, его надо было высвободить. Да и обо что стучать копьем? Пока высвобождали оружие, начинали, конечно, кричать одобрительно. Итак, кричали всегда; можно думать, что крик даже покрывал шум оружия. В случае согласия кричали одобрительно, несогласия — неодобрительно. Цезарь оба способа одобрения сливает в один: „Все множество народа восклицает и по своему обычаю стучит оружием“. Это принято и учеными. Яков Гримм по этому поводу говорит: „Собравшаяся толпа выражает свое одобрение кликом, битьем в ладоши и звоном оружия“¹.

То же бывало и у нас, 8 января 1654 г. Богдан Хмельницкий, гетман Малороссии, собрал в Переяславле раду и предложил признать власть московского государя. „Кроме царской высокой руки, — говорил он, — не найдем лучшего

---

¹ В средневековых источниках: „*Omnium astantium applaudente*“, 770.

пристанища“. На это предложение из среды народа послышались крики: „Волим под царя восточного!“ В этом и выразилось одобрение собравшихся.

Что же это за способ решения? Это решение без голосования. Голоса не собираются, как и у нас. Решают по общему настроению. Есть, конечно, и иначе думающие, но за громогласным одобрением или порицанием множества людей их голоса не слышны. А если их немного, они и рта не разевают. Это, как и у нас на вече, — единогласное решение.

А если противников много? Если их около половины? Тацит о таком случае не говорит.

Никто, однако, не будет отрицать, что это случай возможный. Разрешение его, и при молчании Тацита, не представляет затруднений. И в настоящее время можно наблюдать, до чего доходит иногда в нижних палатах раздражение партий в случае разделения мнений. Там дерутся. Такие явления недавно еще можно было наблюдать во Франции, Австрии, да и еще, кажется, кое-где. Что же это — явления только нашей современности, неизвестные древности?

Это случалось и до Рождества Христова и на самой родине Тацита.

Вот несколько примеров, я беру их у Плутарха.

„При голосовании в народном собрании (на римском форуме) вопроса о распределении провинций (между правителями) многие были ранены, четверо даже убиты, Красс († 53 до Р.Х.) ударил не соглашавшегося с ним сенатора, Луция Анналия, кулаком по лицу, окровавил его и выгнал из собрания“.

„Помпей наводнил столицу солдатами и всюду действовал насилием. Солдаты его неожиданно напали на консула Бибула, направлявшегося к форуму вместе с Лукуллом и Каттоном, и переломали его фасции. На голову самого Бибула опрокинули корзину с навозом. Двое из шедших с ним трибунов были ранены. Разогнав, таким образом, с форума своих противников, союзники провели аграрный закон“.

„Помпей послушался тех, кто предложил вернуть из изгнания Цицерона, заклятого врага Клодия, и пользовавшегося симпатиями Сената. Помпей пришел на форум вместе с

братом изгнанника, явившимся просить за него во главе многочисленной толпы. На форуме произошла стычка, где оказались и раненые, и убитые. Клодий должен был бежать. Народное собрание решило возвратить Цицерона из изгнания“.

„Гай Требуний внес предложение о распределении провинций между консулами (Помпеем и Крассом) с правом вести войну с кем только тот или другой консул захочет. Все отчаялись в успехе борьбы с этим предложением. Один Катон перед голосованием взшел на трибуну и хотел говорить. Ему с трудом дали для произнесения речи два часа. Он говорил о многом, давал советы и предсказывал будущее. Когда окончился срок, ему не позволили продолжать. Он пытался остаться на трибуне, но ликтор стащил его вниз. Но и стоя внизу, Катон громко говорил. Окружающие с негодованием слушали его. Ликтор увел его с форума. Катон вернулся, едва его выпустили из рук, с криком направился к трибуне, прося граждан не оставить его без защиты. Это повторилось несколько раз. Народный трибун приказал вести его в тюрьму. Народ провожал Катона и слушал его по дороге; уstraшенный этим трибун приказал отпустить его. Таким образом Катон отнял у своих противников целый день“.

Не так давно в австрийской палате депутатов один из ораторов таким же способом отнял у своих противников целых два дня.

Продолжаю выписку из Плутарха.

„На следующий день Помпею и Крассу удалось привлечь граждан на свою сторону, одних угрозами, других заискиваниями и подарками. Их вооруженные люди не позволили одному из трибунов выйти из Сената. Катона, кричавшего, что гремит гром, они прогнали с форума. Многие были ранены, некоторые даже убиты. Наконец, законопроект был проведен насильно, вследствие чего образовались сбирища, в ярости желавшие сбросить с пьедестала статуи Помпея, но подоспевший Катон помешал им“.¹

Все это происходило за каких-нибудь полтора года лет до

---

¹ Пер. В.Алексеева. Т.V. 237; VI. 122, 124; VII. 98 и след.

того времени, когда Тацит мог писать свою „Германию“. Он, конечно, знал, при какой обстановке писались иногда законы на римском форуме. Но он был человек просвещенный и, конечно, также хорошо знал, что происходило на Народных собраниях афинской демократии. Приведем из того же источника сведения о решении Народного собрания, присудившего Фокиона к смертной казни. Фокиона, которого Плутарх сопоставляет с Катонем. „Нравственные достоинства Фокиона и Катона, — говорит он, — до самых последних мельчайших подробностей представляют нам один и тот же характер, одно и то же лицо, один и тот же нравственный облик. Суровость в них в одинаковой мере совмещалась с гуманностью, осторожность с храбростью, заботливость о других с безбоязненностью за самого себя. Они избегали низменного и любили все прекрасное, они были честными людьми и честными политическими деятелями“ (VII. 7). Немецкий историк Дройзен говорит о нем: „Это был лучший человек, какого имели афиняне; в течение всей своей долгой жизни он имел в виду только благо своего народа“. Один из друзей Фокиона перед исполнением казни спросил его, не прикажет ли он что-либо передать сыну своему Фоку?.. „Да, — отвечал Фокион, — передай ему, чтобы он не мстил афинянам“. Для суда над таким человеком

„Архонты созвали Народное собрание. В нем было позволено участвовать и рабам, и иностранцам, и лишенным гражданской чести гражданам. Ораторская кафедра была открыта одинаково для всех мужчин и женщин. При взгляде на Фокиона, стоявшего под стражей, лучшие из граждан опустили головы, покрыли свое лицо и плакали. Один из них поднялся с места и осмелился сказать, что при решении такого важного вопроса следует удалить из Народного собрания рабов и иностранцев. Толпа не согласилась и с криком требовала закидать камнями олигархов, врагов демократии. Никто не решился после этого сказать что-либо в пользу Фокиона“.

Вот один из аргументов, который послышался из толпы в пользу присуждения к смертной казни не только Фокиона, но и лиц, обвинявшихся в соучастии с ним. Сам Фокион хо-

рошо понимал свое положение, он не оправдывался и не защищался, но спросил, указывая на обвиняемых: „За что хотите вы лишить жизни этих людей, ни в чем не виновных?“ Многие отвечали: „За то, что они твои друзья“¹.

В таком-то демократическом собрании, в котором оди-

---

¹ Это было очень давно, более двух тысяч лет тому назад. А вот что делается в наше время. 18 марта 1871 г. правительство Французской республики с президентом и Национальным собранием во главе перебралось из Парижа в Версаль. В 20-х числах того же месяца в Париже возникла Коммуна. Второго апреля она обнародовала декрет, которым церковь отделялась от государства, имущества ее объявлялись национальными, и бюджет вероисповеданий отменялся. На следующий день полиция донесла генерал-прокурору Коммуны, Риго (Rigault), что среди духовенства замечается движение, патеры собираются — одни у архиепископа, другие у настоятеля Маделены, некоторые ездили в Версаль; отцы иезуиты улицы Ломонд оказали сопротивление муниципальным властям при осмотре их библиотеки и скрыли свои приходо-расходные книги и кассу. На следующий день парижский архиепископ и настоятель Маделены были арестованы и препровождены в кабинет Риго, где и выслушали от него следующее объяснение их ареста: „Полиция открыла следы заговора, центр которого находится в архиепископстве: духовенство желает избежать последствий нового декрета, и его глава изыскивает нужные для того средства“. После некоторого молчания с обеих сторон Риго прибавил: „Кроме того, ваш арест достаточно оправдывается тем, что произошло вчера у иезуитов и убийствами, совершенными нашими версальскими друзьями“. 24 мая архиепископ и настоятель Маделены были казнены.

Французская демократия подает руку афинской; трудно указать существенную разницу между тем, что происходило за 300 лет до Р.Х., и описанным фактом. Там действовала толпа, в которой были и женщины, но и здесь дело не обошлось без них! Когда арестованных перевозили, перед казнью, из одной тюрьмы в другую, на дороге их встретила толпа криками: „Смерть им! Смерть! Высадить их. Их надо расстрелять здесь же“.

„Comme toujours? — прибавляет от себя автор, — ce sont les femmes, qui se montrent les plus furieuses. L'une d'elles est affolée à ce point, qu'elle hurle en me désignant (автор, по приказу Риго, должен был сопровождать узников): El aelui — la qui a encore un revolvere à la ceinture! Ah! C'est trop fort!“

Все приведенные подробности я взял из книги секретаря Риго (Gaston Da Costa. La commun vécue), принужденного, по низложению Коммуны, Версальским военным судом к смертной казни, которая была потом заменена ссылкой. Заподозрить его в неверности изложенного нет ни малейшего основания.

наково участвовали мужчины и женщины, рабы и свободные, состоялось осуждение Фокиона на смерть. Это случилось в 317 г. до Р.Х. и представляет очень древний случай уравнивания политических прав мужчин и женщин. Нельзя не пожалеть, что не сохранилось известий о том, почему афинская демократия нашла нужным допустить тут это уравнивание. Можно, однако, думать, что не потому, что рассчитывала на особое мягкосердечие женщин. Афинская демократия, кажется, не ошиблась. В ее решении „женской руки“ что-то не видно.

Итак, при разделении мнений партии вступают в борьбу: сильнейшая одерживает победу и заставляет слабейшую подчиняться своему решению. Насильственное проведение своих мнений составляет мировое явление, свойственное всем временам и народам.

Но есть существенное различие между борьбой партий в первичных народных собраниях и в последующих. В наше время закон признает решение по большинству. Хорошо оно или дурно, это другой вопрос, но оно должно быть принято. Насилие в наше время есть нарушение закона, это преступление. Так было и в Риме, и в Афинах в тех случаях, которые приведены выше. В первичных народных собраниях, какими представляются наши веча и германские, права большинства еще не были признаны. Это и неудивительно. Нет рационального основания, почему бы мнение, за которое высказались 210 человек, было лучше того, за которое высказались 209, 208, 202 и т.д. Истинность мнения доказывается не числом голосов, а его сущностью. Один может думать лучше тысячи. Вот почему в первоначально слагавшихся государствах никто не был обязан подчиняться большинству, всякий мог, пока жив, отстаивать свое мнение. Последствием этого является война партий, внутренняя война. Эта война считалась в древности судом Божиим. К такому суду обращались наши предки и, надо думать, обращались и германцы.

Тацит должен был это знать. Он только не договаривает и дает повод думать, что в германских народных собраниях все шло очень гладко. А почему он не договаривает? Тацит был не только историк, он был еще и политик, и умалчивает

о том, о чем говорить не находил удобным.

Перехожу к вопросу о предметах занятий германских народных собраний.

Они избирают всех начальственных лиц: королей (reges), предводителей (duces) и местных судей (principes). В этом отношении германские народные собрания имеют более широкую компетенцию, чем наши. Наши избирали только князей и предводителей (тысяцких), все остальные власти назначались князьями. Избрание местных правителей-судей перешло к народу позднее и только в Новгороде (посадники).

Затем, германские веча ведают все важнейшие дела; этим важнейшим Тацит противопоставляет мелкие, которые подлежат решению местного начальства. Тацит здесь очень краток. Что такое важные и что такое мелкие дела, это разграничить очень трудно. Законодательство и война — это, конечно, важные дела; они, разумеется, подлежали решению народного собрания. Дела управления и суд могли быть и важные, и мелкие. Как они распределялись, этого мы не знаем.

Есть основания утверждать, что германские народные собрания стояли в более близком отношении к суду, чем наши. В наших источниках есть указания, что суд составляет дело князя; участие народа в суде князя проявляется в присутствии на суде „добрых людей“ из народа; но чтобы суд входил в число обыкновенных дел вечевых собраний, этого не видно; наше вече ведает и суд, но не обыкновенный, а чрезвычайный.

Иначе в Германии. Германские веча избирают местных судей, но суд происходит в народных собраниях. Вот почему народные собрания называются иногда просто судом. Слово *spracha* означает, по Як. Гримму, не только разговор, совещание, но и суд; *in digne* значило также — на суде; *tagading* — означало и суд. Слово *mallum* (*mahal*) тоже означает народные собрания в смысле суда. На них происходило не только решение по спорным делам, но и так называемая добровольная юрисдикция, совершение разного рода актов, например, браков. От *mallum* (*mahal*) произошло *vermählen*,

gemähl, gemahlin (433). На кругах (ring) — тоже совершались браки.

Этому можно привести аналогию и из нашей жизни. У донских казаков в XVI и в XVII веках браки и разводы тоже совершались на кругах. Муж, не желавший жить со своей женой, являлся в „круг“ и объявлял, что отпускает ее. Этого было довольно для расторжения брака. Случалось, что находились охотники, которые тут же брали отпущенную себе в жены. Для этого требовалось только покрыть ее своей свиткой.

Итак, германские народные собрания, большие и малые, суть обыкновенные суды для спорных дел и добровольной юрисдикции.

Для объяснения этой характерной особенности приведу несколько слов из Як. Гримма, которыми он начинает главу о суде: „Под судом разумею мы теперь главным образом решение юридических споров и наказание преступников“. Первоначально же преобладало представление о народном собрании (concilium), в котором разбирались все общественные дела марки, гау и волости (Landschaft), все торжественности бесспорного права (что мы называем добровольной юрисдикцией), а также, наконец, рассматривались споры и присуждались штрафы. Теперь судьи составляют суть суда, а тогда собравшийся народ. Споры о праве могли тогда разрешаться и вовсе без судей, но на судном месте (т.е. в народном собрании) при помощи одних посредников (schiedsleute).

Таким образом, значением народных собраний для суда надо объяснять и вышеуказанное различие немецких веч от наших: как судьи они собираются периодически, наши — нет. И другое: на них распорядительную роль играют жрецы. На древнем суде участие жрецов было существенно: там произносились клятвы и производился суд Божий. Все это могло быть и у нас, но с принятием христианства, хотя клятвы и суды Божии и продолжали применяться на суде, но суд у нас не сливался с народным собранием, как в Германии, а составлял отдельное от него учреждение.

Кроме описанных общих совещаний, у германцев были

еще предварительные. По словам Тацита, они составлялись из начальственных лиц (principes) и предшествовали общим. На них обсуждались дела, подлежащие внесению на общее народное собрание.

Вот и все, что можно сказать о древнейших германских народных собраниях. Вайц, заключая свое изложение их устройства и деятельности, говорит: „Все германские племена, особенно северные, долго держались такого порядка вещей“. У нас они держались еще долее. Я дополню сказанное только той характеристикой деятельности англосаксонских народных собраний (witenagemot), какую делает Кембль в своем прекрасном изложении древнейшей истории английского устройства. „Акты, — говорит он, — если только мы можем употребить это слово, англосаксонских парламентов являли ряд мирных договоров всех союзников, составлявших государство, постоянный пересмотр и возобновление союзов наступательных и оборонительных всех свободных людей. Это были взаимные соглашения о поддержании мира и спокойствия. Кто вступал в такое соглашение, мог выступить из него, но должен был принять на себя и все последствия от такого действия“¹.

Эта характеристика совершенно приложима и к тем актам, которые составлялись и на „новгородских парламентах“. Например:

„Но Богом дьявол попраи бысть и съидошася братья в купе однодушно и крест целоваша“, т.е. был раздор и война, а потом вступили в мирное соглашение и скрепили его присягой.

„И по усобной той рати, поидоша все пять концов в одиначество и грамоту списаша с князем и запечаташа на вечи“, т.е. заключили письменное соглашение после войны.

„И тако быша без мира по две недели и потом сидошася в любовь“.

Вот целый ряд мирных договоров. Можно подумать, что Кембл читал наши летописи. У нас, как и у англосаксов, мир сменялся войной, и дружественные соглашения сменялись

---

¹ Kemble. The saxons in England. II. 184.

одно другим, по старинной поговорке „Мир стоит до рати, а рать до мира“. То же было у англосаксов и германцев на материке Европы.

II. У греков

Тацит говорит языком общих понятий, у него нет картин, он дает только принципы, а не конкретные явления. Мы у него не видим, что и как говорили германцы, как они ссорились и мирились. Об этом можно только догадываться.

Другой материал имеем мы для суждения о древних народных собраниях греков. Гомер дает великолепные картины греческих собраний в доисторическое время Троянской войны. Это сама практика тех принципов вечевой жизни, которые изложены у Тацита. Картины Гомера так полны жизни и ее мельчайших, но характерных проявлений, что мы находим в них не только полнейшее подтверждение нам уже известных порядков, но и новые дополнительные к ним черты, о которых ни Тацит, ни наши источники не упоминают. Приведу несколько примеров собственными словами поэта с сокращением лишь того, что не имеет прямого отношения к занимающим нас вопросам.

Вторая песнь „Одиссеи“ открывается такой картиной:

Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос;
Ложе покинул тогда и возлюбленный сын Одиссеев.
Звонкоголосых глашатаев царских созвав, повелел он
Кликнуть им клич, чтоб на площадь собрать густовласых ахеян.
С медным в руке он копьем перед сонмом народным явился,
Был не один, две лихие за ним прибежали собаки.
Старцы пред ним раздалися, и сел он на месте отцовом.
Первое слово тогда произнес благородный Эгипций,
Старец, согбенный годами и в жизни изведавший много.
„Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки,
Мы на совет не сходились ни разу с тех пор, как отсюда
Царь Одиссей в быстроходных своих кораблях удалился.
Кто же нас собрал теперь? Кому в том внезапная нужда?
Юноша ль он расцветающий? Муж ли годами созрелый?
Слышал ли весть о идущей на нас неприятельской силе?

Хочет ли нас остеречь, наперед все подробно разведав?
Или о пользе народной какой предложить нам намерен?

Здесь каждое слово драгоценно. В каждом стихе мы видим практику тех принципов, которые нам уже известны.

Народное собрание созвал сын царя Одиссея, но мог созвать и всякий. Это видно из вопроса старца Эгипция: „Кто же нас собрал теперь?“ На этот вопрос Телемаку пришлось ответить, что на этот раз собрал народ он сам.

Это первое собрание после отъезда в Троию Одиссея. В течение девяти лет в Итаке не было ни одного народного совещания. Ясно, что греческие веча собирались не периодически, как германские, а по мере надобности, как наши.

Телемак является на собрание вооруженный и садится на месте отцовом. И у нас, и у немцев — приходили в оружии и садились.

Кто же собирается? Все густовласые ахеяне, т.е. весь народ без всяких различий, знатные и незнатные, молодые и старые.

Чтобы дать Телемаку место, старцы должны были потесниться. Это указывает на то, что старцы занимали первое место, рядом с царем. О преобладающем значении старцев говорят и наши источники, и Тацит. Но старцы не власть, они не приказывают, а действуют, вызывая почтение.

Но почтение, вызываемое мудростью, приобретаемую долгой жизнью и делами, вещь условная. Одни признают возможное преимущество старости и преклоняются пред ним, а другие могут и не признавать его. Тацит об этом не говорит, а Гомер дает прелестные картины столкновений молодежи со старцами. Во время описываемого Народного собрания Зевс-громовец послал двух орлов; они быстро кружились с непрерывными взмахами крыльев, очи их сверкали бедою; расцарапав друг другу и груди и шеи, они быстро умчались, пролетев над собранием.

Выступил тут Галиферд, многоопытный старец,
из сверстников всех он один по полету птиц был искусен гадать и предложил собранию объяснение этого чудного

явления. Когда он кончил, ему отвечал Эвримах, сын Полибиев, один из женихов Пенелопы.

„Лучше, — сказал он,

Старый рассказчик, — домой возвратись, и своим малолетним Детям пророчествуй там, чтоб беды им какой не случилось.

В нашем же деле вернее тебя я пророк“.

Неуважение к старцам древнее Тацита, но ему, конечно, не было надобности об этом говорить; у него не могло быть и желания указать на это. Он, можно думать, скорее был склонен находить у германцев черты, достойные похвалы, чем порицания.

В начале 60-х годов прошлого века появился роман Тургенева „Отцы и дети“. Изображенная автором картина отношений детей к родителям возбудила тогда много толков в нашем обществе. Было немало читателей, которые видели в Базарове новость, порожденную нашим временем. В Базарове, конечно, много нового, вызванного условиями того времени. Но его отрицательное отношение к родительской власти едва ли многим моложе отрицательного отношения Эвримаха к мудрости Галиферда, многоопытного старца. Ливий, рассказывая о том, что молодежь Ветурийской сотни изъявила желание посоветоваться с сотней ветурийских стариков по одному вопросу о выборах (это случилось в конце III века до Р.Х.), о своем времени († в 17 г. по Р.Х.) говорит: „В наше время власть родителей стала ничтожной и впала в презрение; трудно поверить, чтобы теперь молодые люди, призванные к выборам, захотели бы советоваться со стариками“. Вот как давно разошлись отцы и дети. Немало примеров такого разлада и в нашей истории. Ярослав Мудрый не слушался своего отца, Святого Владимира, Великий князь Владимир собирался даже выступить против сына с войском, но при этих сборах умер; старший сын Юрия Долгорукого соединился с врагами своего отца и пр., и пр.

Возвращаюсь на прежнее.

Тацит говорит о значении, какое германцы придавали происхождению и обусловливаемой происхождением знат-

ности даже молодых людей, лично еще не успевших о себе заявить. Это наблюдается едва ли не у всех народов. Греки также не были равнодушны к родовитости. Недаром Гомер, называя чье-либо имя, не забывает прибавить, кто был его отец, а иногда указывает и дальнейших восходящих. Но это не значит, что тогда не было людей, которые бы не преклонялись перед происхождением. Кто, кажется, был в Итаке по происхождению важнее Телемака? Он сын царя. И вот сын царя излагает Народному собранию жалобу на женихов Пенелопы, разоряющих его дом. Привожу слова поэта:

Так он во гневе сказал (Телемак) и повергнул на землю свой
скипетр.

Слезы из глаз устремились. Народ состраданье проникло;
Все неподвижно — безмолвно сидели. Никто не решился
Дерзностным словом ответствовать сыну царя Одиссея.
Но Антиной поднялся и воскликнул, ему возражая:
„Что ты сказал, Телемак, необузданный, гордоречивый?
Нас оскорбив, ты на нас и вину возложить замышляешь?
Нет, обвинять ты не нас, женихов, пред ахейским народом
Должен теперь, а свою хитроумную мать, Пенелопу“.

Тацит прав: происхождение уважается. Но прав и Гомер: уважается, да не всеми. Вот эти, иначе думающие, чем все, и кладут основание новым порядкам, новым обычаям.

У греков, как и у немцев, на Народных собраниях не было председателя. Когда густовласые ахейцы собрались, первое слово произнес благородный Эгипций, старец, согбенный годами и в жизни изведавший много. В этом выразилось обычное признание первой роли за старцами. Затем говорил кто хотел, по своему усмотрению.

Какие же дела подлежат ведению Народных собраний греков? Всякие. Это видно из приведенных выше вопросов Эгипция. Он не говорит только о суде. Я уже указал выше, что отсутствие периодичности собраний указывает на то, что они действительно не составляли суда для обыкновенных дел, но в чрезвычайных случаях и ахейцы могли созываться для суда. Телемак собрал их именно для суда женихов, разорвавших его дом.

Предложения собранию могли делать все, и старики, и молодые. Это видно их слов Эгипция.

Собранное Телемаком совещание кончилось ничем. Но способ закрытия также очень характерен. Последним оратором выступил Ментор, спутник и друг Одиссея, царя беспорочного. Ментор обратился к народу с призывом поддержать Телемака. Ему отвечал Леокрит, сын Эйвеноров:

Что ты сказал, безрассудный, зломысленный Ментор?

Смирить нас,

Граждан, ты предлагаешь! Но сладить им с нами, которых
Также немало, на пиршестве трудно. Хотя бы внезапно
Сам Одиссей твой, Итаки властитель, явился и силой
Нас, женихов благородных, в его веселящихся доме,
Выгнать оттуда замыслил, его возвращенье в отчизну
Было бы жене, тосковавшей так долго по нем, не на радость.
Так он сказав, распустил самовольно собранье народа.

Итак, нет лица, обязанного руководить совещанием, открывать его, ставить ему вопросы и закрывать. Все это делает, — кто хочет. Первоначальные народные собрания везде, — у нас, у германцев, у греков — бесформенны.

Приведу еще один пример из „Илиады“. Это тоже совершеннейший перл художественного произведения доисторической и древнейшей исторической действительности, о которой говорят Тацит и наши летописи.

Вестница утра, заря на великий Олимп восходила,
Зевсу-царю и другим небожителям свет возвращая;
И Атрид повелел провозвестникам звонкоголосым
К сонму немедленно кликать ахейских сынов кудреглавых.
Вестники подняли клич, и ахейцы стекались быстро.

Это народное собрание во время похода. Таковые бывали и у нас. В рассматриваемое время народ есть войско и войско-народ, а потому вопросы военной тактики также решаются на народных собраниях.

Прежде же он посадил на совет благодушных старейшин,
Их пригласив к кораблю скиптроносного старца Нелида.
Там Агамемнон собравшимся мудрый совет им устроил.

Это предварительное совещание, собрания этого рода известны как нашим, так и немецким памятникам. Оно собрано самим Агамемноном и состоит из начальственных только лиц, „мудрых вождей и правителей храбрых данаев“. Этот состав совершенно совпадает с тем, что говорит Тацит о предварительных собраниях у германцев.

Повод созвания вождей и правителей заключался в следующем.

Атрид видел сон. Ему представился вестник Крониона, „образом, ростом и свойством Нестору чудно подобный“. Этот вестник возвестил ему решение богов. Гера склонила всех бессмертных дать ахеянам победу над Троей.

Рассказ о виденном сне Атрид закончил такими словами:

„Други! Помыслите, как ополчить кудреглавых данаев?
Прежде я сам, как и следует, их испытаю словами.
Я повелю им от Трои бежать на судах многовеслых;
Вы же один одного от сего отклоняйте советом“.

Ясно, что царь Агамемнон не находит возможным приказывать данаям, чтобы побудить их к энергическому продолжению войны, он прибегает к военной хитрости, которую едва ли кто найдет удачной, — он будет советовать войску обратиться в бегство.

На совещании старейшин говорил один „божественный“ Нестор. Он не сказал ни слова в одобрение плана, придуманного Агамемноном. Наоборот, он пригласил собравшихся подумать, что делать. „Действуйте, други, — говорит он, — помыслите, как ополчить нам ахеян“. Вопрос представлялся ему очень мудренным, о нем надо подумать. Но и „божественному“ Нестору не приходит в голову мысль, что воинам можно приказывать. Пока продолжалось это краткое заседание, народ уже собрался.

Бурно собор волновался, земля застонала под тьмами
Седших народов. Воздвигнулся шум между оными; девять
Гласом гремящим глашатаев, говор мятежный смиряя,
Звучно вопили, да внемлют царям.

И едва лишь народ на местах учрежденных уселся,
Говор унявши, как пастырь народа — восстал Агамемнон,
С царственным скиптром в руках, олимпийца Гефеста
созданием.

К известному уже нам порядку собрания Гомер прибавляет живую черту: народ шумит. В поводах к обмену мыслей и крикам недостатка, конечно, не было, говор смиряют глашатаи; они же и собирали народ.

Царь, опираясь на скиптр сей, вещал к восстающим ахеям:

„Други, герои данайские, храбрые слуги Арея,
Зевс-громовержец меня уловил в неизбежную гибель!
Пагубный! Прежде обетом и знаменьем сам предназначил
Мне возвратиться рушителем Трои высокотвердынной.
Ныне же злое прельщенье он совершил и велит мне
В Аргос бесславный бежать погубившему столько народа!
Так, без сомненья, богу, всемогущему Зевсу угодно.
Древо у нас в кораблях изгнивает, канаты истлели.
Дóма и наши супруги и наши любезные дети,
Сетуя, нас ожидают; а мы безнадежно здесь медлим,
Делу не видя конца, для которого шли к Илиону.
Други, внимлите, и что повелю я вам, все повинуйтесь:
Должно бежать! Возвратимся в драгое отечество наше;
Нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града“.
Так говорил, и ахеян сердца взволновал Агамемнон
Всех в многолюдной толпе, и не слышавших речи советной.
Встал, всколебался народ, как огромные волны морские,
Так их собрание все взволновалось: с криком ужасным
Бросились все к кораблям, вопиют, убеждают друг друга
Быстро суда захватить и спускать на широкое море.

Масса согласилась и дружным криком выразила свое одобрение предложению царя. Ничего другого и ожидать было нельзя: уходить обратно к брошенным девять лет тому назад домам и семьям — такова воля бога. Но, как и всегда при таких решениях, были сомневающиеся и нерешительные. Их приходилось убеждать. Гомер указывает и на это. Более решительные уже бежали из собрания, они

Рвы очищают, уже до небес поднимались крики
Жажущих в дома; уже кораблей вырывали подпоры.

Придуманная Агамемноном военная хитрость принесла свои плоды: народ с радостью решил оставить Троию и возвратиться в Элладу. Но не такова действительная воля богов, не такова и воля самого царя. Испорченное им дело пришлось исправлять более него мудрым старейшинам: Одиссею, „советами равному Зевсу“ и „божественному“ Нестору. Первым выступил Одиссей.

Сам Одиссей Лаэртид... пошел к кораблям аргивян
меднобронных,

Там, властелина или знаменитого мужа встречая,
К каждому он подходил и удерживал кроткою речью:
„Муж знаменитый! Тебе ли, как робкому, страху вдаваться?
Сядь, успокойся и сам, успокой и других меж народа:
Ясно еще ты не знаешь намерений думы царицы,
Ныне испытывал он, и немедля накажет ахеян;
В сонме не все мы слышали, что говорил Агамемнон, —
Если он гневен „жестоко, быть может, поступит с народом“.
Если кого-либо шумного он находил меж народа,
Спипетром его поражал и обуздывал грозною речью:
„Смолкни, несчастный, возсядь, и других совещания слушай,
Боле почтенных, чем ты, невоинственный муж и бессильный,
Значущим ты никогда не бывал ни в боях, ни в советах“.
Так он, господствуя, рать подчиняет; и на площадь собраний
Бросился паки народ, от своих кораблей и от кущей.
Все успокоились, тихо в местах учрежденных сидели.

Что это такое? Царь Агамемнон созвал Народное собрание, сделал ему предложение, народ с радостью согласился с ним и бросился исполнять царскую волю. Является Одиссей, начинает убеждать народ не слушаться царя, говорит даже, что настоящее его намерение другое, что они не дослушали его слов и подпадут гневу царя. Ему, конечно, возражают, и очень шумно; таких он бьет. В конце концов, разошедшееся народное собрание снова собирается и садится по своим местам.

Все это самые обыкновенные явления народных собраний в их первичной форме. Всякий может созвать народ, если только народ пойдет. Агамемнон собрал совещание; народ выслушал его, согласился с его предложением и побуждал приводить его в исполнение. Одиссей не согласился и стал убеждать всех снова сесть в заседание и пересмотреть решенное уже дело. Ему это удалось, народ снова составил совещание. В таких порядках причина крайней неустойчивости народных решений. Наша история дает тому немало примеров. Мы имеем здесь дело с такой же неустойчивостью. Но здесь она является в художественном воображении, а у нас ее надо выводить из кратких и сухих летописных сообщений.

Тут же находим и другую великолепную картину столкновения Одиссея с Ферситом; она проливает яркий свет на рассматриваемые явления. Ферсит продолжал нападать на Агамемнона и тогда, когда все уже успокоились и сели по местам.

Все успокоились, тихо в местах учрежденных сидели.
Только Ферсит меж безмолвными каркал один празднословный,
В мыслях имея всегда непристойные многие речи,
Вечно искал он царей оскорблять, презирая пристойность,
Все позволяя себе, что казалось смешно для народа.
Враг Одиссея и злейший еще ненавистник Пелида,
Их он всегда порицал; но теперь скиптроносца Атрида
С криком пронзительным он поносил; на него аргивяне
Гневались страшно; уже восставал негодующих ропот;
Он же, усиля свой крик, порицал Агамемнона, буйный:
„Что Агамемнон, ты сетуешь, чем ты еще недоволен?
Кущи твои преисполнены меди, и множество пленниц
В кущах твоих, которых тебе аргивяне избранных
Первому в рати даем, когда города разоряем.
Жаждешь ли злата еще.....
Хочешь ли новой жены, чтоб любовью с ней наслаждаться,
В сень одному заключившись? Нет, недостойное дело,
Бывши главою народа, в беды вовлечь нас, ахеян!
Слабое, робкое племя, ахеянки мы, не ахеицы!
В дома свои отплывем, а его мы оставим под Троей
Здесь насыщаться чужими наградами; пусть он узнает,

Служим ли помощью в брани и мы для него иль не служим.
Он Ахиллеса, его несравненно храбрейшего мужа,
Днесь обесчестил: похитил награду и властвует ею!
Мало в душе ахиллесовой злобы, он слишком беспечен;
Или, Атрид, ты нанес бы обиду последнюю в жизни!“
Так говорил, оскорбляя Атрида, владыку народов,
Буйный Ферсит, но внезапно к нему Одиссей устремился,
Гневно воззрел на него и воскликнул голосом грозным:
„Смолкни, безумноречивый, хотя громогласный вития!
Смолкни, Ферсит, и не смей ты один порицать скиптроносцев,
Смертного, боле презренного, нежели ты, я уверен,
Нет меж ахеев, с сынами Атрея под Трою пришедших“.
Рек и скиптром по хребту и плечам он ударил.
Сжался Ферсит, из очей его брызнули крупные слезы.
..... сел он, от страха дрожит, и от боли
Вид безобразный наморщив, слезы отер на ланитах.
Все, как ни были смутны, от сердца над ним рассмеялись.
Так говорили иные, взирая один на другого:
„Истинно, множество славных дел Одиссей совершает,
К благу всегда и совет начиная, и брань учреждая,
Ныне ж герой Лаэртид совершил знаменитейший подвиг:
Ныне ругателя буйного он обуздал велеречью!
Верно, вперед не отважит его дерзновенное сердце
Зевсу любезных царей оскорблять поносительной речью“.
Так говорила толпа.

Это сама жизнь во всей ее полноте и многообразии явлений. Из Тацита мы знаем, что первая роль в народных собраниях принадлежит царям и другим представителям власти. Это мы видим и здесь; но сколько новых живых красок прибавил Гомер к этому общему положению. Агамемнон, не великий ум и не великий полководец, но он владыка народов и в этом качестве пользуется своего рода уважением. Но можно ли представить себе некоторое собрание людей, среди которых не было бы лиц, которые не выносят чужого превосходства, как бы оно ни было условно. И вот Гомер и выводит такого самолюбца в лице Ферсита. Толпа выражает ему свое неудовольствие. Неудовольствие это разделяет и Одиссей. Все уже успокоилось и мирно уселось в возобновленном заседании, а Ферсит продолжает один кричать и об-

винять Агамемнона, который, действительно, всех сбил с толку.

Говорить одному против всех, — это большая смелость. Тон речи Ферсита, действительно был „непристойный“, но по содержанию она скорее может выдержать критику, чем то, что говорил „подобный богу“ Одиссей: в защиту Агамемнона ему пришлось сказать не одну нелепость. Как же было заставить этого разномыслящего замолчать и тем присоединиться к общему решению, начать обсуждение дела сначала? Решение по большинству ни для кого не обязательно; руководителя прениями, который мог бы лишить кого-либо права голоса, не было. При этих условиях для восстановления спокойствия ничего не оставалось, как побороть Ферсита. А для этого нужно вступить с ним в борьбу, т.е. обратиться к насилию, единственному средству для прекращения непримиримых разногласий на первоначальных народных собраниях. Это и делает Одиссей „советами равный Зевесу“. Так поступить ему было тем легче, что он сильнее Ферсита и поддерживается всей массой присутствующих, которая смеется над Ферситом, а ему рукоплещет.

Мы здесь воочию видим, как получались единогласные решения на вечевых собраниях.

Ферсит умолк, и началось новое рассмотрение дела.

..... Восстал Одиссей-градоборец.

Он, благомыслия полный, витийствовал перед сонмом.

„Царь Агамемнон! Тебе, скиптроносцу, готовят ахейцы
Вечный позор перед племенем ясноглаголевых смертных,

Слово исполнить тебе не радеют, которое дали

Ратью сюда за тобою летя из цветущей Геллады:

Слово, лишь Трою разрушив великую, вспять возвратиться.

Ныне ж ахейцы, как слабые дети, как жены-вдовицы,

Плачутся друг перед другом и жаждут лишь в дом

возвратиться“.

Можно подумать, что не Агамемнон приказал ахейцам „вспять возвратиться“, а они сами это придумали! Но таковы были уже приемы хитроумного Одиссея. Обелив „владыку

народов“, он отнесся снисходительно и к народам; он продолжил так:

„Тягостна брань, и унылому радостно в дом возвратиться.
Нам же девятый уже исполняется год круговратный,
Здесь пребывающим. Нет, не могу я роптать, что ахейцы
Сетуют сердцем, томясь при судах, но, ахейские мужи,
Стыд нам и медлить так долго и праздно в дома возвратиться!
Нет, потерпите, о други, помедлим еще да узнаем
Верить ли нам пророчеству Калхаса или не верить“.

Затем приводит самое пророчество, по которому ахейцы должны были на десятый год войны разрушить Трои, и продолжает:

„Так нам предсказывал Калхас и все совершается ныне.
Бодрствуйте ж, други, останемся все, броненосцы Данай,
Здесь, пока не разрушим Приамовой Трои великой!“

Одиссей всем сказал приятное и без труда получил нужное решение:

Рек, и ахеяне подняли крик. Корабли и окрестность
С страшным отгрянули гулом веселые крики ахеян!

По одному и тому же делу в один и тот же день состоялись два совещания, созванные разными лицами, и два решения, из которых одно уничтожает другое.

После Одиссея говорил Нестор „божественный“. Его речь была чисто деловая. У него не было ни слова угодливости к владыке народов; наоборот, он посоветовал ему прислушиваться к тому, что говорят другие:

„Царь, предлагай ты совет, но внимай и другого совету.
Мысль не презренная будет, какую тебе предложу я.
Воев, Атрид, раздели ты на их племена и колена“.

В речи Нестора есть знаменательное место, об отношении меньшинства к большинству:

„Светлый Атрид...
Властвуй, ахейских сынов предводи на кровавые битвы.
Если ж из оных — один или два — помышляют не с нами,
Их ты оставь исчезать: не исполнятся помыслы робких“.

Итак, кто не согласен, может отделиться и поступать, как ему угодно.

В заключение еще одну картину. Решение ахейцев начать наступление вызвало на бой и троянцев.

И когда уже сблизились к битве идущие рати,
Вышел вперед от Троян Александр, небожителю равный,
Но лишь увидел его Менелай, любимый Ареем,
Быстро вперед из толпы выступающим поступью гордою,
Радостью вспыхнул, как лев, на добычу нежданно набредший,
Быстро Атрид с колесницы с оружием прынул на землю.

И здесь цари первые начинают бой, как и наши князья и германские герцоги; они действуют примером, а не властью.
Гомер — это древности права в лицах.

III. У римлян

Римляне также имели свои народные собрания. Но это были организованные собрания, а не бесформенные, о которых идет здесь речь. Древнейшие римские известия говорят о собраниях, которые созывались властями по куриям и центуриям, и о голосовании. История встречает римлян на высшей ступени политического развития, чем греков, германцев и славян.

* * *

При сравнительном изучении истории — древняя, средняя и даже новая сближаются, и давно установившиеся границы их теряют свое прежнее значение.